

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК
СССР

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

*Ответственный редактор
Ем. Ярославский*

К Н И Г А

1

113

БИБЛИОТЕКА
АКАДЕМИИ НАУК
СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1943

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИКАЗ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО по войскам Юго-Западного, Южного, Донского, Северо-Кавказского, Воронежского, Калининского, Волховского и Ленинградского фронтов	3
---	---

СТАТЬИ

Мочалов В. — Новые военные документы В. И. Ленина	4
Федосов П. — Рождение первой гвардейской мотострелковой дивизии	26
Лихачев Д. — Культура Руси на рубеже XIV—XV веков	40
Штейнберг Е., проф. — Германский империализм на Ближнем Востоке накануне мировой войны 1914—1918 годов	46

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Волин Б., проф. — В. И. Ленин в Самаре (экстернат и адвокатура)	51
Кушева Е. — Северный Кавказ и международные отношения XVI—XVII вв.	60
Полянский Н., проф. — Исторические прецеденты привлечения к ответственности преступников войны	68
Лазарев Н. — Первые сведения русских о Новом Свете	72

ДОКУМЕНТЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ : : : : :	76
---	----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Критические статьи и обзоры

Мосина З. — Документы о героической обороне Царицына в 1918 г. Галкин В. — Германские оккупанты в Грузии в 1918 году. Лебедев Н. — Византийские источники (справка). Никитин С. — «Славяне» (ежемесячный журнал Всеславянского комитета). Кауфман И. — Литература отечественной войны (библиографические указатели)	87
---	----

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ : : : : :	98
---	----

ХРОНИКА

Историческая наука в СССР	
Инглези Р. и Каменецкий Б. — В Государственной публичной исторической библиотеке (выставка к 25-летию Великой Октябрьской социалистической революции). Закс А. — В Государственном историческом музее (выставка к 25-летию Великой Октябрьской социалистической революции). Кремортат Б. — «От лубка к печатной картине» (выставка в Московском товариществе художников). Тифлисова А., Рубинштейн Е. — В Институте истории АН СССР	104
Историческая наука за рубежом	110

ПОПРАВКИ

Редакция считает необходимым отметить, что в статье Э. Генкиной «Победа Великой Октябрьской социалистической революции на местах», помещенной в № 10 «Исторического журнала» за 1942 г., ошибочно названа фамилия С. Кавтарадзе.

В № 12 за 1942 г. в рецензии проф. Г. Войтинского — Пальм Датт «Индия сегодня» на стр. 87-й, 2-й столбец, 7-я строка сверху, после слов «отношения и» пропущены слова «решительно не соглашается». В ст. И. Ивашкина «Юбилейная сессия АН СССР», на стр. 101, 1-й столбец, 3-я строка снизу, напечатано: «Форуша», должно быть — «Форути».

П Р И К А З ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО

ПО ВОЙСКАМ ЮГО-ЗАПАДНОГО, ЮЖНОГО,
ДОНСКОГО, СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО, ВОРОНЕЖСКОГО,
КАЛИНИНСКОГО, ВОЛХОВСКОГО И ЛЕНИНГРАДСКОГО
ФРОНТОВ

В результате двухмесячных наступательных боёв Красная Армия прорвала на широком фронте оборону немецко-фашистских войск, разбила сто две дивизии противника, захватила более 200 тысяч пленных, 13.000 орудий и много другой техники и продвинулась вперёд до 400 километров. Наши войска одержали серьёзную победу. Наступление наших войск продолжается.

Поздравляю бойцов, командиров и политработников Юго-Западного, Южного, Донского, Северо-Кавказского, Воронежского, Калининского, Волховского, Ленинградского фронтов с победой над немецко-фашистскими захватчиками и их союзниками — румынами, итальянцами и венграми под Сталинградом, на Дону, на Северном Кавказе, под Воронежем, в районе Великих Лук, южнее Ладожского озера.

Объявляю благодарность командованию и доблестным войскам, разгромившим гитлеровские армии на подступах Сталинграда, прорвавшим блокаду Ленинграда и освободившим от немецких оккупантов города — Кантемировка, Беловодск, Морозовский, Миллерово, Старобельск, Котельниково, Зимовники, Элиста, Сальск, Моздок, Нальчик, Минеральные Воды, Пятигорск, Ставрополь, Армавир, Валуйки, Россошь, Острогожск, Великие Луки, Шлиссельбург, Воронеж и многие другие города и тысячи населённых пунктов.

Вперёд, за разгром немецких оккупантов и изгнание их из пределов нашей Родины!

Верховный Главнокомандующий

И. СТАЛИН.

Москва, Кремль. 25 января 1943 года.

СТАТЬИ

НОВЫЕ ВОЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ В. И. ЛЕНИНА*

В. Мочалов

Имя Ленина — величайшего теоретика и вождя, стратега и организатора вооружённых сил советского государства, — его бессмертные идеи о защите социалистического отечества ярким светом озаряют трудный путь борьбы советского народа, в жестоких битвах с немецко-фашистскими захватчиками отстаивающего советский строй, независимость родины, будущее всего человечества. Дух великого Ленина вдохновляет советских людей на великую отечественную войну против гитлеровской Германии.

Ленин вслед за Марксом и Энгельсом чрезвычайно глубоко и верно вскрыл значение войска, военной организации в современном обществе. Он говорил, что великие исторические вопросы жизни народов, борьбы классов могут быть решены только силой. А такой силой в эпоху цивилизации может быть не кулак и не дубина, а только войско. Он не устал подчёркивать громадную важность военных знаний и военной техники. Вспомним его замечательные слова, вложенные в уста матери-пролетарки, обращённые к сыну: «Ты вырастешь скоро большой. Тебе дадут ружьё. Бери его и учись хорошенько военному делу».

Ленин вместе со Сталиным, Фрунзе, Ворошиловым и другими большевистскими деятелями с первых дней советской власти начинает закладывать прочный фундамент Красной Армии — могучей вооружённой силы молодого советского государства.

Ленин, возглавив высшее военное учреждение Советской республики — Совет рабоче-крестьянской обороны, — держал в своих руках всё военное руководство страной, намечал все основные стратегические планы и с непреклонной решимостью проводил их в жизнь. Командиры и комиссары Красной Армии на всех фронтах повседневно ощущали твёрдую руку Ленина. Железная воля Ленина, его неукротимая энергия, непоколебимая вера в творческие дарования масс были могучей жизненной силой, одухотворявшей весь военный организм, всю вооружённую мощь Советской России.

Военный гений Ленина раскрывается перед нами с новой глубиной, когда мы обращаемся к впервые публикуемым ленинским документам по военным вопросам. В этом отношении большим событием в идейной жизни большевистской партии и Советской страны является выход в свет XXXIV Ленинского сборника, который подготовлен Институтом Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б) и содержит почти исключительно военные материалы.

Сборник содержит ленинские директивы по вопросам военной стратегии и тактики, телеграммы, записки, письма, резолюции, распоряжения, тексты переговоров по прямому проводу о боевых операциях Красной Армии на различных фронтах гражданской войны. Большое место в Сборнике занимают также ленинские документы по вопросам укрепл-

* Ленинский сборник XXXIV. Институт Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б). ОГИЗ Госполитиздат. 1942.

ления советского тыла, перевода всего народного хозяйства на военные рельсы. Эти документы, представляя собой исключительный исторический интерес, живо перекликаются с насущными задачами советского народа в отечественной войне против немецких оккупантов. Обращаясь к великому идейному наследству Ленина, советские люди будут ещё успешнее овладевать искусством победы над злейшим врагом СССР — гитлеровским разбойничьим империализмом.

Искусство политического руководства страной в условиях войны состоит прежде всего в сосредоточении всех сил государства на решении военных задач. Этим искусством в совершенстве владел Ленин. «Пока не победили Врангеля до конца, пока не взяли Крыма всего, — пишет Ленин 20 октября 1920 г. членам тульского губкома РКП(б), — до тех пор военные задачи на первом плане. Это абсолютно бесспорно»¹. Вместе с тем Ленин с поразительным умением определял главную опасность, грозившую советской власти, главный фронт, на котором решалась судьба страны. И тогда всей мощью своей громадной воли и энергии Ленин заставлял всех и вся работать с тройным напряжением сил, пока опасность не была предотвращена, пока враг не был разгромлен.

Сразу же после победы Октябрьской революции Советская республика столкнулась со своим злейшим врагом — германским империализмом, обладавшим превосходной современной военной машиной, вымуштрованной многомиллионной армией, до зубов вооружённой всеми орудиями войны. Старая армия, усталая, распадающаяся, плохо вооружённая, не могла противостоять немецким захватчикам, вероломно напавшим на Советскую республику. Организация отпора немецким полчищам, вторгшимся в страну, стала вопросом жизни и смерти для советского государства.

Этой теме посвящена первая группа документов XXXIV Ленинского сборника. В телеграмме от 27 февраля 1918 г., подписанной В. И. Лениным, говорится: «Германские белогвардейцы и сводные части их регулярной армии, соединившись с нашими белогвардейцами, хищнически дерзко наступают на Петроград. Есть сведения о движении больших сил немцев вслед за передовыми отрядами. Большинство наших войск бежит. Социалистическое отечество в опасности. Заныты Двинск, Ревель, Венден, Вольмар, Минск, Псков. Настроение бодрое. Рабочие массами двинулись на защиту Советской республики» (стр. 19). Ленин и Сталин поднимают рабочий класс, большевистскую партию, всех советских патриотов, чтобы организовать сопротивление оккупантам, остановить нашествие. В разговоре по прямому проводу с членами Двинского совета Ленин и Сталин дают директиву отступать, уничтожая всё за собой: «Передайте комиссариату, чтобы перед отступлением всё уничтожалось. Примите также меры к возможности в последний момент вывезти организации, так как задача немцев, надо полагать, — вылавливать революционные центры» (стр. 17—18).

Отпор немецким войскам готовится не только под Нарвой и Псковом: отпор организуется и на Украине. Об этом наглядно свидетельствует телеграмма Сталина «На оборону Киева!», данная им по поручению Совнаркома 21 февраля 1918 года. В этом замечательном документе отмечается, что германское правительство поторопилось с открытием военных действий, чтобы до конца ограбить Советскую страну. Немцы, говорится в телеграмме, «двигаются к Питеру и Киеву. Очевидно, цель похода не только захват, но главным образом удушение

¹ Ленинский сборник XXXIV, стр. 372. Госполитиздат, 1942. В дальнейших ссылках на сборник указываются только страницы в тексте.

революции и её завоеваний. Совнарком решил организовать отпор от Питера... вы, киевляне, обязаны, не теряя ни одной минуты, организовать такой же отпор от Киева с запада, мобилизовать всё жизнеспособное, выставить артиллерию, рыть окопы, ...объявить осадное положение и действовать по всем правилам строгости. Общее задание отстоять Петроград и Киев до последней капли крови. Удержать банды германцев во что бы то ни стало... Покажите всем, что советская власть способна защищать себя»¹.

Ответные удары советских отрядов по немецким войскам смешали все карты немецкого командования. Движение немцев на Петроград было остановлено. А временный захват ими Украины потребовал огромного количества войск, увязших там и разложившихся потом вконец. Германская оккупация Украины завершилась позорным крахом. Деморализованные, разложившиеся, утратившие дисциплину немецкие дивизии под ударами Красной Армии и партизан безудержно покатались на запад. В телеграмме главкому от 29 ноября 1918 г., составленной Сталиным и подписанной Лениным, отмечается, что с продвижением советских войск на запад и Украину население встречает их как освободителей, устанавливая на местах советскую власть. Главкому в телеграмме предлагается «дать командному составу соответствующих воинских частей указание о том, чтобы наши войска всячески поддерживали временные советские правительства Латвии, Эстляндии, Украины и Литвы, но разумеется только советские правительства» (стр. 53—54).

Осень 1918 г. была особенно тяжёлой для Советской России. Войска иностранных интервентов хозяйничали на значительной части территорий страны: на Украине и в Сибири, на Дону и Кубани, во Владивостоке и Мурманске. В одной из телеграмм Ленин, зная коварство империалистов, предупреждает советские власти в отношении захватчиков: «Никаким заверениям теперь нельзя дать веры и единственной серьёзной гарантией является солидная военная подготовка с нашей стороны» (стр. 22). В телеграммах Вологодскому губисполкому в августе 1918 г. Ленин настаивает на быстром и энергичном отпоре войскам Антанты, высадившимся в Архангельске; он предлагает «двинуть с максимальной энергией фортификационные работы» (стр. 37), напрячь все силы для немедленной, беспощадной расправы с белогвардейцами и защиты Вологды.

Для характеристики ленинской стратегии в войне с иностранными интервентами в этот период интересно письмо Ленина, относящееся к осени 1918 г., когда на смену немецким интервентам можно было ждать появления в Чёрном море войск Антанты. Известно, что одним из основных моментов ленинской тактики в период Бреста была необходимость для Советской республики выиграть время, уступив территорию. Это была единственно верная тогда тактика, целиком оправдавшая себя. Однако марксизм учит, что абсолютных истин нет, истина конкретна. Новая политическая обстановка, сложившаяся к осени 1918 г., диктовала теперь уже другую тактику. В письме Советскому послу в Германии от 18 октября 1918 г. Ленин пишет: «Всё дело в том, успеет ли Антанта высадиться в Чёрном море большой силой. Об этой опасности я давно всем и везде говорю и в письме в ЦИК ясно сказал. Разница коренная с февралём 1918 та, что тогда у нас была возможность выиграть время, отдав землю. Теперь возможности такой нет» (стр. 47). Прежняя тактика исчерпала себя и потому стала неприемлема. И Ленин смело намечает новую тактику: не только не отдавать врагу ни вершка своей земли, но шаг за шагом отвоёвывать временно захваченную им территорию, биться за каждую пядь родной земли, постепенно очищая её

¹ «Документы о разгроме германских оккупантов на Украине в 1918 году». стр. 29—30. Госполитиздат. 1942.

от иноземных захватчиков. Эта новая тактика нашла яркое отражение в документах Сборника, в частности в особом циркулярном письме Центрального Комитета, в котором он требует от всех членов партии: комиссаров, командиров и красноармейцев — не ограничиваться пассивной обороной. «Именно в ближайшие недели, — говорится в письме, — наша армия обязана развернуть наивысшую энергию наступления на всех фронтах, прежде всего на Южном» (стр. 45). Этой наступательной тактики, как единственно способной в конце концов гарантировать победу, твёрдо придерживалась Красная Армия.

Насколько правильно всякий раз Ленин умел оценить величину опасности, угрожавшей Советской стране, свидетельствует ряд телеграмм Ленина о борьбе с контрреволюционным чехословацким мятежом. 20 июля 1918 г. в письме руководителям петроградских организаций Ленин пишет: «Необходимо двинуть максимум рабочих из Питера: 1) вождей нескольких десятков; 2) тысячи «рядовых». Иначе мы слетим, ибо положение с чехо-словаками из рук вон плохо... Мы погибнем наверняка, от чехо-словаков, ежели не сделаем отчаянных усилий для прибавки сотен и тысяч руководящих рабочих для превращения Кинеля в твердое нечто. Это не преувеличение, а точный учёт. Вы будете в ответе за гибель, если будете скупиться и беречь «на Питере». Ответьте!» (стр. 27).

Через неделю Ленин в телеграмме Петроградскому комитету коммунистов снова указывает на острую нужду на чехословацком фронте в партийных работниках, которые могли бы просвещать, объединять и дисциплинировать советские войска. «Сюда необходимо сейчас, — пишет Ленин, — направить многочисленных активных, боевых партийных работников» (стр. 27—28). В тот же день в записке, переданной по прямому проводу в Петроград, Ленин ещё раз возвращается к этому вопросу. Он предупреждает, что белогвардейские войска ген. Алексева на Кубани и чехословаки на Волге и Урале намерены осуществить план соединённого натиска на Советскую республику. Поэтому Ленин считает особенно опасным саботаж группы Зиновьева, всячески тормозившей отправку петроградских коммунистов и передовых рабочих на чехословацкий фронт. Ленин строго осудил местнические тенденции и от имени ЦК партии ультимативно потребовал прекращения всякой оппозиции. «Категорически предупреждаю, — пишет Ленин, — что положение Республики опасное и что питерцы, задерживая посылку рабочих из Питера на чешский фронт, возьмут на себя ответственность за возможную гибель всего дела» (стр. 28).

Задача быстрой победы над чехословаками была вопросом жизни и смерти не только с военной точки зрения. Поскольку чехословацкие и эсеров-белогвардейские войска захватили богатые сырьём и продовольствием районы на Волге, Урале и в Сибири, это поставило Советскую республику в крайне критическое положение также и экономически, особенно в отношении продовольствия. В телеграмме, направленной в Петрозаводск 24 июля 1918 г., Ленин пишет: «Надо организовать всё и вся лучшее и надёжнейшее для посылки отрядов на чехословацкий фронт. Без победы над чехо-словаками не будет хлеба» (стр. 34). Надо было отвоевать хлебные районы, чтобы не дать интервентам и белогвардейцам уморить голодом Москву, Петроград и другие рабочие центры и тем самым не дать погубить советскую власть. Поэтому такое серьёзное значение в тот момент имел чехословацкий фронт; поэтому Ленин со всей настойчивостью добивался, чтобы максимум сил и энергии был отдан именно этому фронту.

Богатейшая военная переписка Ленина по южному фронту, впервые напечатанная в Сборнике, содержит много ценных мыслей и важных фактов, по-новому освещая отдельные военные события.

Ленин с большой прозорливостью оценил огромное значение южного фронта. После того как белогвардейские войска ген. Краснова осенью 1918 г. получили сокрушительный удар под стенами Царицына, обороной которого в течение почти полугода блестяще руководил Сталин, красновская контрреволюция на Дону с её германской ориентацией так или иначе была уже обречена на смерть. Но отброшенные от Царицына, разбитые и деморализованные белогвардейские полки, прижатые к устью Дона, надо было добить до конца, чтобы они не смогли снова оправиться при помощи иностранных интервентов. Эту опасность очень хорошо видел Ленин. В его директиве Реввоенсовету 15 декабря 1918 г. значится: «Паки и паки: ничего на запад, немного на восток, всё (почти) на юг» (стр. 68). 3 января 1919 г. Ленин указывает как на общестратегическую задачу — на быстрое, решительное и общее наступление на юге. Ленин предлагает военному руководству налечь «всецело на ускорение и доведение до конца общего наступления на Краснова» (стр. 80). 24 января он снова предлагает напрячь все силы, чтобы в течение месяца взять Ростов. Но эти ленинские директивы не были выполнены. Это и послужило одной из причин того, что контрреволюции на юге удалось сохранить кадры, и здесь вскоре созрел самый серьёзный очаг белогвардейщины в лице Деникина.

Здесь уместно отметить то значение, какое Ленин придавал Царицыну. В телеграмме в Реввоенсовет X армии 6 июня 1919 г., давая разъяснение по поводу одной неправильно понятой его телеграммы, Ленин решительно отбрасывает всякую мысль об оставлении Царицына и добавляет: «Удивляюсь, что такая странная мысль могла придти вам в голову. Речь шла о поголовной мобилизации всех царицынских рабочих и о всех приёмах революционной энергичнейшей войны с особо суровой чисткой тыла. Телеграфируйте, какие экстренные меры принимаете» (стр. 164). 14 июня Ленин запрашивает Реввоенсовет южного фронта: «Принимаете ли все меры по поддержке Царицына? Оттуда просят 15.000 пехоты и 4000 конницы. Удержать Царицын необходимо» (стр. 172). Через несколько дней он опять обращается к Реввоенсовету южного фронта: «Только что узнал от путейцев, что связи с Царицыном по железной дороге нет с 18 числа. Головная станция по их словам — Лог. Верно ли это? Если верно, почему скрывали и не доносили? Какие меры приняты к восстановлению положения?.. Снова и снова обращаю ваше внимание на сугубо важное значение Царицына. Дана ли директива не сдавать Царицын, держитесь ли вы её вполне определённо или есть другое мнение? Отвечайте точно и срочно» (стр. 175). В эти трудные для Советской страны дни Ленин и Сталин чрезвычайно высоко оценивали военно-стратегическое значение Царицына, этой главной советской твердыни на всем юговостоке России. Советские воины, вдохновляемые Лениным и Сталиным, героически отстаивали Царицын, заложив основание той воинской славы советского города-воина, которая ныне гремит на весь мир и будет греметь в веках.

Ранней весной 1919 г. завязались ожесточённые бои за Донбасс. Деникин избрал его своей базой с тем, чтобы, прочно закрепившись здесь, предпринять в дальнейшем свой поход на Москву. Ленин разгадывает стратегические планы врага. Ленин и Сталин в своих директивах пребывают от командования южного фронта, а также от советских работников Украины во что бы то ни стало отстаять Донбасс, не останавливаясь для этого ни перед какими жертвами.

Документы Сборника живо рисуют всю напряжённость борьбы за Донбасс в первой половине 1919 года. Уже 17 февраля 1919 г. Совет обороны по докладу Сталина принимает постановление: «Подтвердить и энергичнее выразить директивы через Центральный Комитет Реввоенсовету республики о том, чтобы во что бы то ни стало прочно отстаять

Донецкий бассейн или по крайней мере угольную его часть» (стр. 101). Эта твёрдая директива высшего военного органа республики должна была неукоснительно проводиться военными властями. В телеграмме Ленина и Сталина Совнаркому Украины 8 мая говорится: «Поймите, что без быстрого взятия Ростова гибель революции неминуема» (стр. 132). Через неделю Ленин снова предлагает военному руководству употребить все силы для максимального и быстрейшего напора на Донбасс, так как «без взятия Ростова вскоре мы не вытянем остальных тягот» (стр. 138). И ещё через неделю он опять требует «удесятерить атаку на Донбасс» (стр. 148).

Только за два дня, 28 и 29 мая, Ленин посылает советскому правительству Украины пять телеграмм. Все они касаются военной помощи Донбассу. Ленин указывает, что приходится прибегать к героическим мерам, вплоть до посылки на юг массами курсантов военных курсов. Между тем украинские центральные организации затягивали отправку подкреплений, отделяваясь пустыми и хвастливыми обещаниями. Всё это заставило ЦК РКП(б) вынести постановление: «Каждую минуту промедления военной помощи Южфронту со стороны Украины считать преступлением» (стр. 153). В телеграмме в Харьков Ленин предлагает немедленно двинуть из Харькова поголовно всех рабочих на защиту Луганска, не останавливаясь при этом «перед самыми крайними решительными мерами, применяя высшую меру наказания по отношению к неповинуящимся, отсталым и неаккуратным» (стр. 152). В телеграмме уполномоченному Совету обороны в Киев Ленин пишет: «Абсолютно неизбежна гибель всей революции без быстрой победы в Донбассе, для чего необходимо бросить рутину на Украине, работать революционно, поднять всё и вся, следить лично за каждой воинской частью, за каждым шагом работы, всё, всё отложить в сторону, кроме Донбасса, на одну винтовку ставить трёх солдат» (стр. 155).

Так в трудной обстановке твёрдыми и подчас крутыми мерами Ленин добивался от всех организаций энергичных действий, напряжения всех сил, когда на горизонте появилась серьёзная опасность.

Неудачи и трудности борьбы на южном фронте весной и летом 1919 г. ещё усугубились тем, что в тылу советских войск, в районе станицы Вешенской, вспыхнуло белогвардейское кулацкое восстание. Получив известие о восстании, Ленин требовал во что бы то ни стало быстро и решительно ликвидировать его. 23 апреля в записке в Реввоенсовет республики он писал: «Надо ещё сговориться о Дзержинским о том, чтобы он дал самых энергичных людей. И не послать ли ещё военные силы (части)? Ещё надо, если там плохо, пойти на хитрость» (стр. 121).

На другой день Ленин по этому же вопросу обратился с телеграммой к Реввоенсовету IX армии: «Я боюсь, что Вы ошибаетесь, не применяя строгости, но если Вы абсолютно уверены, что нет сил для свирепой и беспощадной расправы, то телеграфируйте немедленно и подробно. Нельзя ли обещать амнистию и этой ценой разоружить полностью?» (стр. 122).

На протяжении почти трёх месяцев Ленин в телеграммах Реввоенсовету южного фронта не переставал настаивать на быстрых и энергичных действиях против восставших. Но все настойчивые директивы Ленина о быстрейшей ликвидации вешенского восстания саботировались Троцким, являвшимся председателем Реввоенсовета республики, и его агентами: Сокольниковым — членом Реввоенсовета южного фронта — и Белобородовым — уполномоченным Совета обороны, специально посланным для подавления восстания. Восстание продолжало разрастаться, дезорганизуя тылы южного фронта. Произошло то, чего так опасался

Ленин: восставшие соединились с начавшими быстро продвигаться на север войсками Деникина.

Всё лето продолжался отход советских войск с Дона и Украины. Военное положение обострилось до крайности. И чем дальше, тем оно всё более ухудшалось. Враг рвался к Москве. Состояние дел на южном фронте сильно озабочивало Ленина. В письме в Реввоенсовет республики 10 августа 1919 г. он писал: «Опоздание наступления в Воронежском направлении (с 1 августа по 10!!!) чудовищно. Успехи Деникина громадны. В чём дело? Сокольников говорил, что там (под Воронежем) у нас в 4 раза больше сил. В чём же дело? Как могли мы так прозевать? Скажите Главкому, что так нельзя. Надо обратить внимание серьёзно... Совершенно недопустимо опаздывать с наступлением, ибо это опоздание всю Украину отдаст Деникину и нас погубит» (стр. 206).

Устойчивость южного фронта была сильно подорвана совершённым рейдом по тылам советских войск конницей Мамонтова. Для борьбы с Мамонтовым была образована особая «Группа войск внутреннего фронта». Но командовавший группой Лашевич и Реввоенсовет республики не приняли мер для быстрого и беспощадного разгрома мамонтовцев, несмотря на твёрдые и ясные на этот счёт указания Ленина. 28 августа 1919 г. Ленин телеграфировал Реввоенсовету южного фронта: «Крайне обеспокоен успехами Мамонтова. Он может разрушениями дорог и складов страшно повредить нам. Все ли меры принимаются? Достаточно ли энергично и быстро? Извещайте чаще» (стр. 208). В другой телеграмме Ленин, сообщая Реввоенсовету полученные им сведения о том, как скоро могут быть переброшены по железной дороге идущие с востока на усиление южного фронта 21-я и другие дивизии, добавляет: «Не следует ли использовать всю 21 или часть её (большую), чтобы непременно истребить поголовно всех «крестников Лашевича?» (стр. 209). Но ни командование южного фронта, ни Реввоенсовет республики не выполнили прямых директив Ленина о ликвидации войск Мамонтова. Это особенно становится ясно из замечаний Ленина по поводу материалов о борьбе с Мамонтовым. «Отсюда видно, — писал Ленин, — что вину валят с больной головы на здоровую. Должно быть нет ни одной боееспособной части против Мамонтова: это прямо позор и полное нерадение Реввоенсовета или полное прозёвывание?» (стр. 209).

В конце августа Ленин писал проект резолюции политбюро ЦК о мерах борьбы с Мамонтовым. Политбюро, говорится в проекте, придавая серьёзнейшее значение операциям Мамонтова, считает «неотложным делом быстрой и его уничтожение его отряда» (стр. 210). Политбюро поручило предреввоенсовета республики «принять участие вместе с Лашевичем (при сохранении командования за Лашевичем единолично) во всех операциях по ликвидации Мамонтова, вплоть до полной его ликвидации» (стр. 210). Однако Троцкий, равно как и его прихвостни Сокольников, Лашевич и др., саботировали директивы Ленина и своими подозрительными махинациями способствовали успеху мамонтовцев. Так, по вине Сокольникова, в Козлове, где находился штаб южного фронта, были захвачены и разграблены мамонтовцами большие артиллерийские и вещевые склады. Всё это усиливало дезорганизацию и развал в военных учреждениях южного фронта. Для Ленина становилась ясной бездеятельность Реввоенсовета республики и та опасность, какая в связи с этим создавалась для Советской республики.

После неудачи наступления на Деникина в августе и провала попыток образовать вокруг Мамонтова «стальное кольцо» банкротство военного руководства Троцкого и его ставленников на южном фронте становилось очевидным. Ленин и Центральный Комитет решают отстранить Троцкого от руководства южным фронтом. На южный фронт направляются новые работники во главе со Сталиным.

Приведенные выше документы проливают яркий свет на вопрос о причинах систематических неудач войск южного фронта, на вопрос о том, какая огромная опасность для Советской страны была предотвращена Лениным, направившим в критический момент на южный фронт своего лучшего соратника, блестящего военного организатора, И. В. Сталина, обеспечившего победу над самым в то время сильным и опасным врагом Советской республики — Деникиным.

Сталин быстро устранил последствия вредительского троцкистского руководства фронтом и предложил свой план разгрома Деникина, принятый Лениным. С железной настойчивостью Сталин проводил свой замечательный стратегический план, обеспечивший быструю победу над врагом. В телеграмме на имя Ленина 25 октября 1918 г. Сталин сообщал: «Созданные долгими усилиями Антанты и Деникина конные корпуса Шкуро и Мамонтова, как единственный оплот контрреволюции, разбиты наголову в боях под Воронежем красным конным корпусом Буденного. Воронеж взят красными героями. Масса трофеев. Подсчёт производится. Пока выяснено, что захвачены все именные бронепоезда противника, во главе с бронепоездом имени генерала Шкуро. Преследование разбитого противника продолжается. Ореол непобедимости, созданный вокруг имени генералов Мамонтова и Шкуро, доблестью красных героев конкорпуса Буденного низвержен в прах». На полях этой телеграммы Ленин написал: «Спросите военного цензора, не возражает ли против печатания» (стр. 236). Разбив под Орлом и Воронежем войска Деникина, Красная Армия неудержимо двинулась на юг, добывая остатки вражеских полчищ на берегах Чёрного и Азовского морей.

Отдавая массу сил южному фронту, Ленин не переставал следить за положением на востоке. «Крайне обеспокоен потерей Агрыза и особенно Глазова», — телеграфировал Ленин 4 июня Реввоенсовету восточного фронта. — «Приняли ли экстренные меры? Выяснили ли причины?» (стр. 161). Как известно, летом 1919 г. Ленин решительно стоял за то, чтобы не останавливать начавшееся наступление на Колчака, не оставлять в его руках Урал и Сибирь, не снимать войск с восточного фронта несмотря на наши временные неудачи на южном фронте. Но, после того как Урал и значительная часть Сибири были отвоёваны, главные силы Колчака разбиты, а на юге Деникин, продолжая продвигаться, угрожал Туле и Москве, — положение коренным образом изменилось. В этой обстановке Ленин нашёл возможным пересмотреть военные планы. В середине октября Ленин получил телеграмму Сибревкома о положении дел в Сибири. В телеграмме сообщалось, что настроение в Сибири твёрдое, советское. Красная Армия перешла в наступление по всему фронту, надеясь в три недели дойти до Ишима. Живая сила имеется. Нужно только обмундирование на 30 тыс. бойцов. В резолюции на этой телеграмме Ленин писал: «1) Дать 30 000 обмундирования. 2) Взять всю V армию на юг тотчас, а не после Ишима (ибо река Тобол гораздо больше и шире реки Ишима, а длина фронта при переходе на реку Ишим сокращается ничтожно). 3) Наступление на Ишим превратить в демонстрацию и отступить (подготовив сие в кратчайший срок) на реку Тобол. Дать задание Главкому обсудить мои предложения 1—3» (стр. 229—230).

Эта директива — ещё один яркий пример ленинской военно-стратегической мысли!

Нет возможности останавливаться на всех документах, содержащих указания Ленина по военным вопросам. Эти указания касаются западного, кавказского, врангелевского и других фронтов. Затрагивая важнейшие политические и стратегические вопросы гражданской войны 1918—1920 гг., они, бесспорно, будут служить одним из основных источников для изучения этого периода.

Ленин повседневно воспитывал военные кадры. Мимо него не проходило ни одно назначение на ответственные посты в Красной Армии. Он знал лично многих членов реввоенсоветов фронтов, армий, выдающихся командиров и комиссаров дивизий. Он поддерживал с ними крепкую связь, требовал регулярной информации о положении дел на фронте. «Непреренно пишите (и телеграфируйте) мне обо всём и чаще,— писал Ленин политкому I армии.— Вы ни разу ни строчки. Нехорошо. Не партийно и неисполнение государственного Вашего долга! Ей-ей, нехорошо» (стр. 41).

Ленин был в курсе всех военных операций, требовал от военного командования полного освещения хода военных действий, неустанно следил за положением на фронтах. В записке в Реввоенсовет 26 мая 1920 г. Ленин писал: «Нельзя ли мне заказать карту Запфронта с линией фронта: 1) до польского наступления (1 или 15 или 30 апреля??); 2) максимум продвижения поляков (10, 15 мая?); 3) теперь (25, 24, 26 мая?)» (стр. 310). Победа во всякой войне в конечном счёте обуславливается состоянием духа сражающихся армий, их готовностью нести любые невзгоды и тяготы и, если надо, пожертвовать всем, ради тех целей, во имя которых ведётся война.

Ленин всемерно заботился о воспитании мужества, героизма, отваги, беззаветной храбрости воинов Красной Армии. «Необходимо,— пишет он,— помочь укрепить политотдел, особый отдел, трибуналы армий, поднять боеспособность частей, отдав лучших коммунистов» (стр. 349). Для подъёма боевого духа в войсках он предлагал использовать свидетельские показания побывавших у Колчака и Деникина раненых солдат, беспартийных, испытавших на себе гнёт белых генералов и могущих помочь в агитации за войну против них.

Совет обороны в своих постановлениях не раз отмечал боевую доблесть частей Красной Армии, беззаветную преданность бойцов родине. В одном из таких постановлений, подписанных Лениным, подчёркиваются заслуги группы войск восточного фронта, которая под руководством М. В. Фрунзе нанесла сокрушительный контрудар по Колчаку. «В последних боях с бандами колчаковцев,— говорится в постановлении,— особое мужество и энергию проявили наша пятая, вторая и Туркестанская армии. Разбив неприятеля наголову и развивая энергичное неотступное преследование, эти армии заняли ряд особо важных стратегических пунктов и городов» (стр. 178). Отмечая выдающееся мужество красноармейцев и командиров этих армий, Совет обороны постановил объявить им особую благодарность и выдать денежную награду. Без дисциплины, учил Ленин, нет армии; без дисциплины армия не может существовать как жизнеспособный организм. Железная дисциплина — первое условие боеспособности войсковой части.

Ленин неустанно насаждал дисциплину в Красной Армии. В военное время, указывал Ленин, дисциплина должна быть военная не только в военном деле, но и во всяком ином. «Надо во что бы то ни стало немедленно прекратить митингование, перевести всю и всякую работу на военное положение, назначая обязательно отдельные лица, отвечающие за выполнение точно определённой работы. Дисциплина везде должна быть военная», — телеграфировал Ленин 1 июня 1919 г. украинским работникам (стр. 158). Получив сведения о том, что отдельные посланные против Мамонтова части боятся выйти из вагонов, Ленин предлагал «расстреливать тотчас за невыход из вагонов» (стр. 211) и вообще провести ряд драконовских мер по подтягиванию дисциплины.

Для водворения твёрдого порядка и крепкой дисциплины в частях Красной Армии Ленин и Центральный Комитет предлагают не останавливаться ни перед чем. Показателен в этом отношении следующий факт: осенью 1918 г. части южного и особенно воронежского фронта проявили

неустойчивость, самовольно покидали позиции, командиры не выполняли боевых приказов. Центральный Комитет в специальном циркулярном письме ко всем членам партии: комиссарам, командирам и красноармейцам — потребовал энергичными мерами добиться перелома в настроении и поведении частей.

«Нужно,— писал Центральный Комитет,— железной рукой заставить командный состав, высший и низший, выполнять боевые приказы ценою каких угодно средств. Не нужно останавливаться ни перед какими жертвами для достижения тех высоких задач, которые сейчас возложены на Красную Армию в особенности на Южном фронте.

Красный террор сейчас обязательнее, чем где бы то ни было и когда бы то ни было, на Южном фронте — не только против прямых изменников и саботажников, но и против всех трусов, шкурников, попустителей и укрывателей. Ни одно преступление против дисциплины и революционного воинского духа не должно оставаться безнаказанным. Все части Красной Армии должны понять, что дело идёт о жизни и смерти рабочего класса, и потому никаких послаблений не будет. Командный состав должен быть поставлен перед единственным выбором: победа или смерть» (стр. 45).

Ленин был беспощаден к врагам народа, спекулянтам, взяточникам. Получив материалы о шайке взяточников, орудовавшей в органах снабжения Красной Армии в Астрахани, Ленин требовал обязательно изловить мерзавцев: «Налягте изо всех сил, чтобы поймать и расстрелять астраханских спекулянтов и взяточников. С этой сволочью надо расправиться так, чтобы все на годы запомнили» (стр. 65). Ленин учит военные кадры бдительности; он не терпит благодушия, беспечности, ротозейства; он учит не поддаваться на уловки врага, разгадывать его хитрости. Из оперативной сводки за 26 апреля 1919 г. Ленин узнал, что астраханцы безнаказанно пропустили из Баку в Гурьев два неприятельских парохода. В специальной телеграмме Реввоенсовету XI армии по этому поводу он пишет: «Это возмутительно и заставляет даже подозревать либо измену, либо злостный саботаж. Требуем от Вас строжайшего контроля, личной проверки, внимательнейшего надзора, безусловной бдительности» (стр. 123). На войне, учит Ленин, настороженность и бдительность прежде всего.

Страницы XXXIV Ленинского сборника удивительно наглядно, полно и убедительно, языком подлинных исторических документов, воссоздают картину тесного идейного, политического и военного содружества Ленина и Сталина в грозные 1918—1920 годы, годы войны против иностранных интервентов и белогвардейцев.

Очень часто Ленин считает необходимым посоветоваться со Сталиным по важнейшим вопросам политики советского государства, по вопросам военной стратегии и тактики, узнать его мнение. 4 июля 1920 г. он сообщает Сталину: «Завтра в шесть вечера назначен пленум Цека». В связи с этим Ленин просил Сталина прислать своё заключение о причинах заминок на югозападном и врангелевском фронтах, а также о военных перспективах на обоих этих фронтах. «От Вашего заключения могут зависеть важнейшие политические решения»,— пишет Ленин (стр. 333). Ещё накануне Сталин сообщал Реввоенсовету республики: «На-днях еду в Москву для обсуждения совместно с Политбюро вопроса о сокрушении Врангеля» (там же). Или вот ещё один подобный же документ. На телефонограмме начальника Главснабпродарма, просившего согласия на некоторые перемещения среди продовольственных работников западного фронта, Ленин ставит резолюцию: «Сталину на отзыв и всем членам Политбюро». Здесь же в приписке Сталин высказывается

по поводу просьбы Главснабпродарма: «По-моему следует отказать». И дальше добавляет: «После переговоров с товарищем Лениным выяснилось, что товарищ Ленин также считает нужным отказать» (стр. 256). Очень часто Ленин предлагает запросить мнение Сталина, столкнуться с ним при решении того или иного вопроса. На документах нередко встречаются ленинские пометки: «Прошу вас снестись со Сталиным — членом Реввоенсовета Западного фронта» (стр. 194), «Поговорите подробнее со Сталиным об этом» (стр. 407), «Сталину на отзыв» (стр. 350) и т. д.

Среди других материалов Сборника много таких, которые особенно живо рисуют совместную военную работу Ленина и Сталина. Это не только их директивы, но и протоколы заседаний, записки, которыми они обменивались на заседаниях, и т. п. Так, 22 декабря 1918 г. Совет обороны в своем решении по вопросам, поднятым Сталиным, поручил Ленину послать телефонный запрос Главкому: «1) когда им даны директивы взять Оренбург и почему это не было исполнено; 2) предложить более энергично продолжать движение на Уфу; 3) запросить дополнительные сведения о сдаче 35 орудий в два дня Нижегородской дивизией; 4) затребовать проверки, когда и какие воинские части были посланы для подкрепления к Перми, в какой степени подготовки и кто проверял их продвижение» (стр. 72). Телефонограмма Ленина главкому требовала дать ответ на эти вопросы. 19 июня 1919 г. Совет обороны поручил Сталину представить «доклад о результатах следствия о причинах восстания на Красной Горке, а равно о виновных в этом» (стр. 176). Летом 1920 г. в письме к членам Совета труда и обороны Ленин предлагал использовать войска, назначенные к передвижению с кавказского на западный фронт, для сбора оружия и продовольствия на Украине и рекомендовал для разработки своих предложений создать комиссию. «Председателем комиссии просить быть тов. Сталина», — заканчивает своё письмо Ленин.

Ленин и Сталин совместно руководят обороной Советской республики, рука об руку строят и укрепляют Красную Армию. За их подписями отдавались важнейшие политические и военные директивы. Так, в начале 1919 г., после освобождения от немецких оккупантов территории Украины, Белоруссии, Литвы, Латвии и Эстонии, вновь восстановленные здесь национальные советские республики начинают формировать свои армии. Но эти молодые советские армии, лишённые единого военного командования, как правило, носили иррегулярный, отрядный характер, что значительно снижало их боевую ценность. Война с интервентами и белогвардейцами требовала максимального объединения военных усилий всех советских республик, тесного военно-политического союза народов России.

23 апреля 1919 г. Ленин записывает: «1) Составить текст директивы от ЦК ко всем «националам» о единстве (слиянии) военном; 2) дать её и в прессу для ряда статей» (стр. 119).

Ленинская идея военно-политического союза народов Советской страны получила развитие в директиве Центрального Комитета о военном единстве, подписанной Лениным и Сталиным. В директиве говорится: «РСФСР вынуждена, в союзе с братскими Советскими республиками Украины, Латвии, Эстонии, Литвы и Белоруссии, вести оборонительную борьбу против общего врага — мирового империализма и поддерживаемой им черносотенной и белогвардейской контрреволюции... Необходимым условием успеха этой войны является единое командование всеми отрядами Красной Армии и строжайшая централизация в распоряжении всеми силами и ресурсами социалистических республик, в частности всем аппаратом военного снабжения, а также железнодорожным транспортом, как важнейшим материальным фактором войны, имеющим первостепенное значение не только для выполнения военных операций, но и для

снабжения Красной Армии боевым и вещевым имуществом и продовольствием» (стр. 120). Поэтому Центральный Комитет считал безусловно необходимым для успеха социалистической оборонительной войны объединение в руках Совета обороны и других центральных учреждений РСФСР всего дела снабжения Красной Армии, а также управления железнодорожным транспортом и железнодорожной сетью на всём пространстве братских советских республик.

Чрезвычайно показательны три записки о борьбе с Врангелем, переданные по прямому проводу, подписанные Лениным и Сталиным 19 августа 1920 года. В первых двух записках, адресованных ЦК КП(б)У и Кавказскому бюро ЦК, говорится, что предстоит ещё упорная борьба с белополяками. ЦК РКП(б) может послать на врангелевский фронт лишь ограниченное число работников. Поэтому Украина и Кавказ, распределяя силы, должны лучших работников дать врангелевскому фронту. В третьей записке, Сибирскому бюро ЦК, говорится: «Борьба с белой Польшей далеко не закончена. Врангелевский фронт требует величайших жертв. Возможна зимняя кампания. Цека ждёт дальнейшей напряжённой работы Сиббюро и Сибревкома» (стр. 349). Так, по директивам Ленина и Сталина, мобилизовывались все силы страны для скорейшей победы над врагом.

Когда Сталин был в другом конце Советской страны, выполняя важнейшие политические и военные поручения Ленина, между ними не прекращался обмен письмами, телеграммами, записками. Появляясь на том или ином фронте, Сталин очень быстро ориентировался в обстановке, вникая во всю политическую и военную работу фронтовых организаций, и тут же знакомил Ленина со своими впечатлениями о положении дел на фронте. Известны его краткие, но богатейшие по содержанию письма Ленину с разных фронтов гражданской войны с мастерским анализом положения. Ленин, в свою очередь, держит Сталина в курсе событий, информирует о политических новостях. Получив от советского посла в Берлине текст речи Штреземана в рейхстаге, касающейся советско-германских отношений, Ленин пишет: «Это надо тотчас (по прямому проводу) передать в Царицын Сталину» (стр. 32). В ответ на предложение Сталина перебросить 13 тысяч мобилизованных питерских рабочих в хлебные губернии для формирования из них боевых частей, Ленин извещает: «Против вашего плана не возражаю» (стр. 164). В другой телеграмме, в Петроград, Ленин просит Сталина: «Информируйте возможно чаще шифром и оказиями. Пришлите с надёжным человеком карту фронта» (стр. 174). В ответ на это в тот же день Сталин пишет Ленину: «Шлю карту. До сих пор не мог прислать просто потому, что всё время был в отлучке по делам фронта, чаще всего на фронте» (там же). Получив 28 июня 1919 г. телеграмму Сталина об успешной десантной операции частей Красной Армии на Ладожском озере, которые при поддержке нашего флота внезапным ударом овладели Видлицким заводом, у границы с Финляндией, захватив богатые трофеи, Ленин передает её в Реввоенсовет республики с пометкой: «Для сдачи в печать» (стр. 188).

Сталин неизменно обращается к Ленину за помощью и поддержкой, когда обстановка на фронте становится особенно грозной, обращается за содействием, когда задерживается присылка на фронт подкреплений, боеприпасов, продовольствия. Всякий раз Ленин чрезвычайно внимателен к просьбам Сталина. В пометке на телеграмме Сталина из Петрограда от 22 июня 1919 г., в которой он просил поскорее доставить на фронт патроны, Ленин спрашивает секретаря: «Почему, вопреки моей просьбе, это пошло ко мне без пометки о передаче в Реввоенсовет республики?» (стр. 179). Ленин запрашивает Реввоенсовет, какие меры приняты по запросу Сталина. Слова телеграммы: «Срочно вышлите два миллиона патронов в моё распоряжение для шестой дивизии» — Ленин дважды

подчеркивает. Через три дня на телеграмме заместителя председателя Реввоенсовета Сталину с сообщением об отправке патронов на Петроградский фронт Ленин помечает: «Сообщить мне когда передано» (стр. 183). Или ещё пример. 24 июня Сталин телеграфирует Цюрупе и Ленину: «С хлебом в Петрограде опять крайне плохо. Армия растёт. В последние дни Петрокомпрод полностью вынужден кормить шестую и девятнадцатую дивизии, истощая свои последние запасы. В течение последних 40 дней Петрокомпрод почти не получал хлеба. Необходимо во что бы то ни стало дать Петрограду хлеба» (стр. 180). На полях сталинской телеграммы Ленин пишет: «Свидерскому (или Цюрупе) что делается?» На справке, представленной по этому поводу Наркомпродом, в которой говорилось, что с Белой идут для Петрограда две баржи с хлебом: одна — с 56 тыс. пудов, другая — с 70 тыс. пудов, — Ленин пишет: «Только??» «Свидерскому: это же совсем мало. Караул! До сколько доведёте и когда?» (стр. 180). В один из своих приездов с югозападного фронта в Москву Сталин созвал совещание представителей высших военных учреждений республики, на котором было условлено о переброске на крымский фронт 17 воинских частей и технических единиц. Ленин попросил Сталина представить ему перечень этих частей. Сталин 17 июня 1920 г. составил такой перечень и передал его Ленину. Ленин направил список заместителю председателя Реввоенсовета с припиской: «Прошу вернуть мне это с Вашими пометками, что уже выполнено, что когда именно выполняется» (стр. 335). Зная о неповоротливости и наличии бюрократизма в военных и других центральных учреждениях, Сталин обычно свои телеграммы, требующие срочных мер, в копиях посылал Ленину, который таким образом имел возможность проверить, как быстро выполняются требования Сталина, как скоро даются ответы на его запросы и т. п.

Сталина как своего верного и достойного соратника в деле обороны социалистической родины Ленин посылает на самые ответственные и решающие фронты. Известна, например, его телеграмма, относящаяся к концу 1918 г., когда Ленина сильно тревожило опасное положение под Пермью. Он писал: «Есть ряд партийных сообщений из-под Перми о катастрофическом состоянии армии и о пьянстве. Я думал послать Сталина». В Сборнике имеется несколько подобных телеграмм Ленина. В телеграмме 4 июня 1919 г. в Петроград Ленин пишет Сталину: «Прошу Вас съездить в Запфронт, который страшно ослаблен насчёт комиссаров. Абсолютно необходимо поддержать весь фронт в целом» (стр. 162). В начале 1920 г. на рубежах Дона и Маныча происходит заминка с ликвидацией остатков войск Деникина. 4 февраля Ленин в записке по прямому проводу просит Сталина всё внимание и всю энергию сосредоточить «на обслуживании Кавказского фронта, подчиняя ему интересы Югозапфронта» (стр. 258). В телеграмме 11 августа 1920 г. Ленин сообщает Сталину о благоприятных перспективах мира с Польшей и добавляет: «Наша победа большая и будет самая полная, если добьём Врангеля. Здесь мы принимаем все меры. Налягте и вы, чтобы отобрать весь Крым теперешним ударом во что бы то ни стало» (стр. 345). И Сталин делал всё возможное для того, чтобы выполнить директивы Ленина. На него Ленин всегда мог твёрдо положиться. Не случайно ведь с именем Сталина связаны самые блестящие победы на фронтах гражданской войны.

Из напечатанных в Сборнике новых документов, касающихся деятельности Сталина на различных фронтах, особо следует отметить большой доклад Сталина и Дзержинского Ленину 19 января 1919 г., посланный ими из Вятки ещё в ходе расследования причин падения Перми. Этот интересный документ дополняет картину пермской катастрофы, данную в известном отчётном докладе комиссии ЦК партии и Совета

обороны в составе товарищей Сталина и Дзержинского, представленном Ленину по окончании работ комиссии. Из «вятского» доклада и других документов Сборника видно, в частности, насколько с падением Перми была серьёзна угроза смыкания северной и восточной контрреволюции, предотвращённая Сталиным и Дзержинским. В «вятском» докладе Сталина и Дзержинского как на одну из причин катастрофы указывается, что причина «в Реввоенсовете республики, расстраивающем своими так называемыми директивами и приказами дело управления фронтом и армиями. Без соответствующих изменений в военном центре нет гарантий на успех на фронтах» (стр. 90). Сразу же по прибытии на восточный фронт Сталин разглядел опасность флангового обхода X армии с севера. В докладе говорится: «Сейчас мы заняты ликвидацией северного обходного движения некоторых отрядов противника на Вятку по трактовой дороге через Кайгород. Мы приехали в Вятку между прочим для того, чтобы послать на Кайгород отряд лыжников, что и сделаем» (стр. 92). В телеграмме Сталина и Дзержинского Ленину 23 января отмечалось, что усилиями комиссии Вятский батальон лыжников из дезорганизованной группы превращён в стойкую боевую единицу, развёртывающуюся в полк, духовно связанный с III армией. Батальон ей необходим «для усиления её левого крыла в пункте стыка с шестой армией и обеспечения устойчивости на участке армии» (стр. 93). Уже к 19 января Сталин и Дзержинский смогли дать III армии свежие, надёжные подкрепления пехотой и кавалерией. «Фронт III армии, — говорится в докладе, — знает это, видит заботливость тыла и настроение у него крепнет. Нет сомнения, что положение теперь лучше, чем две недели назад. Местами армия даже переходит в наступление и не без успеха» (стр. 92).

Оживлённая переписка между Лениным и Сталиным происходит и в бытность Сталина на петроградском фронте летом 1919 года. Многие из телеграмм и записок этого времени впервые публикуются в Сборнике. Большим вопросом фронта была оторванность VII армии, оборонявшей район Петрограда, от Реввоенсовета западного фронта, которому она была подчинена. Полагаясь на влияние и авторитет Сталина, Ленин был уверен, что он сумеет преодолеть имевшиеся трения. В начале июня Ленин телеграфирует Сталину: «Зная постоянную склонность Питера к самостоятельности, думаю, что Вы должны помочь Реввоенсовету фронта объединить все армии. Необходимо позаботиться и о других западных армиях, не только о VII. Сообщите, что Вы сделаете» (стр. 159). В другой телеграмме Сталину, 5 июня, по поводу вооружённого отпора белофиннам, совершавшим разбойничьи нападения на советскую границу, Ленин сообщает: «Против Вашего приказа стрелять в ответ, конечно, не возражаю» (стр. 163).

В июне положение под Петроградом в связи с прорывом фронта войсками Юденича и особенно изменой и мятежом на форту Красная Горка резко ухудшилось. Враг подступал к самым стенам Петрограда. 9 июня Сталин в телеграмме Ленину пишет: «Учитывая положение на других фронтах, мы до сих пор не просили новых подкреплений, но теперь дело ухудшилось до чрезвычайности. Опасность угрожает непосредственно Петергофу. С его падением Питер висит на волоске. Для спасения Питера необходимо тотчас же, не медля ни минуты, три крепких полка. Предлагаем дать их с архангельского фронта или с востока. Полки должны быть самые надёжные. Из пришедших от Всеросглаштаба подкреплений ярославского формирования полтора батальона вчера опять сдались по инициативе своих командиров. Недостаток надёжных командиров сказывается всё время. Подготовка к обороне идёт полным темпом. Организована вторая цепь обороны, проходящая через готовые

окопы, приготовленные ещё при Керенском по линии Петергоф—Гатчина—Виры. Ждём ответа» (стр. 167).

В тот же день Ленин предложил в помощь Петрограду затребовать три полка с восточного фронта. Через два дня Ленин в телеграмме специально предупреждает Реввоенсовет восточного фронта, чтобы присылаемые полки были крепкими и проверенными: «Слова обращаю Ваше внимание, что полки, идущие в Питер, должны быть абсолютно надёжны — и солдаты и командный состав. Сами за этим наблюдайте. Вы должны взять на себя всю ответственность за то, что эти полки не изменят» (стр. 169). Ленин и дальше продолжал следить за качеством идущих в Петроград подкреплений. В телеграмме «Ранее 18 июня» он спрашивает Сталина: «Хорош ли оказался только что прибывший полк?» (стр. 174).

Осенью 1920 г. Сталин совершает поездку на Кавказ. Только что освободившиеся от ига иноземных захватчиков и белогвардейских генералов народы советских Кавказа и Азербайджана начинали налаживать мирное сожителство на базе советской власти. Сложный узел межнациональных взаимоотношений надо было распутать с помощью правильной национальной политики. Тогда ещё не была снята и угроза нового нападения империалистов на Советскую страну с юга. Надо было подготовить отпор империалистам. Все эти задачи Сталин мог разрешить лучше, чем кто-либо другой. И Ленин посылает на Кавказ Сталина.

В телеграмме Ленину 26 октября из Владикавказа Сталин характеризует внешнеполитическую обстановку на юге, национальную политику Кавказского бюро и успешную борьбу с остатками белогвардейских банд. «Несомненно, — пишет Сталин, — что Кавбюро и Орджоникидзе вели нашу линию умело, связали горцев с Советской властью, а сами горцы удовлетворительно выдержали экзамен; с другой стороны ясно, что противник, то-есть агенты Врангеля и казачьи верхи, слаб, неспособен на создание нового фронта против нас». Далее Сталин добавляет: «Не сомневаюсь, что если бы в Туркестане велась наша политика также умело, не было бы у нас десятков тысяч басмачей» (стр. 373). В телеграмме Сталин высказывал мнение об угрозе Батуму и Баку со стороны империалистов; Ленин полностью разделяет это мнение и в ответной телеграмме советует Сталину: «Обдумайте и приготовьте спешно меры укрепления подступов к Баку с суши и с моря, подвоза тяжёлой артиллерии и прочее. Сообщите Ваше решение» (стр. 374).

Двух величайших людей XX века связывало не только идейное и политическое сотрудничество, но и самая крепкая, самая близкая дружба. Замечательна трогательная забота Ленина о здоровье, об условиях жизни Сталина. Так, в записке 22 декабря 1920 г. своему секретарю Ленин пишет: «Ещё прошу условиться (тайно) с Аллилуевой, чтобы к Сталину почаще вызывать и сегодня или завтра обязательно вызвать его докторов для проверки» (стр. 396). В телеграмме Ленина к Орджоникидзе 4 июля 1921 г. говорится: «Удивлён, что вы отрываете Сталина от отдыха. Сталину надо бы ещё отдохнуть не меньше 4 или 6 недель. Возьмите письменное заключение хороших врачей» (стр. 418). В ноябре 1921 г. Ленин в записке секретарю Президиума ВЦИК спрашивает: «Нельзя ли ускорить освобождение квартиры, намеченной Сталину? Очень прошу Вас сделать это и позвонить мне... удаётся ли или есть препоны» (стр. 428). Это искреннее участие и попечение Ленина о Сталине — ещё один штрих к их великому и неповторимому сотрудничеству и дружбе.

В Сборнике опубликован также большой материал по вопросам организации крепкого тыла в годы гражданской войны и иностранной интервенции. Сюда прежде всего относятся протоколы заседаний, постановления и другие материалы Совета рабоче-крестьянской обороны, возглав-

лявшегося Лениным. Работа Ленина в Совете обороны была поистине колоссальной. Нет почти ни одного документа Совета обороны, который был бы составлен без участия Ленина.

Советскую республику Ленин сравнивал с осаждённой врагом крепостью. Право пользоваться ею как убежищем, говорил Ленин, «и вообще право жительства в ней мы можем признать только за тем, кто активно участвует в войне и всемерно помогает нам. Отсюда вытекает наше право и наша обязанность поголовно мобилизовать население для войны, кого на военную работу в прямом смысле, кого на всякого рода подсобную для войны деятельность»¹. Ленин требовал всю работу подчинить войне, всё усилия, все помыслы сосредоточить на войне и только на войне.

Деятельность Совета обороны была как бы живым воплощением этих ленинских идей. Превращение страны в военный лагерь требовало железной дисциплины и жесточайшей централизации в распоряжении всеми наличными ресурсами страны, объединения народных усилий, подлинно военного режима не только в армии, но и в промышленности, на транспорте, в продовольственном деле.

И в этой работе по организации тыла для войны, проводимой Советом обороны, ближайшим помощником Ленина был Сталин. Сталин вошёл в Совет обороны в качестве представителя ВЦИК. Он был фактическим заместителем Ленина. Скупые протокольные записи заседаний Совета обороны сохраняют следы напряжённой работы Сталина в этой области. В Совете обороны Сталин выступает с докладами, сообщениями, запросами, председательствует в комиссиях. В протоколах часто встречается: «Созыв комиссии и доклад поручить тов. Сталину». Сталин составляет ряд важнейших постановлений Совета обороны, которые зачастую публикуются за подписью председателя Совета обороны В. И. Ленина. Например в протоколе за 22 декабря говорится: «Поручить тов. Сталину составить приказ и уполномочить тов. Ленина подписать его от имени Совета обороны» (стр. 72).

Из написанных Сталиным постановлений Совета обороны следует особо отметить постановление от 8 декабря 1918 г. о борьбе с областничеством и бюрократической волокитой. «Превращение России в военный лагерь,— говорится в постановлении,— ставит новые задачи, требует напряжения всех сил. Необходима исключительная сплочённость советских сил, строжайшая централизация действий, быстрота и точность исполнения, необходимо довести механизм советской власти до совершенства — для того, чтобы обороноспособность страны поднять на должную высоту»².

Совет обороны утвердил сталинский проект постановления об областничестве и опубликовал его за подписью В. И. Ленина. Кроме того было вынесено постановление: «Просить ЦИК резолютивную часть (последние 5 пунктов) издать как обязательное постановление отдельным листком для широкого распространения» (стр. 61).

В конце 1918 г. международная обстановка потребовала дальнейшего увеличения численности Красной Армии. Красную Армию, достигшую к тому времени уже одного миллиона, Ленин предлагал довести к весне до трёх миллионов. 18 декабря 1918 г. в Совете обороны специально рассматривался вопрос об определении численности армии в соответствии с ресурсами страны. «Совет обороны,— говорилось в постановлении,— утверждает на ближайшее время план формирования армии в размере полутора миллионов человек» (стр. 70). В декабре формировались 10 дивизий. Надо было их укомплектовать командным составом,

¹ В. И. Ленин «Из эпохи гражданской войны», стр. 71. Партиздат. 1934.

² Документы по истории гражданской войны в СССР. Т. I, стр. 470.

вооружить, обмундировать, обучить, обеспечить продовольствием, поставить политическую работу в них. Сталин принимал самое ближайшее участие в работе по формированию дивизий. 8 декабря Совет обороны выносит постановление: «Поручить тт. Сталину и Подвойскому при участии т. Свердлова сделать всё возможное по вопросу о политической агитации и посылке комиссаров в формирующиеся дивизии. Доклад Сталина назначить в среду, 11 декабря» (стр. 60). 15 декабря Совет обороны по этому докладу Сталина поручает ему на основе отчётов от комиссаров представить через неделю сводку.

После возвращения с восточного фронта, в конце января 1919 г., Сталин снова принимает деятельное участие в Совете обороны. В течение всех лет войны с иностранными интервентами и белогвардейцами наряду с деятельностью на фронтах Сталин рука об руку с Лениным работает в Совете обороны над созданием крепкого тыла.

Красная Армия нуждалась в оружии, снарядах, патронах, в одежде, в обуви. Вопросы производства вооружения, боеприпасов, обмундирования не сходили с повестки дня Совета обороны. Совет обороны, например, много раз возвращался к вопросу о производстве патронов. Нужда в них была необычайная. «Положение с патронами на юге отчаянное. — телеграфировал Ленин 30 июня 1919 г. в Петроград Сталину. — В связи с этим, получив три миллиона и запасы видлицкие, вы должны экономить патроны из всех сил, а также и другие военные припасы» (стр. 188). Фронт требовал бесперебойного снабжения патронами. Совет обороны создал специальную комиссию, которой было поручено добиться увеличения производства патронов. 5 декабря 1918 г. комиссия обсуждала меры поднятия производительности труда на Тульском патронном заводе.

Присутствуя на заседании комиссии, Ленин записывает: «Меры увеличения производительности: ... Премии. 3-я смена (+ 2000 человек). Эмансипация от биржи труда (тульской). Прибавка оборудования (из остатков в Питере). Учёт и статистика производства: еженедельно. Иностранцы образцы. Как собрать по России высококвалифицированных рабочих? Выписка из заграницы специалистов» (стр. 58).

Совет обороны неоднократно занимался вопросами производства патронов также на Подольском, Симбирском, Луганском и других заводах. Принимались все меры для увеличения производства их. Совет обороны 19 мая 1919 г. постановил начать кустарное производство патронов и гильз. В район Царицына была послана специальная комиссия для сбора стреляных гильз и т. п.

Весьма напряжённым было также положение с обеспечением военных заводов квалифицированными рабочими. В годы гражданской войны значительная часть рабочих Петрограда, Москвы и других промышленных центров ушла в ряды Красной Армии, часть разбрелась по деревням и деклассировалась. Надо было собрать кадры квалифицированных рабочих, сбересть их, переселить из голодных районов в хлебные. 31 января 1919 г. Ленин телеграфировал в Петроград: «Военная необходимость повелительно диктует максимальное усиление производительности Ижевского оружейного завода. Главное препятствие — недостаток рабочих. Совет обороны ещё две недели назад возложил на профессиональный союз металлистов обязательство срочно переселить в Ижевск пока 5000 рабочих, рассчитывая в особенности на петроградских рабочих, которые нашли бы в Ижевске работу, жилища, вполне достаточное питание» (стр. 97—98). Ленин предлагал срочно, без волокиты и отговорок, сообщить, когда именно и сколько рабочих будут откомандированы из Петрограда в Ижевск. Рабочие направлялись также на патронные заводы Симбирска, Коврова, Подольска, на Воткинский завод и в другие места.

Осенью 1919 г., когда военная обстановка особенно осложнилась, Совет обороны признал необходимым путём введения обязательных сверхурочных работ увеличить рабочий день на предприятиях, работающих на оборону, до 12 часов, причём первые два часа оплачивались в полторном размере, вторые два часа — в двойном. Нарком труда и представитель профессиональных союзов однажды вздумали протестовать против такой меры. Совет обороны поставил им на вид «неуместность их протеста по поводу увеличения рабочего дня в Воензагах в острый период военного времени» (стр. 111).

Военная обстановка требовала установления железной дисциплины на производстве. «Всякая самовольная отлучка рабочих с заводов, работающих на оборону, воспрещается, — говорится в постановлении Совета обороны 21 июля 1919 года. — Виновные в нарушении этого постановления приравниваются к дезертирам и караются по законам за дезертирство» (стр. 198). Рабочие военных и других заводов работали с напряжением всех сил. Они, не щадя себя, помогали Красной Армии одержать победу. Совет обороны не раз отмечал героизм советских людей на фронте труда. В телеграмме от 20 марта 1920 г. Ленин благодарит от имени Совета обороны рабочих, технический и административный персонал, восстановивших мост через Каму у Сарапула за месяц до срока. Ленин отметил этот факт как «новое доказательство того, чего может достигнуть пролетариат, организованностью, энергией, дисциплиной в труде» (стр. 280).

Особую заботу Совет обороны проявлял к рабочим заводам оборонной группы. «Необходимо тех, кто работает на оборону и, следовательно, является опорой Красной Армии в её борьбе, — указывал он, — поставить в льготные условия в отношении снабжения продовольствием» (стр. 197).

Едва ли не самым грозным для Советской республики вопросом в то время был вопрос продовольственный. Развал продовольственного дела в стране в результате хозяйничанья русской буржуазии, бешеное сопротивление кулаков хлебной монополии, захват интервентами и белогвардейцами хлебных районов часто ставили советскую власть в почти безвыходное положение. Энергичные телеграммы и письма на места, с которыми обращался Ленин, говорят сами за себя. 15 (28) января 1918 г. он пишет Г. К. Орджоникидзе в Харьков: «Ради бога, принимайте самые энергичные и революционные меры для посылки хлеба, хлеба и хлеба!!! Иначе Питер может околеть. Особые поезда и отряды. Сбор и ссыпка. Провожать поезда. Извещать ежедневно. Ради бога!» (стр. 13).

Летом 1918 г. продовольственное положение республики в связи с чехословацким мятежом особенно ухудшилось. В обращении Совнаркома 10 июня 1918 г. указывалось, что взять русскую революцию измором не удастся. В трудный час хлеб в большом количестве начал поступать с Северного Кавказа. «На помощь голодающему северу идет юго-восток, — говорилось в обращении Совнаркома. — Народный комиссар Сталин, находящийся в Царицыне и руководящий оттуда продовольственной работой на Дону и Кубани, телеграфирует нам об огромных запасах хлеба, которые он надеется в ближайшие недели переправить на север»¹. Точно так же и позже не раз вопрос о хлебе вставал как вопрос жизни и смерти. В телеграммах Ленина нередко такие характеристики продовольственного положения: «Москва, Петроград, армии Запфронта и Севфронта находятся накануне прекращения выдачи хлеба... через три—пять дней иссякнут все хлебные запасы» (стр. 259), «Положение... катастрофическое, грозящее развалом» (стр. 415), «Крайность последняя» (стр. 179). С мест иногда приходили полные отчаяния телеграммы.

Особенно трудными в продовольственном отношении были последние

¹ «Правда» № 116 от 11 июня 1918 года.

перед новым урожаем месяцы. В июле 1919 г. Ленин и Цюрупа в телеграмме губпродкомам писали: «Голодающий север вступил в полосу тяжчайших продовольственных затруднений. Красный Петроград, с достойной выдержкой и величайшим героизмом отражающий натиск белофиннов и прочих наёмников международного империализма, вынужден сократить хлебный паёк рабочим до трёх четвертей фунта, выдаваемых на два дня. Москва уже десять дней совершенно не получает хлеба. Иваново-Вознесенск и другие пролетарские центры, большинство фабрик и заводов давно уже не выдают хлеба» (стр. 191). В грозный час суровых испытаний Ленин призывал к стойкости, к напряжению всех усилий для лучшей постановки продовольственного дела, к бережному расходованию имеющихся запасов, стремясь во что бы то ни стало снабдить хлебом промышленные центры.

Продовольственное дело можно, пожалуй, поставить на второе место вслед за военным по тому, сколько сил, энергии и внимания уделял ему в своей государственной работе Ленин. Спасение революции, говорится в телеграмме Ленина и Цюрупы 30 августа, в интенсивной работе местных продовольственных органов.

Очень остро стоял в годы гражданской войны и вопрос о топливе. Временная потеря таких важных районов добычи угля и нефти, как Донбасс и Баку, особенно усложняла положение с топливом. Топливо — хлеб для промышленности, говорил Ленин. Чтобы обеспечить промышленность и города топливом, главным образом путём заготовки дров, приходилось прибегать к героическим мерам. Ленин требовал, чтобы в работе по обеспечению страны топливом были проявлены те же энергия, твёрдость и дисциплина, какие требуются на войне.

19 февраля 1919 г. в телеграмме о трудовой повинности по заготовке и доставке дров Ленин указывает: «В настоящее время одним из неотложных вопросов Советской республики является вопрос топлива, вследствие отсутствия которого останавливаются железные дороги, фабрики, заводы, прекращается выработка самых нужных предметов сельского хозяйства; всё больше и больше обостряется продовольственный кризис и это в то время, когда на юге лежат миллионы пудов невывезенного хлеба из-за железных дорог, а последние не могут работать и останавливаются за отсутствием топлива. В такой момент не должно оказаться ни одного гражданина, который не приложил бы все усилия, чтобы выйти из этого положения, если он не враг Республики» (стр. 103). Необходимость спасти население от голода и холода требовала решительных мер. По постановлению Совнаркома всё крестьянское население деревень, сёл и хуторов, расположенных в двадцатипятивёрстной полосе северных и северозападных железных дорог, привлекалось к трудовой повинности по заготовке и доставке дров. Каждый взрослый был обязан спилить, распилить, расколоть и сложить в поленницы 2 кубометра дров. Виновные в уклонении от трудовой повинности привлекались к суду по законам военного времени.

К подобным чрезвычайным мерам для заготовки топлива приходилось обращаться не раз. 11 июля 1920 г. Совет обороны обязал топливные организации в трёхнедельный срок вывезти все дрова, имеющиеся на станциях железных дорог в тридцативёрстной полосе вокруг Москвы.

В письме в отдел топлива Московского совета по поводу этого постановления Ленин писал: «Можно и должно мобилизовать московское население поголовно и на руках вытащить из лесов достаточное количество дров (по кубу, скажем, на взрослого мужчину за три месяца — точнее слесари рассчитают, я говорю для примера) к станциям железных дорог и узкоколеек. Если не будут приняты героические меры я лично буду проводить в Совете обороны и в Цека не только

аресты всех ответственных лиц, но и расстрелы. Нетерпима бездеятельность и халатность» (стр. 326).

Война повлекла за собой сильный упадок транспорта, почти полную разруху его. Насколько было тяжёлым тогда положение на транспорте, говорит такой факт: в декабре 1919 г. правительство даже для продовольственных перевозок в голодные центры и на фронты смогло предоставить всего по 136 вагонов в сутки. «Вполне сознавая,— писали Ленин и Цюрупа в телеграмме губпродкомам,— насколько мала эта вынужденная норма, вводимая на ближайшие месяцы, призываю подчиниться неизбежности, напрячь усилия по организации гужевого обоза, крестьянских обозов, гужевой повинности» (стр. 243).

Ленин лично следил за укреплением кадров работников транспорта. В телеграмме Сталину 29 февраля 1920 г. в Харьков по поводу отправки на транспорт ответственных партработников с югозападного фронта он пишет: «Переброску из армии на железную дорогу Цека считает главной гарантией спасения транспорта» (стр. 271). Он постоянно держал в поле своего зрения работы по строительству стратегически важных линий Александров Гай—Эмба, Кизляр—Староречная, по переустройству узкоколейной линии Красный Кут—Александров Гай; он запрашивает ежедневные диспетчерские сведения о погрузке дров и каменного угля и т. д.

Ленин не раз отмечал героизм рабочих железнодорожного транспорта. 13 марта 1920 г. Совет обороны особым постановлением отметил достижения в работе Московско-Казанской железной дороги (инициатора коммунистических субботников) за последний месяц: уменьшение простоя вагонов, сокращение прогулов, увеличение выпуска паровозов и подачи вагонов под погрузку и т. д. От имени Совета обороны Ленин объявляет благодарность рабочим, служащим, администрации и комиссарскому составу дороги. «Эта победа,— говорит Ленин,— доказывает не на словах, а на деле, что нет той трудности, которой нельзя бы было преодолеть упорным трудом, сознательностью и твёрдой решимостью выполнить свой долг перед рабоче-крестьянской республикой» (стр. 276).

Помещённые в Сборнике документы Ленина о работе государственного аппарата являются настоящей ленинской школой государственной деятельности. Из числа документов о работе советского аппарата прежде всего обращает на себя внимание телеграмма Ленина и Свердлова в Астрахань. В январе 1919 г. в Астрахани в острый момент борьбы с белогвардейщиной возник конфликт между Реввоенсоветом каспийско-кавказского фронта и губкомом партии. В телеграмме астраханским работникам Ленин и Свердлов указали на недопустимость конфликта и вообще каких-либо трений между Реввоенсоветом и губкомом. Вместе с тем в своей телеграмме они в сжатом виде дали классически чёткую и точную формулировку взаимоотношений организаций, подчинённых непосредственно центру, с местными партийными и советскими учреждениями. «Все члены партии,— говорилось в телеграмме,— независимо от занимаемого ими поста, должны входить в местную организацию. Партийный комитет не должен вмешиваться в деятельность учреждений, непосредственно подчинённых центру. Он имеет право лишь представлять свои соображения Цека. Вся местная работа направляется партийным центром. Вмешательство возможно изнутри или при наличии специального поручения Цека в том или другом конкретном вопросе. Аналогичные отношения должны установиться с губисполкомом. Лишь в случае неисполнения декретов и работы против постановлений центральной власти возможно непосредственное вмешательство. Необходим большой такт, конфликты тогда будут невозможны» (стр. 86). В комментариях эти строки не нуждаются. Именно Ленин, великий государственный муж, и Свердлов, талантливнейший большевик-организатор, могли уже тогда, когда

контуры советского государственного здания ещё только вырисовывались, так точно и исчерпывающе сформулировать важнейшие принципы государственной и партийной практики.

Ленин воспитывал советских руководителей в духе строгого соблюдения советских законов, железной государственной дисциплины. «Законность должна быть повышена (или строжайше соблюдается), ибо основы законов РСФСР установлены», — говорит Ленин (стр. 47). Случилось, что председатель архангельского губисполкома недостаточно вдумчиво, даже легкомысленно и пренебрежительно отнёсся к одному из распоряжений центральной советской власти, назвав его нелепым. Ленин официально объявил ему за это выговор и пригрозил преданием суду, если недопустимое выражение им не будет взято обратно: «Ибо если мы добросовестно учим дисциплине рабочих и крестьян, то мы обязаны начать с самих себя» (стр. 23).

Ленин учил строго оберегать государственную и военную тайну. Он требовал «возможно полного сохранения в тайне для посторонних лиц, вопросов боевого снабжения нашей армии и связанной с ними деятельности заводов, учреждений и заведений» (стр. 195). В одном из постановлений Совета обороны военным властям предоставлялось «право производить проверки порядка хранения секретных военных документов во всех гражданских учреждениях всех народных комиссариатов» (стр. 207). Строгости в обращении с документами, представляющими государственную тайну, Ленин обучал и аппарат Совнаркома.

Ленин требовал, чтобы в центре внимания государственного аппарата в военное время стоял вопрос содействия Красной Армии, помощь фронту. Образцы такой заботы показывал сам Ленин. Весной 1920 г., накануне войны с белопанской Польшей, Совет труда и обороны обязал всех наркомов еженедельно, по пятницам, представлять краткие письменные отчёты о том, какое реальное содействие они оказали западному фронту. Тогда же была создана специальная комиссия по оказанию помощи западному и югозападному фронтам. «Цель — информирование Совтрудоборны, что реально предпринято и достигнуто каждым Наркомом по своему ведомству в деле содействия антибелым фронтам» (стр. 383). Ввиду того что наркомы в своих еженедельных ответах не давали исчерпывающих сведений о своей работе, в письме к наркомам 27 ноября Ленин потребовал, чтобы их доклады были «снабжены цифровым материалом, указывающим не только то, что количественно сделано комиссариатом, но и насколько полно (в процентах) была удовлетворена заявленная армией или её учреждениями потребность» (там же).

Ленин был непримирим ко всякому проявлению бюрократизма, волокиты. Он вёл беспощадную войну с этими пороками государственного аппарата. В его записках и письмах руководителям советских учреждений то и дело встречаются гневные замечания: «Выяснить причины проволочки», «найти виновных» (стр. 94); «Надо наказать виновных (в Госбанке) за волокиту и бюрократизм. Иначе толку не будет» (стр. 430); «Найти виновных в волоките и бюрократизме, создать вокруг этого дела громкий судебный процесс» (стр. 432) и т. д.

Когда осенью 1919 г. поступило заявление рабочих и служащих Смольного (Петроград), в котором сообщалось о засорении аппарата Петроградского совета чуждыми людьми, о фактах злоупотреблений, растраты денег и хищения продуктов и собранных для Красной Армии вещей, Ленин написал на заявлении: «Товарищи Сталин и Владимирский! Необходимо назначить ревизию а р х и с т р о г у ю, н е м е с т н у ю, н е с п о с о б н у ю поддаться «влияниям» в Питере, партийную, быструю, с рабочими» (стр. 213).

Ленин требовал от работников советского аппарата максимума энергии, энтузиазма, глубокой преданности народу. Машина советской адми-

нистрации, говорил он, должна работать аккуратно, честно, быстро. В письме к руководителям центральных советских учреждений Ленин писал: «Принимая за истинную меру производительности труда каждого данного учреждения, прежде всего степень действительного и безотлагательного исполнения всех проходящих через него дел, требую впредь самых скорых и исчерпывающих ответов на направляемые вам дела и запросы. Ограничиваться пустыми отписками да пересылкой в другие учреждения, значит также плодить волокиту и изводить бумагу» (стр. 429). Здесь по-ленински точно и метко дано определение меры действительной производительности советского учреждения. Бездельников, бюрократов, людей, лишённых чувства ответственности, надо карать беспощадно, не глядя на ранги, говорил Ленин.

Ленин занимался ещё множеством других, больших и «малых» дел. Его интересовали и ухтенская нефть и перевозка детей на лето на юг, в детские колонии; разведка Курской магнитной аномалии и выдача повышенного пайка «хлеба и картофеля плюс обувь или кожа» (стр. 270) учителям Весьегонского уезда; комиссия по исследованию и учёту влияния на русское народное хозяйство войны и блокады Советской России Антантой и очистка городов; словарь «классического, современного русского языка (от Пушкина до Горького)» (стр. 297) и учебный географический атлас и т. д. и т. п.

Ещё не стихли громы гражданской войны, как Ленин взором великого провидца уже схватывает основные линии величественного здания социализма, которое предстояло построить на советской земле, очищенной от варваров — интервентов и белогвардейской нечисти. В его набросках и конспектах конца 1920 — начала 1921 г. мы встречаем полные величайшего смысла замечания, ставшие лозунгами, программой борьбы в последующие годы.

Ленин записывает: «Электрификация + советская власть = коммунизм» (стр. 393), «Тракторы и колхозы» (стр. 371), «Электрификация как база «демократии» (стр. 393), «Подъём культуры (трудящихся)» (стр. 394) и т. д.

Это были гениальные идеи об индустриализации страны, коллективизации сельского хозяйства, советской демократии, воплощённые в жизнь под водительством великого Сталина — верного соратника и продолжателя дела Ленина.

Таково в основном богатейшее содержание новых документов Ленина, опубликованных в XXXIV Ленинском сборнике. Ленинские идеи, которыми вооружены советские люди, — это та могучая сила, которая делает наш народ непобедимым.

С непоколебимой решимостью советский народ, его Красная Армия и Военно-Морской Флот, руководимые мудрым вождём и полководцем товарищем Сталиным, громят немецко-фашистские разбойничьи орды империалистской Германии и её сателлитов. В славном военном прошлом нашей родины, в немеркнущих героических традициях советского народа, в бессмертных идеях Ленина и Сталина советские люди черпают твёрдую веру в победу над ненавистным врагом.

РОЖДЕНИЕ ПЕРВОЙ ГВАРДЕЙСКОЙ МОТОСТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ *

Батальонный комиссар П. Федосов

Серый ноябрьский день 1941 года. На небольшой поляне, окаймлённой со всех сторон густым лесом, в одном километре от передовой линии обороны, собрались представители частей и подразделений 1-й гвардейской мотострелковой Московской дивизии.

Строги и суровы лица гвардейцев. Велика и непреклонна их воля к борьбе и победе.

Гвардейское знамя вручает дивизии член военного совета армии. «У вас сегодня,— говорит он,— замечательный день, который войдёт в историю советской гвардии. Наш советский народ вручает вам символ своей любви, гордости и почёта — красное гвардейское знамя, овеянное славой в борьбе за родину. Примерами героизма, которыми так богата ваша дивизия, гордится вся Красная Армия. Части Красной Армии стремятся бить врага так, как бьёт его ваша часть, и героически сражаться с врагом так, как сражаются славные гвардейцы. Родина-мать доверила вам ответственную и почётную задачу — стать нерушимой стеной и преградить путь гитлеровским ордам к родной и любимой Москве. Пусть под этим красным знаменем множатся ваши героические дела, пусть приведёт оно вас к полной победе над врагом».

Под дружные возгласы «ура» гвардейское знамя принял командир дивизии Герой Советского Союза полковник Лизюков. Гвардейцы поклялись грудью защищать родную Москву. В своей клятве, посланной в Москву, Кремль, товарищу Сталину, которую подписали пять тысяч гвардейцев, они говорили: «Клянёмся матерям, давшим нам жизнь, клянёмся народу, партии, советскому правительству и тебе, родной великий Сталин, что пока мы держим винтовку в руках, пока бьётся сердце в груди нашей, до последнего вздоха будем беспощадно громить фашистскую мразь. Вперёд, и только вперёд, и победа будет за нами!..»

I

16 лет тому назад, 28 декабря 1926 г., приказом народного комиссара обороны СССР тов. Ворошилова была создана территориальная дивизия под названием «1-я Московская пролетарская». Исключительным вниманием и заботой окружили москвичи свою дивизию, создав все необходимые условия для плодотворной её работы.

По замыслу наркома обороны, она должна была стать школой военной подготовки московского пролетариата — таковой она и стала. Лучшие сыны рабочего класса столицы направлялись в неё для прохождения военной службы. А закончив срочную службу, они оставались в кадровом составе дивизии и составляли её костяк.

* Статья написана по материалам Комиссии по истории Великой Отечественной войны.

Но военная учёба московского пролетариата не сводилась только к очередным призывам в ряды РККА и учебным сборам переменного состава: одной из форм военной подготовки являлось и шефство. Целый ряд заводов, такие гиганты социалистической индустрии, как завод имени Сталина, Шарикоподшипник, «Серп и молот» и десятки других, шефствовали над Московской пролетарской дивизией. В свою очередь, дивизия помогала шефам вести массовую военно-оборонную работу. Бойцы и командиры дивизии, хорошо знающие военное дело, вели по специально разработанной программе военную подготовку на этих заводах. Они руководили оборонными кружками и поддерживали связь с переменниками этих предприятий.

Настойчиво и успешно совершенствуясь в боевой подготовке, Московская пролетарская дивизия скоро выдвинулась в ряды лучших соединений Красной Армии. Ещё в 1929 г. на всесоюзных манёврах в Белоруссии ей была дана высокая оценка как вполне сколоченной боевой единице, способной выполнить любую задачу. Нарком обороны СССР вручил дивизии знамя донбасских шахтёров, предназначенное ими лучшей части РККА.

Партийная организация дивизии и её политаппарат представляли собой монолитный передовой отряд, цементирующий многотысячную массу бойцов и командиров для успешного разрешения задач боевой подготовки.

Образцово поставленная подготовка, как боевая, так и политическая, дала свои результаты. К концу 1936 г. дивизия имела отличных: рот — 12, взводов — 29, отделений — 64.

Партия и правительство высоко оценили работу дивизии. В день её десятилетия, 28 декабря 1936 г., ЦИК Союза ССР наградила дивизию за выдающиеся показатели боевой и политической подготовки почётным революционным красным знаменем. 15 командиров были награждены орденами Союза.

Нарком обороны Союза ССР тов. Ворошилов в своём приказе № 240 от 28 декабря 1936 г. по случаю десятилетия Московской пролетарской дивизии писал: «Весь пройденный дивизией десятилетний путь с самого момента её создания неразрывно связан с рабочим классом гор. Москвы, столицы нашего великого Союза. Комплектуясь рабочими московских фабрик и заводов, ежегодно принимая в свои ряды лучшие контингенты призывной молодёжи, её ударников и стахановцев, Московская пролетарская стрелковая дивизия восприняла славные традиции московских пролетариев и их боевой большевистской организации.

Из года в год совершенствуя свою боевую и политическую подготовку, дивизия выдвинулась в ряды ведущих частей Красной Армии. Отличная строевая выправка её бойцов, слаженность подразделений, стальная щетина её птыков не раз вызывали восхищение трудящихся Москвы, любовавшихся своей дивизией на Красной площади. Свои отличные боевые качества и выучку дивизия ежегодно доказывала на стрельбищах, полигонах и на полях манёвров».

В годы социалистической индустриализации страны, когда происходила техническая реконструкция вооружённых сил нашей родины, на долю Московской пролетарской дивизии выпала ответственная задача — играть роль своеобразной лаборатории, в которой испытывалась новая военная техника, прежде чем поступить на вооружение Красной Армии. Наряду с боевой политической подготовкой дивизия проводила теперь целый ряд специальных показов и испытаний материальной части Красной Армии, практиковала новые приёмы и методы тактической борьбы в связи с введением нового вооружения.

Дивизия воспитала многочисленные кадры высококвалифицированных военных специалистов, которые ныне работают на высоких командных должностях в Красной Армии.

Широкая подготовка военных кадров дивизии давала возможность формировать из её состава новые воинские части.

Весной 1940 г. Московская пролетарская дивизия была реорганизована в мотострелковую дивизию. Она получила материальную часть и приступила к освоению новой техники.

Так, повседневно совершенствуясь в боевой и политической подготовке, Московская дивизия всегда была готова стать на защиту священных рубежей родины. И когда немецко-фашистские орды вероломно ворвались в нашу страну, дивизия москвичей выступила во всеоружии.

II

В момент нападения гитлеровской Германии на нашу страну Московская мотострелковая дивизия находилась в лагерях под Москвой. Она только накануне закончила важное тактическое учение с большими переходами и теперь подводила итоги.

Утром 22 июня из Московского военного округа было получено сообщение о том, что в 12 часов дня по радио будет передаваться выступление наркома иностранных дел тов. Молотова. Вся дивизия собралась вокруг репродукторов. Бойцы и командиры с волнением ждали важного сообщения.

В 12 часов 15 минут тов. Молотов оповестил весь мир о беспрецедентном в истории цивилизованных народов вероломном военном нападении гитлеровской Германии на СССР. Фашистские войска вторглись на нашу территорию и подвергли бомбёжке со своих самолётов наши города.

Гнев и возмущение охватили бойцов и командиров. На проведённых в подразделениях митингах они требовали немедленной отправки на фронт. В политотдел и на имя командования посыпались сотни заявлений, выражавших лишь одну просьбу: скорее на фронт.

Командир и комиссар дивизии были вызваны в военный совет округа, где получили приказ готовить дивизию к отправке на фронт. В течение суток дивизия полностью отмобилизовалась. Утром 24 июня был получен приказ Главного командования об отправке дивизии на запад, в район Смоленска.

Пехота, специальные части, моторизованные, кроме гусеничных машин, шли в район боёв своим ходом, а гусеничные машины — танковый полк, артполк, тракторы — перебрасывались железнодорожным транспортом.

Шли чрезвычайно быстро и организованно. По своей быстроте и организованности это был рекордный марш в истории дивизии: ни одной пробки, ни одной аварии.

Душой стремительного движения вперёд был командир дивизии полковник Крейзер. Он прекрасно понимал создавшуюся военную обстановку и задачу, которая стояла перед Красной Армией в условиях внезапного, бешеного натиска фашистских полчищ, стремящихся прорваться в глубь страны.

Нужно было выиграть как можно больше времени для проведения мобилизации нашей армии, перестройки всей промышленности и всего народного хозяйства нашей страны на военный лад. Перед Красной Армией стояла задача — сдержать натиск врага, замедлить его продвижение вперёд, нанося ему в то же время возможно больший урон, изматывая и истребляя его живую силу и технику.

Всё это учитывал комдив и спешил привести дивизию на передние линии для встречи с врагом.

— Чем скорее прибудем в район боёв, — говорил тов. Крейзер, — чем дальше от жизненных центров страны встретим врага и замедлим его продвижение вперёд, тем вернее выполним нашу задачу и сорвём гитлеровский план молниеносной войны.

И дивизия стремительно двигалась к западным границам.

«В сёлах и городах народ встречал нас как своих,— вспоминает батальонный комиссар Воронов.— Мы в самом деле все сроднились с первого дня войны. Нам хотелось запомнить имена ласковых женщин, пригласивших нас пироги, мочёные яблоки, молоко и большие караваи домашнего хлеба. Нам хотелось запомнить всех тех стариков, которые выходили на нашу дорогу: одни, чтобы предложить старый парезной винчестер («Глядишь, ребята, пригодится вам моё ружьё»), другие,—чтобы рассказать, как лучше бить немцев» («И нам приходилось стучать этих германцев»). А мальчишки были нам особенно дороги и близки. Мы обменивались с ними на память гостинцами и обещали им, как родным сыновьям, отстаять родину и свободу, защитить огнём и штыком их вольную и счастливую жизнь».

Вскоре бойцы увидели беженцев, и перед ними впервые встали живые свидетели звериного безумия напавших на нас варваров. На лицах несчастных не остывший ещё ужас. Матери, плача, рассказывали о погибших детях; старики говорили о вытоптанных полях и лесных пожарах. Бойцы рвались в бой с врагом. Им хотелось скорее отдать всю свою силу на истребление этих варваров, несших рабство и смерть.

В Смоленске командующий армией познакомил командира и комиссара дивизии с создавшейся обстановкой и определил задачи дивизии. Получив задание оборонять Оршу, дивизия к утру 26 июня уже сосредоточилась в районе города и приступила к инженерному оборудованию обороны. Заняв оборонительный рубеж, командование дивизии тотчас же организовало разведку в западном направлении с целью установить местоположение передовых частей прорвавшейся немецкой армии. К исходу дня 27 июня командир разведывательного батальона капитан Цыганков донёс, что разведывательные части противника встречены в 30 км западнее Борисова и что продвижение этих немецких частей удерживается группой наших войск.

Прочитав донесение, командир дивизии пришёл к мысли продвинуть дивизию ещё дальше вперёд, на рубеж р. Березины, и там встретить врага. Он полагал, что, цепляясь за естественные преграды от Березины до Орши, дивизия смогла бы задержать продвижение противника на целый месяц.

В ночь на 28-е один танковый батальон был отправлен на Борисов для усиления наших частей, ведущих бой с противником. 30 июня, в 4 часа утра, был получен приказ, в котором дивизии предлагалось к 12 часам дня сосредоточиться на восточном берегу Березины. Задача была исключительно тяжёлая. Нужно было в течение восьми часов пройти примерно 150 километров, причём днём и по открытому месту. Танки и артиллерия должны были идти своим ходом. Однако приказ был выполнен, и дивизия к назначенному сроку прибыла под Борисов.

В то время как дивизия совершала марш к Борисову, её головной отряд в составе разведывательного батальона и батальона пехоты, усиленного танками, под командованием полковника Глуздовского, принял первый бой с передовыми частями германской армии. Сражение разгорелось на западной окраине Борисова. Головной отряд имел задачу — задержать противника на западном берегу Березины и не дать ему овладеть переправами через реку до прихода дивизии. Бой начался во второй половине дня и продолжался до самой ночи, когда дивизия уже заняла свои оборонительные рубежи на восточном берегу реки.

В этом первом сражении смертью храбрых пали разведчики-коммунисты политрук Поченцов и радист Голенов. Броневик, на котором находились отважные разведчики, был подбит вражеским снарядом, и водитель был убит. Немецкие автоматчики пытались окружить броневик. Они хотели взять русских смельчаков живыми. Но разведчики огнём пулемёта и пушки не подпускали к себе фашистских головорезов. Немцы с

бешенством лезли к броневнику, но Голенов, не отрываясь от пулемёта, ломал их яростный напор смертельным свинцом. Безотказно работала и пушка в умелых руках Поченцова.

С полчаса длилась неравная борьба. Наконец немцы, потеряв много людей, открыли по броневнику огонь из противотанковой пушки. Первый снаряд разорвался между передними колёсами броневика и сильно подбросил его. Вторым снарядом был подожжён запасный бак с бензином. Вспыхнуло пламя, и броневик загорелся.

Группе фашистских автоматчиков удалось подобраться к броневнику на расстояние, на которое пулемётный огонь Голенова не достигал; тогда из открытого люка показалась голова Поченцова. Он бросил гранату в подползавших фашистов. Раздался взрыв, и фашистские автоматчики, корчась в предсмертных судорогах, застыли на месте. Немцы стали забрасывать броневик ручными гранатами. Поднялся столб пламени. Броневик горел, и из пылающей машины раздалось пение «Интернационала». Так погибли два героя — коммуниста-разведчика.

Весть об их героической гибели с быстротой молнии облетела все подразделения дивизии. Ночью были созваны митинги, на которых читалось письмо с призывом к мести.

III

Заняв оборонительный рубеж по восточному берегу Березины, на участке совхоз «Веселово» — Б. Тростяница — Бычча — Борисов — Б. Уходолы, командование дивизии сосредоточило свои силы главным образом у переправ. 3-й мотострелковый полк занял участок центральной переправы у Минского шоссе, расположив свои подразделения по обеим сторонам моста; 1-й мотострелковый полк — у совхоза «Веселово», в 6 км правее шоссе; 12-й танковый полк занимал исходные позиции также в двух районах: одна часть (до полутора батальона) под командованием капитана Пронина занимала западную опушку леса, в районе кирпичного завода и имела задачей действовать совместно с 1-м полком в направлении совхоза «Веселово» в случае переправы частей противника. Другая часть танкового полка, под командой старшего лейтенанта Ермолаева, занимала западную опушку леса восточнее Борисова и имела задачей прикрывать центральный мост через Березину на Минском шоссе.

Оборонительный рубеж дивизии простирался на 50 км по фронту. Фланги дивизии были совершенно открыты, ни одна часть не поддерживала её. Против же себя дивизия имела превосходящие в несколько раз силы врага — берлинский танковый корпус, входивший в состав гудериановской танковой группы немецких войск. Поэтому дивизия сосредоточилась у переправ, как самых узких мест в обороне. Кроме того свобода манёвра дивизии ограничивалась сохранением переправ через Березину. На участке дивизии через реку имелись три моста и центральная переправа — мост на Минском шоссе, — и они своевременно не были взорваны, что привело к очень тяжёлым последствиям.

Ночью на 1 июля разведка дивизии донесла, что противник сосредоточивает большие силы на правом фланге, в районе веселовского моста, с целью переправиться на восточный берег реки. Командир дивизии полковник Крейзер пришёл на командный пункт 1-го полка. Вместе с командиром полка подполковником Петровым они обсудили все подробности плана обороны. Было решено не подпускать врага к переправе. Командиру 1-го арtdивизиона капитану Жбанову была поставлена задача — огнём артиллерии разрушить веселовский мост и уничтожить скопление сил противника на западном берегу.

Для выполнения поставленной задачи капитану Жбанову разрешили снять несколько орудий с левого фланга и перевести их в район веселовского моста. При этом сержант Колиберда, охранявший центральную пе-

переправу, заметил, что на противоположной стороне моста немецкая батарея занимает огневую позицию, и, прежде чем сняться с места, открыл огонь по вражеской батарее; когда фашистская батарея была полностью уничтожена, орудие Колиберды переправились в район Веселовского моста.

На рассвете 1 июля противник повёл сильную авиационную и артиллерийскую бомбардировку, которая длилась непрерывно около 5 часов, а потом, подтащив понтоны и доски к реке, немцы стали наводить переправу. Вечером веселовский мост был взорван нашими отходящими частями, но, к сожалению, так, что его можно было легко восстановить. Достаточно было положить несколько досок, для того чтобы мотопехота могла свободно пройти по нему. Одновременно немцы наводили понтонный мост правее веселовского моста метров на 800.

Переправа делалась на глазах наших бойцов. Комбат Шепелёв строго-настрого запретил вести огонь без команды. Бойцы нервничали, но сдерживали себя. Молчала и наша артиллерия.

Веселовский мост был метров 70 длиной. Лишь когда немецкие мотоциклисты и лёгкие танки в довольно значительном количестве въехали на него, пулемётный взвод Вавилова открыл губительный огонь. Огонь пулемётов был сигналом для нашей артиллерии. Батареи лейтенантов Холодова и Персиянова в свою очередь обрушили лавину металла на головы фашистов. Мотоциклисты сгрудились на мосту. Одни из них, бросив машины, в панике бежали назад, другие падали в реку, но свинцовый дождь настигал их всюду.

Огнём батареи Холодова и Персиянова мост был разрушен, а мотоциклы и танки были превращены в груды бесформенного металла. Небольшая горсточка немецких мотоциклистов, успевшая проскочить по мосту в расположение нашей обороны, была перебита пехотой. По свидетельству очевидцев, немцы потеряли в этом бою 700 мотоциклистов и 10 лёгких танков.

В течение дня на этом участке под прикрытием авиационного и миномётного огня противник три раза пытался форсировать реку, но все его попытки были отбиты.

Искусной маскировкой своих батарей капитан Жбанов ввёл противника в заблуждение: он продемонстрировал занятие огневых позиций не в том месте, где эти позиции были в действительности заняты.

Вражеская авиация несколько раз в течение дня спускала весь свой груз бомб на ложные огневые позиции, так и не нащупав нашей артиллерии.

По Мясковскому шоссе на участке 3-го мотострелкового полка противник в течение дня также пытался перебросить свои танки и мотопехоту на восточный берег, но безрезультатно: огнём нашей артиллерии скопление его танков и мотопехоты всякий раз рассеивалось. К исходу дня враг, пользуясь тем, что мост через Березину не был взорван, перебросил 16 танков на наш берег, но, когда артиллерия части майора Ботвинника открыла по ним сосредоточенный огонь и несколько вражеских танков было подбито, остальные поспешили ретироваться на западный берег.

2 июля с раннего утра немцы вновь повели сильную авиационную и артиллерийскую подготовку. Неприятельские самолёты шли волнами, причём в начале дня вылетало по 10—12 самолётов, а к середине дня, когда разгорелся жаркий бой, появлялось по 40—45 самолётов. Наша артиллерия вела интенсивный огонь и не давала противнику возможности продвигаться вперёд.

Первой была введена в бой наша зенитная артиллерия. Зенитный дивизион расположился северозападнее Борисова, на опушке леса. В состав его входили 2 батареи: одна среднего калибра, другая МЗА — автоматическая. Эти батареи были расставлены метров на 200 друг от друга

с таким расчётом, чтобы в случае пикирования вражеских самолётов батареи могли прикрывать друг друга.

Теперь, когда самолёты противника стали бомбить нашу артиллерию, МЗА открыла по ним огонь. Этим она обнаружила себя, и все вражеские самолёты обрушились на батарею МЗА. Завязался упорный бой. В самый разгар боя вражеская бомба упала в середину батареи, где стояли планшет-построитель и прибор, показывающий данные для стрельбы. Зенитчики не растерялись. Командир батареи МЗА лейтенант Столяров командовал: «Прямой наводкой!» Стреляя прямой наводкой, орудия сержантов Вовка и Красильного сбили по одному самолёту. Вторая батарея лейтенанта Сидоровича сбила третий вражеский самолёт. Атака бомбардировщиков была отбита.

С утра и до заката солнца действовала вражеская авиация. Зенитчики сражались самоотверженно, но были и минуты растерянности. В момент самого напряжённого положения на участке дивизии, когда вражеские танки лавиной рвались в наше расположение, на зенитный батальон налетело 43 вражеских самолёта. Положение было действительно очень тяжёлым. Зенитчики второй батареи МЗА растерялись и спрятались по щелям. Но командир батареи лейтенант Сидорович, который в это время ремонтировал машины, заметив это, тотчас же прибежал на батарею, командовал: «По местам!» — и сам открыл огонь.

Своевременный волевой окрик командира отрезвил растерявшихся зенитчиков; все вернулись на свои места, открыли интенсивный огонь, и атака врага была отбита.

К 4 часам дня фашистским танкам удалось прорваться через центральную переправу на восточный берег. В количестве 50 машин они вошли в Восточную часть Борисова. Одновременно на правом фланге 3-го мотострелкового полка немцы выбросили парашютный десант. Создалась угроза прорыва обороны дивизии и возможность захода вражеских танков в тыл нашей пехоты. Нужны были срочные и решительные меры для того, чтобы не пропустить врага.

Командир 3-го полка майор Новиков выдвинул 1-й батальон на правый фланг обороны с задачей окружить и уничтожить вражеский десант. Задача была скоро выполнена — немецкие автоматчики почти все были уничтожены, лишь небольшой части их удалось скрыться в лесу. В момент ликвидации вражеского десанта храбрым воином и умелым командиром показал себя командир пулемётной роты Рубен Ибаррури. Он со своей ротой пробрался в тыл вражеского десанта и неожиданно для врага напал на него сзади, предрешив тем самым исход боя. Сам Рубен в критическую минуту с пулемётом в руках отражал контратаки фашистских автоматчиков. Так молодой герой Испании, сын пламенной Долорес, на наших необъятных просторах мстил фашистским псам за руины Герники, за кровь детей Испании, за слёзы и страдания своего народа. Орденноносец гвардии старший лейтенант Рубен Ибаррури в боях под Сталинградом погиб смертью героя 23 октября 1942 года.

Танковая рота (в количестве 17 машин Т-34) под командованием лейтенанта Богданова находилась в засаде на восточной окраине Борисова и, когда противник ворвался в город, вышла ему навстречу. Отважные танкисты вступили в неравный бой с превосходящими силами противника. Они заградили дорогу фашистским бронированным чудовищам, бились до последнего и причинили врагу большой урон. Смертью храбрых погиб в этом неравном бою лейтенант Богданов. Только трое бойцов вернулись в полк и рассказали о героической гибели товарищей.

Выйдя из Борисова, танки противника стальной лавиной устремились на боевые порядки пехоты, но шквальным огнём нашей артиллерии они были приостановлены. Из строя были сразу выведены 8 вражеских танков.

Исключительно отважно вела себя пехота. Окопавшись по обеим

сторонам шоссе, москвичи не дрогнули перед фашистскими танками и вели по смотровым щелям танков пулемётный огонь. А когда горстка смельчаков под командой лейтенанта Фирсова подползла к вражеским танкам и забросала их бутылками с бензином и связками гранат, в результате чего 2 танка сгорели, пехота совсем приободрилась. Москвичи теперь наглядно убедились, что не так страшен чорт, как его малюют, что если опыт лейтенанта Фирсова распространить шире, вооружить дивизию бутылками с горючей жидкостью и гранатами, то фашистским танкам можно преградить путь.

Инициатором применения бутылок с бензином как средства борьбы против вражеских танков был командир 3-го мотострелкового полка майор Новиков, который в Московской мотострелковой дивизии прошёл путь от командира взвода до командира полка. Это знающий, храбрый, дисциплинированный, всегда изучающий врага командир. Когда дивизия столкнулась с берлинским танковым корпусом и должна была вести борьбу с танками, а противотанковых средств борьбы было недостаточно, Новиков пришёл к мысли применить против танков бутылки с бензином. Случай к этому скоро представился.

1 июля на восточном берегу Березины застряло в трясине 5 вражеских танков. Экипаж их разбежался. Вытащить танки не позволяла обстановка. Решили сжечь их при помощи бензина, по совету майора Новикова. Опыт удался. Танки были сожжены. После этого Новиков повторил свой опыт в подразделении лейтенанта Фирсова. Когда вражеские танки прорвались в наше расположение и создавалась угроза прорыва обороны, майор Новиков вызвал к себе лейтенанта Фирсова и предложил ему пустить в ход бутылки с бензином. Предусмотрительный майор имел на всякий случай запас бутылок с бензином, да и команда смельчаков — истребителей танков — была сколочена. И когда опыт лейтенанта Фирсова удался, майор Новиков тут же решил применить его в более широких размерах. Для этой цели был выделен 3-й батальон. Командир 3-го батальона старший лейтенант Щеглов сам, добровольно, взялся за это дело. Смелый, волевой командир, любимец бойцов, Щеглов решил повести свой батальон в атаку на вражеские танки. Вооружив батальон бутылками с бензином и гранатами, он повёл его скрытыми подступами к Минскому шоссе, по которому курсировали немецкие танки.

Прошли кустарники. Впереди было ровное плато, а до вражеских танков оставалось ещё 90—100 метров. Враги заметили наши приближающиеся цепи и встретили батальон сильным огнём. Пришлось залечь на время, а потом, улучив минуту, когда вражеский огонь стих, Щеглов поднял бойцов в атаку. Отважный воин с бутылками бензина в руках первым бросился на танки противника:

— Вперёд! За родину! За Сталина!

Все как один поднялись питомцы Московской дивизии и бросились на фашистские танки.

Таким образом мотострелковая Московская дивизия одна из первых применила новый метод борьбы с вражескими танками — бутылки с горючей смесью, — а в Красной Армии начал складываться новый род войск — истребители танков.

Старший лейтенант Щеглов был ранен, но поля боя не оставил и вышел вместе со своим батальоном. За борисовские бои лейтенант Щеглов был награждён правительством орденом Ленина.

Мужественно дрались артиллеристы с наседающим врагом. За 2 июля только на участке 3-го мотострелкового полка было уничтожено не менее 25 вражеских танков. Нужно сказать, что в течение первых дней боёв под Борисовом главную силу огня вражеской авиации и танков принимала на себя артиллерия.

Потери врага были велики. Батарея лейтенанта Гомельского прямой наводкой била по танкам противника, и немецкие танки один за другим

выходили из строя. Но из-за подбитых танков развёртывались следующие танки противника и в свою очередь прямо били по батарее. На батарее были убитые и раненые. Подбиты были все орудия батареи. Осталась ещё одна пушка, которую можно было поворачивать только за люльку. Но артиллеристы не уходили со своих позиций. Лейтенант Гомельской продолжал из последней пушки последними снарядами бить врага. Он сам поворачивал пушку за люльку и бил по танкам. 7 вражеских танков подбили в этом бою отважные артиллеристы батареи Гомельского. Когда стемнело и бой утих, оставшиеся 3 красноармейца привели тов. Гомельского на командный пункт полка. Он был ранен, всё снаряжение и шинель были пробиты осколками вражеских снарядов.

Наряду с батареей Гомельского на участке 3-го мотострелкового полка действовали также батареи лейтенантов Цыпкина и Реутова. Они также били по танкам противника с открытых позиций прямой наводкой.

На правом фланге дивизии, на участке 1-го мотострелкового полка, в течение 2 июля противник неоднократно пытался форсировать реку, как и в первый день, но был отбит огнём нашей артиллерии и пехотой. В середине дня немцы стали готовиться к обходу дивизии с правого фланга, что было своевременно замечено нашими артиллеристами, которые, выждав, когда вражеская колонна вышла из лесу, открыли по ней губительный огонь 3 батарей. Врагу было нанесено серьёзное поражение.

3 июля противник главный свой удар сосредоточил на участке 3-го мотострелкового полка. Он бросил по Минскому шоссе 20—25 средних танков при поддержке авиации и артиллерии. В единоборство с вражескими танками вступила 10-я танковая рота под командованием старшего лейтенанта Шайхета. Шайхет организовал засаду, и, когда фашистские танки шли по шоссе, наши танки неожиданно для противника атаковали их. Завязался решительный бой. Машина командира роты лейтенанта Шайхета была подбита, и он решил во время боя перескочить в другой танк, но был убит осколком вражеского снаряда.

Для отражения атаки противника был послан 4-й танковый батальон капитана Пролина с задачей обрушиться на танки противника во фланг из района Углы, а в дальнейшем обходным манёвром, через Немоница—Первомайский, выйти на минскую автостраду и остановить продвижение противника. К исходу дня 3 июля эта задача была выполнена. Затем 12-му танковому полку была поставлена новая задача — действовать вдоль Минского шоссе, вести манёвренную оборону совместно с частями дивизии, обескровливать наступающие части противника и тем самым обеспечить переход дивизии на новый оборонительный рубеж.

В результате ожесточённого трёхдневного боя под Борисовом противнику был нанесён громадный урон как в живой силе, так и в технике. По самым скромным подсчётам, противник потерял 1500 солдат и офицеров убитыми и ранеными, более 60 танков, не один десяток орудий и миномётов, 12 самолётов, 150 автомашин, 700 мотоциклов и много другого военного имущества.

Понесла урон в технике и Московская дивизия, особенно её славный 13-й артполк, на который враг, прекрасно учитывая значение советской артиллерии в бою, обрушил свои главные удары.

С первых дней войны миф о непобедимости германской армии был развеян в прах, а гитлеровский план молниеносной войны затрепал по всем швам. «Знаменитый» берлинский танковый корпус в течение 3 суток топтался у Березины, имея перед собой только одну дивизию.

Полностью оправдывались предположения командира дивизии Я. Г. Крейзера о той роли, которую дивизия сможет сыграть на Березине. Подбор командиров, немногословных, смелых, решительных, обладающих инициативой, боевая подготовка бойцов, дисциплина, выносливость, чему учил свою дивизию Крейзер, которого уважали и любили

бойцы, дали свои результаты. Московская дивизия в первых боях, свято выполняя долг перед родиной, проявила исключительные героизм и отвагу.

В дни боёв вся деятельность партийно-политических работников дивизии была направлена на воспитание отваги, стойкости, верности долгу перед родиной, презрения к смерти. Историческая речь председателя Государственного комитета обороны И. В. Сталина 3 июля 1941 г. была быстро напечатана в типографии дивизионной газеты и распространена по всем подразделениям дивизии. Глубокой ночью в минуты коротких перерывов между боями бойцы и командиры читали страстный призыв вождя — отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и сёла, проявлять смелость, инициативу и смётку в борьбе с коварным врагом. И бойцы клялись, не щадя сил и жизни, отстаивать свободу и независимость нашего народа.

IV

После трёхдневных ожесточённых боев под Борисовом мотострелковая Московская дивизия под натиском превосходящих сил противника отошла на новый оборонительный рубеж, приняв единственно правильную в этих условиях тактику — подвижной обороны. Целляясь за естественные, главным образом водные, преграды, реки и маленькие речушки, в большом количестве пересекающие автостраду, дивизия строила свою оборону. Маневрируя на этих промежуточных оборонительных рубежах, она задерживала противника, препятствовала его быстрому продвижению вперёд, уничтожая его живую силу и технику.

За 2 недели манёвренных боёв, развернувшихся на участке от Борисова до Орши, берлинскому танковому корпусу ни разу не удалось прорвать оборону дивизии ни на одном участке главного направления. Дивизия всё время удерживала шоссе Минск—Москва в своих руках. Противник вынужден был обходить дивизию с флангов, пользуясь тем, что они за всё время боёв оставались открытыми.

В условиях подвижной обороны, особенно при наличии открытых флангов, громадное значение приобретала организация разведки. Поэтому полковник Крейзер сам занимался персональным подбором разведчиков, выделяя для этого дела самых храбрых, выносливых, с военной смекалкой людей. И разведка в дивизии стояла на должной высоте. Командиром разведывательного батальона был капитан Цыганков, который за храбрость, хорошую постановку разведки в дивизии был награжден правительством орденом Ленина. Цыганков всегда был осведомлен о том, что делается во вражеском стане, сколько у противника сил и что он предпринимает. Тысячи всякого рода военных хитростей и уловок применяли бойцы капитана Цыганкова при исполнении своего ответственного дела. Исключительную храбрость и отвагу проявляли они в борьбе с коварным врагом.

Первый промежуточный рубеж по р. Мужанке на фронте Мелихово—Мужанка—Бояры дивизия заняла в ночь на 4 июля. Этот рубеж она держала в своих руках до полудня 5 июля, а потом под натиском превосходящих сил противника — его авиации, артиллерии и танков — вынуждена была отойти на новый рубеж по Минскому шоссе.

Второй промежуточный рубеж, который дивизия заняла 5 июля, шёл по р. Наче на фронте Кроцкие—Смоленский железнодорожный мост и лес западнее Остревы. Здесь наша пехота успела создать неплохую оборону. Утром 6 июля противник после артиллерийской подготовки, имея в своём распоряжении 14 танков, до 250 машин, двинулся по Минскому шоссе на нашу оборону. Впереди был мост, подготовленный к взрыву. Сапёры тт. Ткач и Бондаренко дежурили у моста и должны были взорвать его, как только появится противник. Сапёры произвели все расчё-

ты, но у них не было шнура замедленного действия, а враг был уже рядом. Тогда они решили применить быстро воспламеняющийся шнур. Тяжёлый вражеский танк взошёл на мост. В этот момент сапёры подожгли шнур. Мост был мгновенно взорван. Немецкий танк поднялся на воздух, а затем опрокинулся в реку. Красноармейцы Ткач и Бондаренко погибли геройской смертью.

Во вражеской колонне произошло замешательство. Танки стали развёртываться, чтобы отойти назад, но шоссе было плотно забито автомашинами и танками. Наша артиллерия и танки, закопанные в выемках шоссе на дороге, открыли беглый огонь по колонне противника. Пехота противника бросилась бежать в разные стороны; водители, оставив свои машины и танки, тоже пустились наутёк. По бегущей пехоте наши пулемётчики открыли пулемётный огонь. По далеко не полным подсчётам, в этом бою были уничтожены 14 танков, свыше 150 автомашин и 300 немецких солдат и офицеров.

Третий промежуточный рубеж дивизия заняла по безымянному ручью на фронте дер. Новые Крупки — Дачный — Малые Крупки. На этот рубеж фашисты бросили большое количество своих танков. Вражеские танки шли 3 эшелонами, причём только в первом эшелоне насчитывалось 85 машин. Для отражения танковой атаки противника Крейзер отдал приказ 12-му танковому полку — контратакой сорвать вражеское наступление, уничтожить его танки. Произошёл танковый бой, в котором с нашей стороны участвовало 75 машин и который длился полтора часа. Почти весь первый эшелон свои немцы оставили на поле боя. В бой был введён второй эшелон. Наши отважные танкисты дрались до последних сил, до последнего дыхания. По свидетельству очевидцев, в результате этого боя всё поле под Малыми Крупками было усеяно обломками сгоревших и разбитых вражеских и наших машин.

Отвагу и мужество проявил в этом бою командир 4-го танкового батальона капитан Пронин. Он руководил развернувшимся танковым боем. День клонился к вечеру, поле боя подёрнулось туманом, и руководить боем из машины было очень трудно. Тогда отважный капитан открыл люк своей машины и командовал, стоя во весь рост. Под его умелым и смелым руководством наши танки быстро продвигались вперёд, уничтожая на своём пути вражеские танки. В разгар самого боя жизнь героя-капитана мгновенно была оборвана: вражеский снаряд попал ему в грудь. Герой-командир посмертно награждён правительством орденом Ленина.

Третий промежуточный рубеж по своим естественным условиям был неудачен для танковой обороны, ибо он являлся открытым и представлял для авиации противника удобное поле деятельности. Поэтому командир дивизии решил к утру 7 июля подготовить четвёртый промежуточный рубеж, по р. Бобру, на участке Малый Бобр — платформа Малый Бобр.

Этот рубеж удерживался дивизией с утра 7-го по 9-ое июля включительно. В дальнейшем под давлением превосходящих сил противника дивизия заняла пятый промежуточный рубеж, по р. Плиссе. Этот рубеж дивизия упорно держала на широком фронте с 9-го по 12-ое июля включительно. Противник большими силами пехоты, танков, артиллерии обошёл её с флангов и в ночь на 13-ое июля перехватил Минское шоссе восточнее Словеньки. Это обстоятельство вынудило командование дивизии с утра 13-го июля перебросить вначале 1-й мотострелковый полк, а затем 3-й на шестой промежуточный рубеж, по р. Друти, на фронте Новая Жизнь — местечко Толочин — станция Толочин.

Своевременная переброска 1-го мотострелкового полка на новый рубеж остановила продвижение противника, ибо, обойдя дивизию во фланг, противник повёл наступление на местечко Толочин. В это время 4-й мотострелковый полк успел выйти на новый рубеж и взорвать мост

на шоссе через р. Друть. Под местечком Толочин произошло крупное сражение, в котором немцы понесли большие потери.

Враг не предполагал, что дивизия могла встретить его здесь. Колонна фашистской мотопехоты с танками спокойно двигалась вдоль Минского шоссе. Крейзер распорядился подпустить врага ближе к р. Друти, а потом накрыть его артиллерийским и ружейно-пулемётным огнём. Так и было сделано. Удачные попадания по всей колонне сразу внесли панику в ряды немцев. Они стали разбегаться во все стороны. Не менее тысячи фашистов было перебито. Местечко Толочин несмотря на превосходство вражеских сил, находящихся там, было очищено от противника. Враг бежал, преследуемый нашими танками и мотопехотой.

Но несмотря на большие потери враг подтянул свежие резервы и стал теснить дивизию одновременно с трёх сторон, пытаясь захватить её в клещи. Открылся упорный бой. В ходе боя противник нес большие потери, но лез вперёд.

Для того чтобы вклиниться в нашу оборону, он пустил свои танки в стык между 1-м мотострелковым полком и 3-м. На этом участке, на стыке двух полков, действовала тогда наша 2-я батарея противотанкового батальона. На правом фланге стояло орудие комсомольца Дмитриева. Он был замечательным артиллеристом-наводчиком. Заметив, что на него движутся фашистские танки, Дмитриев подпустил танки на 600 метров и открыл по ним огонь. От прямого попадания вражеские танки горели, выходили из строя, но из-за подбитых развёртывались другие и лезли вперёд, ведя огонь по орудью отважного комсомольца. Расчёт Дмитриева был выведен из строя. Сам Дмитриев был ранен несколько раз осколками вражеских снарядов, но продолжал один вести борьбу. Вот вражеским снарядом отбита правая станина у орудия Дмитриева, сам он, потеряв сознание, падает. Фашистский танк, лязгая железом, идёт прямо на орудие Дмитриева. Но борьба не кончена. Герой-комсомолец, истекая кровью, поднимается на ноги, заряжает орудие, раздаётся выстрел — и вражеский танк подбит. Дмитриев снова теряет сознание и падает у своего орудия. Танковая атака отбита.

Врачи извлекли из тела Дмитриева 17 кусков железа, но богатырь-комсомолец остался жив. Указом Президиума Верховного Совета СССР Дмитриеву Н. М. присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая звезда».

Под местечком Толочин против Московской дивизии действовали превосходящие силы противника — 18-я мотодивизия и части танковой дивизии, около 150 танков, входящих в состав берлинского танкового корпуса. Командованием дивизии было решено отойти на следующий оборонительный рубеж по р. Одру, примерно в 10 км восточнее местечка Толочин, и там подготовить достойный отпор врагу. Отход совершался под прикрытием арьергардных батальонов, каждый из которых был усилен 10—15 танками и артиллерией.

В самый разгар боя командир артдивизиона капитан Жбанов был ранен осколком вражеского снаряда, но он оставался на своём посту. А когда части дивизии стали отходить на новый оборонительный рубеж, тов. Жбанов, прикрывая их огнём своих орудий, задержался сзади. Враг буквально по пятам преследовал отходящие наши части. В машину, в которой ехал капитан Жбанов, попал вражеский снаряд, и он был вторично ранен. Ранение было настолько тяжёлым, что бойцы, вынесшие капитана из кабины машины, сочли его убитым. Будучи фактически в расположении немцев, бойцы решили избавить тело своего любимого командира от надругательств фашистских варваров. Они отнесли тов. Жбанова в лес, там взяли его документы (партбилет) и, накрыв его красноармейской шинелью, ушли. К счастью, когда командир пришёл в себя и начал стонать, его услышали проходившие случайно мимо артиллеристы. Они оказали ему первую медпомощь, а через трое суток, когда капитану стало лучше,

артиллеристы вместе с колхозниками пронесли его через линию фронта в расположение наших войск. На четвёртые сутки они доставили его в полевой госпиталь.

К рассвету 14 июля дивизия заняла новый оборонительный рубеж, по восточному берегу р. Одра, на фронте шириною 22 километра. Соседей как справа, так и слева не было. 3-й мотострелковый полк занял участок на правом фланге обороны дивизии, а 1-й полк — на левом. Середину обороны занял вновь прибывший на пополнение в дивизию мотострелковый полк. Артиллерия была сосредоточена главным образом на левом фланге и в центре обороны. На участке 3-го полка артиллерии не было, ему было придано несколько танков и батарей ПТО.

К 6 часам утра наблюдатели заметили, что на правый фланг нашей обороны из лесу двигались параллельно 2 колонны противника, состоявшие из танков и мотопехоты. Было очевидно, что немцы свой главный удар направят на правый фланг и что соответственно этому артиллерия должна быть сосредоточена не на левом фланге, а на правом. Тем временем противник подтянулся к дер. С., расположенной в 3 км от нашей обороны, и стал готовить наступление. Он занял колокольню как наблюдательный пункт и концентрировал войска в самом селе и правее, в лесу. Когда наша артиллерия подошла к правому флангу на участок 3-го полка, фашисты, повидимому, уже закончили свою подготовку к наступлению. Наши артиллеристы открыли сильный огонь по деревне. Первыми снарядами была разрушена колокольня. В деревне поднялась паника. Немцы, не выдержав огня артиллерии, оставили деревню, бросив в ней 300 трупов солдат и офицеров. Наступление врага было сорвано.

В течение 14 и 15 июля противник ещё не раз пытался прорвать нашу оборону, но безуспешно. К исходу дня 15 июля враг, оставив минскую трассу, повернул вправо и пошёл в обход Орши на Смоленск. Наши артиллеристы на этом повороте подкараулили врага и дали ему хорошую трёпку. Дав возможность вражеской колонне полностью вытянуться по Минскому шоссе в обход, параллельно р. Одру, они открыли по ней внезапный огонь. Всего было уничтожено около 200 машин.

Таким образом на седьмом промежуточном рубеже по р. Одру дивизия окончательно приостановила продвижение немцев на восток по Минскому шоссе. В продолжение 15 дней на стокилометровом участке она вела сложную маневренную оборону против корпуса отборных немецких войск, нанося им жестокие поражения, и тем самым сорвала их план быстрого продвижения на Москву.

15 июля к предельному рубежу маневренной обороны подошли наши свежие части, которые приняли участок Московской дивизии. Московская же дивизия получила новую задачу — прикрыть г. Оршу с юга и не допустить обтекания фашистских войск в обход на Смоленск. В районе юго-восточнее Орши — Елизаветино — Морозово дивизия вела успешные боевые действия, громя во фланг части противника, движущиеся на Горки. Здесь дивизия под дер. Чирино и Саввы, расположенными по шоссе Орша—Горки, нанесла противнику громадный урон: она с ходу врезалась в тыл гудериановской армии и крепко её погромила; было подбито 18 танков, сожжено 500 машин и захвачено много военного имущества.

В момент боя под дер. Чирино командир дивизии полковник Крейзер был ранен и отправлен в госпиталь. Временное командование дивизией принял на себя его заместитель полковник Глуздовский. Дивизия на этом участке начала успешно продвигаться на юг и должна была во взаимодействии с частями 5-го танкового корпуса отбросить противника на запад. Но действия 5-го танкового корпуса успеха не имели, хотя противнику был нанесён значительный ущерб.

После этого дивизия совершила отход к Днепру вместе с другими частями Красной Армии — в район переправы Радчино. В течение 6—7 августа дивизия переходила на восточный берег Днепра и сосредоточивалась в районе Челноковая. В это время в дивизию из госпиталя вернулся Крейзер и принял командование. Постановлением правительства Я. Г. Крейзеру за проявленную доблесть и героизм, за умелое вождение войск в борьбе с немецкими оккупантами было присвоено звание генерал-майора и Героя Советского Союза с вручением второго ордена Ленина и медали «Золотая звезда».

Крейзер развил исключительную деятельность по укомплектованию дивизии. Он с ещё перевязанной рукой готовил свою дивизию снова в бой. Но 22—23 августа он был отозван в Москву, где и получил новое назначение.

В дальнейшем в конце августа дивизия вышла на фронт в районе Холм—Новосёлки, где вела боевые действия под командой нового командира — Героя Советского Союза полковника Лизюкова.

Таким образом, в результате героической борьбы 1-я мотострелковая Московская дивизия с честью выполнила поставленную перед ней командованием задачу. Развитие фашистского наступления по минской трассе к центру страны было надолго задержано. Врагу был нанесён громадный ущерб как в живой силе, так и в технике. 31 августа 1941 г. Президиумом Верховного Совета СССР 1-я мотострелковая дивизия «за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с германским фашизмом и проявленные при этом доблесть и мужество» награждена орденом Красного Знамени.

Приказом Народного Комиссара Обороны от 21 сентября 1941 г. дивизия, показавшая «образцы мужества, отваги, дисциплины и организованности» и неоднократно наносившая «жестокие поражения немецко-фашистским войскам», была переименована в 1-ю гвардейскую мотострелковую Московскую дивизию.

КУЛЬТУРА РУСИ НА РУБЕЖЕ XIV—XV ВЕКОВ

Д. Лихачев

Если победы русских у стен Константинополя и Корсуни в X в. принесли Руси христианское европейское просвещение, если победа под Полтавой была тем поворотным пунктом, после которого европейская образованность «причалила,—по выражению Пушкина,— к берегам завоеванной Невы», то историческая победа русских над татарами на Куликовом поле в 1380 г. вызвала серьёзный подъём творческих сил русского народа. Это относится как к области науки, так и литературы и живописи. Куликовская победа пробудила работу исторической мысли (летописные своды, исторические повести) и вдохновила творчество такого древнерусского художника, как А. Рублёв.

В настоящее время историки древнего русского искусства, древней русской книжности постепенно отходят от господствовавшего в XIX в. антиисторического взгляда на древнюю русскую культуру и начинают видеть развитие и движение там, где их предшественники усматривали лишь неподвижный ряд однообразных явлений. Одновременно всё больше утверждается мнение, что постоянные и прочные европейские связи создают глубокое средство культурных явлений, идей и настроений с идеями и настроениями других стран в соответствующие эпохи.

Мощный подъём всей русской культуры, последовавший за Куликовской победой, отличаясь многими резко индивидуальными чертами, в то же время имел и признаки, характерные для культуры Западной Европы того времени.

I

Предвозрождение XIV в., возникнув в Византии, проникнув в Западную Европу через Италию, не осталось без откликов и на Руси. Могучее новое движение охватило не только Западную Европу, но также Псков, Новгород, Москву, Тверь, весь Кавказ и Малую Азию. На всём этом огромном пространстве мы встречаемся с однородными явлениями, вызванными развитием демократической жизни в городах и усилением культурного общения стран. Многие черты этого предвозрожденческого движения сказались на Руси даже с большей силой, чем где бы то ни было.

Расцвет новгородской фресковой живописи XIV в. был во многом обусловлен мировыми связями Новгорода. Наблюдение природы, которое внесли в своё искусство мозаичисты и фрескисты Византии, а вслед за ними Чимабуэ, Джотто и Дуччио в Италии, естественный ландшафт, натуральные человеческие фигуры, элементы перспективны и светотени появление сложных повествовательных сюжетов и попытки изобразить человеческие переживания — всё это живо отразилось в новгородских фресках второй половины XIV в. — в фресках церкви Спаса Преображения, Фёдора Стратилата, Волотова, Рождества на Кладбище, Михайло-Сковородского монастыря, Ковалёва¹.

Живопись Новгорода XIV в. попрежнему имеет дело с условным пространством, абстрактным, схематизированным архитектурным пейзажем; однако для изображения этого мира новгородские мастера начинают пользоваться некоторыми наблюдениями жизненных движений, поз, поворотов, заставляют свои объекты жить особой сложной внутренней жизнью, стремятся передать психологические переживания и т. д. «Священные» сюжеты трактуются менее торжественно, интимнее, проще, обыденнее. Особенно сильные изменения претерпел в XIV в. тип богородицы — из величественной «царицы небесной» превратившийся в человеческую фигуру скорбной матери-подростка (Волотово).

Немалая роль в этом интенсивном художественном движении Новгорода XIV в. принадлежит замечательному мастеру эпохи Возрождения Феофану Греку. По словам его друга Епифания Премудрого, оставившего нам восторженный панегирик Феофану, им было расписано всего до 40 каменных церквей. Более 30 лет прожил Феофан в России, не только уча, но и участвуя у русских мастеров. Как и многие из приезжавших впоследствии в Россию художников, Феофан не остался одиноким и непонятым художником. Феофан подпал под мощное

¹ См. Айналов Д. «Византийская живопись XIV столетия» (Зап. класс. отд. Русского археологического общества. Т. IX. 1917). Д. Айналов считает, что в новгородских фресках XIV в. непосредственно отразились черты искусства итальянского треченто, идущая Византию.

воздействие русской художественной традиции.

Было бы неправильно приписывать необычайную высоту и живописное совершенство новгородских фресок второй половины XIV в. только приезжим художникам-иностранцам — грекам или сербам. Частично раскрытые в недавнее время (1937) фрески Сквородского монастыря в Новгороде¹ или фрески новгородской церкви Рождества на Кладбище свидетельствуют о явно русском усвоении предвозрожденческих приёмов живописи, о наличии в Новгороде XIV в. широкой творческой жизни (отражившейся в разнообразии манер), о существовании нескольких и притом местных живописных школ. Любопытно, что эти, явно русские по своему происхождению фрески выражают стремление к более отчётливому письму, к многоцветности, к крепкой живописной лепке полнокровных, румяных лиц. Это искусство менее аристократическое, менее утончённое, чем искусство Феофана; оно более реалистическое и здоровое.

И не только в Новгороде, но и в других русских городах во второй половине XIV в. наблюдается тот же подъём искусства живописи. Первым памятником, отразившим предвозрожденческие черты в живописи, являются фрески Снетогорского монастыря во Пскове первой половины XIV века. К сожалению, снетогорские фрески остались до сих пор малознученными. Однако в них явно выступают все те черты, которые характеризуют новую живопись второй половины XIV века².

То немногое, что мы знаем о Москве второй половины XIV в., позволяет говорить об аналогичном подъёме в живописи также и в этом городе. В Москве много работали приезжие мастера-греки³, в частности особенно долго работал здесь тот же Феофан Грек⁴.

¹ В Сквородском монастыре хорошо сохранились большие композиции: «Вознесение», «Воскрешение Лазаря», «Вход в Иерусалим». В особенности великолепна последняя композиция. Повидимому, на Сквородке работало несколько живописцев: один из них, большой мастер, написал все главные фигуры в композициях, придав им несколько удлинённые пропорции; другие более придерживались традиционного новгородского вкуса и писали коренастые фигуры, в несколько иконописной манере.

² М а д у л е в и ч Л. «Фрагменты стенописи в соборе Снетогорского монастыря». СПб. 1914.

³ В 1343 г. митрополит Феогност в Москве «подписал своего митрополича двора соборную церковь Пречистой богородицы греческими мастерами». В 1344 г. подписывали: «...в монастыри церковь святого Спаса... а мастера старейшины и начальницы быша русиити родом, а гречестии ученицы» и т. д.

⁴ При постройке церкви Рождества Богородицы в 1395 г. с приделом Лазаря в Кремле её расписывали «славные живописцы Феофан грек да Семён чёрный» (Пол-

В Москве по-настоящему созрела национальная школа живописи, высшим представителем которой на рубеже XIV—XV вв. выступает гениальный русский художник Андрей Рублёв. В 1405 г. А. Рублёв известен уже как вполне зрелый сорокалетний⁵ мастер, расписывающий вместе с Феофаном Греком и старцем Прохором из Городца кремлёвский Благовещенский собор.

Более или менее отчётливое представление о творчестве Рублёва удалось получить лишь после Великой Октябрьской революции: в 1920 г. был обнаружен ряд икон, бесспорно, рублёвских (например три иконы, найденные в церкви «Успение на Горшке» в Звенигороде, иконы из иконостаса церкви села Васильевского и др.); кроме того были произведены необходимые реставрации, раскрывшие подлинные краски Рублёва.

Творчество А. Рублёва впитало в себя все великие достижения западноевропейской и византийской предвозрожденческой живописи. В отличие от русской иконописи предшествующей поры произведения Рублёва мягче, лиричнее, психологичнее раскрывают темы. Тихое раздумье Павла (икона из села Васильевского, близ Владимира), лирика архангела из Звенигорода свидетельствуют о характерном для творчества Рублёва нарождающемся гуманизме. Ангелы знаменитой рублёвской «Троицы» связаны внутренней беседой. «Владимирская» богородица погружена в горестные думы о грядущей судьбе сына. Всё это говорит о новом искусстве, порвавшим с торжественной и холодной монументальностью предшествующего искусства.

Суздальско-владимирские иконы традиционно отличались общим изысканным голубовато-серебристым тоном, несколько графическим характером письма⁶. Всё это характерно и для Рублёва в сочетании с общими предвозрожденческими чертами его творчества.

Работы Рублёва не стояли одиноко на рубеже XIV и XV веков. Многочисленные реставрации икон той поры, произведенные после Октябрьской революции, и многочисленные новые находки икон конца XIV—начала XV в. говорят о необычайно высоком уровне русской живописи того времени.

Дальнейшая история русского живописания свидетельствует о постепенном спаде мастерства, начавшемся приблизительно с конца XV века.

Итак, можно с несомненностью установить, что эпоха объединения русского народа вокруг Москвы была одновременно и эпохой высшего расцвета древнерусской живописи.

Слава русских художников той поры знало собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. XXI, 2-й полутом, стр. 408).

⁵ А. Рублёв умер в 1427 или 1430 г., имея от роду около 60—70 лет. Таким образом, Рублёв, надо считать, родился в 60—70-х годах XIV века.

⁶ Грабарь И. «Рублёв. Вопросы реставрации». Сборник I, стр. 57, 61—62.

столько велика, что их приглашали работать далеко за пределы родины. Особенно много остатков фресок древнерусских мастеров сохранилось в Польше, где в эпоху королей Ягелла и Казимира русские иконописцы работали в Кракове, в Святокрестецком монастыре, на Лысой горе, в Люблине и Гнезне¹. Новгородские фрески частично сохранились в г. Висби, на острове Готланде. Новгородских мастеров приглашали расписывать церкви Ганзейской колонии в Новгороде. Русские мастера ездили работать в Золотую Орду.

II

Обычно считается, что так называемое «второе югославянское влияние», начавшееся на Руси во второй половине XIV в., коснулось лишь русской орфографии, почерка рукописей и стили древнерусских произведений начала XV в., ставших более многословными, цветистыми, витиеватыми. Даже на основании тех скудных сведений, которые мы имеем о культуре XIV—XV вв., можно заключить, что влияние это значительно шире, разностороннее, глубже и было связано с общим европейским движением предвозрождения.

Но не одни только орфографические и стилистические правила проникают на Русь вместе с югославянскими рукописями, а и самые идеи этих рукописей. Обширные книжные увеличивались непосредственным общением людским «На Русь» приезжают болгарские, сербские книжники (Григорий Цамбляк, Киприан, Пахомий серб), а сами русские образуют целые колонии на Афоне и в Константинополе, занятые перепиской рукописей, вмешиваются во внутреннюю жизнь и оказывают влияние на культуру югославянских стран. Русский боярин Иван на службе у болгар в правление царя Михаила с 3 тыс. конницы чуть было не овладел Константинополем². Насколько основательным было влияние русских книжников, живших на Афоне и в Константинополе, можно заключить хотя бы по тому, что Константин Костенечкий в своём сочинении о правописании называет русский язык «красивейшим и тончайшим» и соотносит с ним свои правила орфографии. Русский язык оказывает существенное влияние на болгарский язык XIV века³.

Из Византии и югославянских стран шло на Русь то увлечение музыкой, которое бы-

ло столь характерно и на Западе для эпохи предвозрождения. С конца XIV в. расширяется на Руси значение музыки в церковном богослужении. Многие, что до того только читалось в церкви, с этой поры начинают петься. В XV в. складывается то «раздельное» и хоровое пение, которое становится затем характерной особенностью православного средневекового богослужения. С XV в. получило большое распространение торжественное демественное «красное» пение. Оно было созданием русским, хотя самый термин, означающий его, — греческий. В демественное пение включались задостойники, многолетия, всё «амвонное», т. е. всё, что пелось в торжественные праздники на амвоне, и др. Сюжеты песнопений проникают в живопись (например иконы и росписи на темы акафиста богородицы). Самые жизнеописания святых приближаются и по форме и по содержанию к акафистам.

В ту же эпоху в русской книжности проявляются первые признаки индивидуализма. В противоположность безыменности большинства литературных произведений предшествующих веков в конце XIV—начале XV в. впервые появляется иное отношение к авторству. Авторы житий много говорят о себе, пишут обширные предисловия, в которых рассказывают о причинах, побудивших их приняться за перо, раскрывают своей намерение, пишут о своих личных отношениях к святому, что показалось бы в предшествующие века верхом греховного самовосхваления. Изложение проникается субъективизмом и элизмом. Индивидуалистически настроенные писатели начала XV в. (Епифаний Премудрый, Пахомий серб) относятся с видимым интересом к внутреннему миру своего героя. Впервые, хотя ещё примитивно и схематично, толкуют писатели начала XV в. о психологических переживаниях своих героев, о внутреннем, религиозном развитии святых. Самые картины природы, интерес к которой постепенно растёт, служат образцами для изображения душевного состояния святых. Характерная для эпохи зарождающегося гуманизма любовь к слову отразилась в русских житиях этого периода обилием длинных речей, многочисленностью риторических прикрас, так называемым «плетением словес», ритмической организацией речи, введением ассонансов, внутренних рифм, нарочитым накоплением местоимений, наречий и союзов, иногда для благозвучия начинающихся на одну и ту же букву.

Подобно своим греческим учителям русские монахи стремились к уединению, к аскетическому подвигу среди пустынной природы, уходили в леса, на берега глухих рек и озёр. Идеи уединённого жития, молитвенного самоуглубления проникли на Русь задолго до Нила Сорского — типичного представителя этого направления⁴. До

¹ Каринский Н. «Русская надпись в люблинском тюремном костёле». «Известия Археологической комиссии». Вып. 55-й. Пгр. 1914; Соболевский А., акад. «Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии». СПб. 1910; его же «Русские фрески в старой Польше». М. 1916; Корса Ф. «O malarstwie bizantynskiem w Polsce». «Polski Muzeum». Zeszyt VIII. Krakov.

² Иречек К. «История болгар», стр. 984—986. Одесса. 1878.

³ См. Ягич И. «Исследования по русскому языку». Т. I, стр. 396 и др.

⁴ Таким представителем нестяжательности в конце XIV в. был игумен Афанасий, который не знал, что ему делать с селом, подаренным его монастырю князем, хотя такие подарки были вполне обычны со

XIII в. князья не постигались перед смертью. С XIII в. предсмертные постриги князей становятся бытовым явлением. В XI—XII вв. канонизация князей — обычное явление. В XIV же и XV вв. их постепенно вытесняют монахи-аскеты. Князья и воины вообще исчезают с арены святости¹. Дмитрий Донской — последний крупный святой князь.

Чрезвычайно существенно при этом, что несмотря на развитие на Руси в XIV в. стремления к аскетическому уединению, характерному для самой ранней стадии предвозрождения, русские не восприняли, однако, типичной для Запада экзальтированной аскезы. На Руси не были известны ни целования ран прокажённых, ни появление стигматов на теле святого, ни истерическое самоунижение. Русские монахи и монастыри конца XIV — начала XV в. очень часто подчиняли свою деятельность государственным интересам. Самое продвижение монастырей на север было связано с культурным и хозяйственным переустройством колонизируемой страны. Стефан Пермский создаёт пермскую азбуку и переводит на язык пермяков книги «Горнего града гражданин и высшего Иерусалима жители». Сергей Радонежский постоянно вмешивается в политическую жизнь Руси. Сергей использует свой нравственный авторитет для поддержки московского великого князя. По одному его слову, чтобы оказать давление на нижегородцев, затворяются все церкви в Нижнем Новгороде; он подчиняет полятике Москвы Рязанское княжество; он благословляет Дмитрия Донского на борьбу с Ордой за независимость Руси и т. д.

Таким образом, в предвозрожденческом движении на Руси сильной особенностью явились государственные интересы страны. Они смягчали крайности монашеского индивидуализма, они внесли ряд новых и характернейших черт в самую культуру этого периода. В статье об идеологической борьбе Москвы и Новгорода в XIV—XV вв.² я указываю на факт поразительного интереса в конце XIV—начале XV в. к эпохе независимости Руси. Этот повышенный интерес к старому Киеву, к старому Владимиру, к Новгороду домонгольской эпохи отразился в усиленной работе исторической мысли, в составлении многочисленных обширных новых летописных сводов, исторических сочинений, в обострённом внимании к «Повести временных лет» и т. д. Московские великие князья, в частности Дмитрий Донской, озабочены были составлением генеалогий, в которых возводят свой род к «старому Владимиру». Центральная

сторона князей-строителей. Идея нестяжательности развивал и митрополит Киприан (Соколов П. «Русский архидиакон из Византии», стр. 524. СПб. 1913; см. также Павлов А. «Исторический очерк секуляризации церковных земель», т. I, стр. 9).

¹ См. об этом П р и с е л к о в М. «Борьба двух мировоззрений». Сборник «Россия и Запад», стр. 54 1923.

² См. «Исторический журнал» № 6, стр. 43—56 за 1941 год.

святыня Суздальско-Владимирской Руси — Владимирская богородица — перевозится в Москву. В Твери, во Владимире, в Ростове, в Переяславле Залесском и в других городах, основанных ещё до татаро-монгольского ига, восстанавливаются древние, домонгольские постройки. А. Рублёв совместно с Даниилом Чёрным по приказу Москвы реставрируют старинную роспись Успенского собора во Владимире. В Новгороде усиленно восстанавливаются церкви, «на старой основе» XII в., а в новых новгородских строениях, начала XV в., — архитектурные формы XII века. Возрождается культ новгородских святых XII в.; создаются сказания, окружающие ореолом святости борьбу Новгорода за свою независимость в XII веке. В Твери составляется новая, «арсеньевская» редакция «Киево-печерского патерика».

Со времени написания «Повести временных лет» работа исторической мысли ещё не была так интенсивна, как в этот период. Никогда ещё работе летописцев и историческим концепциям не придавалось такого исключительного значения, значения государственной важности.

Это обращение ко времени национальной независимости во всех областях культурной жизни Руси конца XIV—начала XV в. вызвало к жизни оригинальную историческую теорию, символически противопоставившую начало и конец татаро-монгольского ига.

Читая и перечитывая «Слово о полку Игореве», как перечитывались в конце XIV в. «Повесть временных лет», «Киево-печерский патерик», «Сказания о рязанском разорении», подвергшиеся в это время существенным переделкам, древнерусский книжник усмотрел в событиях «Слова» начало татаро-монгольского ига. В его сознании соизнали битва на Каяле-реке (1185) и битва на Калке (1224). Немалую роль в этом совпадении имело самое отождествление половцев и татар, типичное для московских летописных сводов³.

Такой взгляд на «Слово о полку Игореве», как на произведение о начале татаро-монгольского ига, побудил вскоре же после куликовской победы противопоставить ему произведение о конце татаро-монгольского ига. Таким своеобразным «ответом» на «Слово о полку Игореве» явилась «Задонщина».

Автор «Задонщины» имел в виду не бессознательное использование художественных сокровищ величайшего произведения древней русской литературы — «Слова о

³ Ср. например в Симеоновской летописи, где татары названы половцами под 1378 г., а татарская степь — половецкой под 1380 г. и т. д. Очевидно, «Повесть временных лет» не только усиленно переписывалась в конце XIV в., но и усиленно читалась. Энергичные призывы «Повести» к борьбе с половцами воспринимались как призывы к борьбе с татарами, и московский летописец не без умысла заменял в изображении современных ему событий татар половцами, сопоставляя тех и других.

полку Игореве» (как это обычно считается), — а вполне сознательное сопоставление самых событий прошлого и настоящего, событий, изображённых в «Слове о полку Игореве», с событиями современной ему действительности. И те и другие символически противопоставлены в «Задонщине».

Чтобы пояснить читателю эту идею, автор «Задонщины» предпослал ей предисловие, составленное в эпическо-былинных тонах. На пиру у воеводы Миклулы Васильевича великий князь Дмитрий Иванович обращается к «братии милой» с предложением пойти на юг, взойти на горы киевские, посмотреть на славный Днепр «и оттоле на восточную страну, жребий Симов», от которого родились татары: «те бо на рече на Каяле (т. е. там, где была битва с половцами в «Слове», а не на Калке, где в действительности были разбиты русские татарами. — Д. Л.) одолеша род Афетов (русских. — Д. Л.), оттоле русская земля сидит невесела, от Калатская (Каяльская) раги до Мамаева побоища тугою и печалию покрывшася, плачущися, чады своя поминаючи». «Снидемся, братия и друзи и сынове русские, составим слово к слову, возвеселим Русскую землю, возверзем печаль на восточную страну в Симов жребий» (т. е. на татар. — Д. Л.), — приглашает автор в начале своего произведения.

Дальнейшее описание событий битвы на Дону имеет в виду именно это — «возвеселить Русскую землю», «звергнуть печаль» на страну татар.

В «Слове о полку Игореве» грозные предзнаменования сопровождают поход русских войск: «...волки сулят грозу по обрвам-русском, орлы клёкотом зовут зверей на кости русских, лисицы лают на щиты русских». В «Задонщине» те же зловещие знамения сопутствуют походу татарского войска: «...грядущая гибель татар заставляет птиц лететь под облака, часто грать воронов, говорить свою речь галок, клекотать орлов, грозно выть волков и брехать лисиц».

В «Слове»: «дети бесови» (половцы) «кликком поля перегородиша»; в «Задонщине»: «русские же сынове широкие поля кликом огородиша»; в «Слове»: «чрна земля под копыты» была посеяна костями русских; в «Задонщине»: «черна земля под копыты костями татарскими была посеяна»; в «Слове»: кости и кровь русских, посеянные на поле битвы, всходят «тугою» «по Русской земли»; в «Задонщине»: «уже бо возстана земля татарска, бедами и тугою покрывшася»; в «Слове»: «тоска» различна по Русской земле; в «Задонщине»: «уже по русской земле простресе веселие и буйство»; в «Слове»: «а погани с всех стран прихождаху с победами на землю русскую»; в «Задонщине» же сказано о татарах: «уныша со царей их веселие и похвала на русскую землю ходити»; в «Слове»: «готские красныя дэвы» звенят русским золотом; в «Задонщине»: русские жёны «воплескаша татарским златом». «Туга», разошедшаяся в «Слове» после поражения Игоря по всей русской земле, сходит с

неё в «Задонщине» после победы Дмитрия. То, что началось в «Слове», кончилось в «Задонщине». То, что в «Слове» обрушилось на русскую землю, в «Задонщине» обратилось на её врагов.

Итак, начало того исторического периода, с которого русская земля «сидит невесела», автор «Задонщины» относит к битве на Каяле, в которой были разбиты войска Игоря Северского. «Задонщина» повествует, следовательно, о конце этой эпохи «тужи и печали», о начале которой повествует «Слово о полку Игореве». Отсюда преднамеренное противопоставление в «Задонщине» конца началу, битвы на Дону битве на Каяле, победы поражению и преднамеренное сопоставление Каялы с Калкой, половцев с татарами. Отсюда внешнее сходство произведений, пронзающее из исторических воззрений автора «Задонщины», типичных для своего времени. Обращение к стилю «Слова о полку Игореве» входит, следовательно, в самый замысел «Задонщины» как идеологическое освещение тех событий, начало которых автор «Задонщины» видел в битве на Каяле — Калке, — а конец — в битве на Дону. Таким образом, стилистическая близость «Слова о полку Игореве» и «Задонщины» не является результатом творческого бессилия автора «Задонщины» — это вполне сознательный приём: на фоне стилистического единства «Слова» и «Задонщины» ярче и острее должно было казаться самое противопоставление двух событий прошлого и настоящего.

Куликовская битва рассматривается, следовательно, в «Задонщине» как реванш за поражение, понесённое войсками Игоря Северского на р. Каяле, сознательно отождествляемой автором «Задонщины» с р. Калкой, поражение русских на которой в 1224 г. явилось первым этапом завоевания Руси татарами.

III

Эта идея реванша, как и самая идея обращения ко временам национальной независимости, сказавшаяся и в письменности, и в архитектуре, и в живописи, и в политике, имела глубоко народный характер. В этом убеждает русский былевой эпос, где эти же идеи сказались в полной мере.

Есть все основания полагать, что сложение русского былевого эпоса в единый киевский цикл произошло не позднее середины XV века. Хотя основные сюжеты былинных песен о князе Владимире относятся ещё к домонгольским временам (например сюжеты, связанные с Добрыней, исторически засвидетельствованные «Повестью временных лет»), однако присоединение к ним сказаний рязанских, тверских, муромских и ростовских не могло совершиться до объединения этих областей в единое государство. В то же время создание этого цикла явно не могло произойти и после присоединения Новгорода к Москве, так как новгородские былины составили особый цикл, вернее они не вошли ни в какой цикл: новгородские былины остались без того объединяющего лица, которое получи-

ли былины киевские, ростовские, рязанские, сгруппировавшиеся вокруг «старого Владимира». Следовательно, образование киевского цикла не могло произойти и позднее 1479 г.—года воссоединения Новгорода и Москвы.

Косвенное указание на время расцвета русского былевого эпоса и создания киевского цикла былин даёт московский летописный свод Фотия 1423 г., в который были включены отражения различных былин этого цикла. Сюда была внесена вставка о гибели богатырей в Калкской битве: Александра Поповича, слуги его Торопа, Добрыни Рязанича Златого Пояса и с ним семидесяти великих и храбрых богатырей. Здесь же отразились сюжеты былин о Роглае, Удалом, о Яне Усмошвце, о Демьяне Куденевиче и т. д. Здесь нашли своё отражение былины ростовские (под 1216, 1000, 1001, 1004 гг.), переяславские (под 1148 г.), рязанские (под 1132, 1135 гг.) и др.¹

Объединение местных областных сказаний в единый киевский цикл вокруг князя Владимира совершилось в былинах на почве того же культа Киева и его князя Владимира, который заставлял москвичей на рубеже XIV и XV вв. восстанавливать домонгольские здания, реставрировать домонгольскую живопись, подновлять и давать новые редакции произведениям Киевской Руси, возводить генеалогию московских князей к «старому Владимиру» и т. д. Объединение русских былин в единый киевский цикл было, следовательно, вполне аналогич-

но объединению областных летописей в грандиозных московских летописных сводах с киевской «Повестью временных лет». Культ Киева и его князя Владимира был культом национальной независимости и в русской книжности и в фольклоре. Киев и князь Владимир в начале XV в. были символами единства русского народа, символами его независимости. Подобно тому как «Задонщина» была вся проникнута идеей реванша, мести за нанесённые русским поражения, и русские былины, воспевавшие победы русских богатырей над татарами, жили той же идеей мести. Смешение половцев и татар в книжности конца XIV—начала XV в. и в былевом эпосе далеко не случайно: и книжность и фольклор жили в основном единой мыслью в эпоху объединения русских областей и борьбы с татаро-монгольским игмом. Это и даёт основание говорить, что тот подъём русской культуры, когда совершилось в политическое и идейное объединение русской земли, был, по существу, общенациональным.

Явления культурной жизни Руси той поры были во многом синхронны однотипным культурным явлениям Западной Европы, но вместе с тем в этом всеевропейском возрождении русский народ нашёл свои глубоконациональные формы и своё специфически русское содержание. Это содержание, с одинаковой силой сказавшееся и в летописи, и в исторических сказаниях, и в живописи, и в архитектуре, и в фольклоре, позволяет с полным правом назвать эпоху, непосредственно следовавшую за Куликовской битвой, эпохой возрождения русской культуры.

¹ См. Шахматов А. «Общерусские летописные своды XIV и XV веков». «Журнал министерства народного просвещения» за 1901 г., № 9, стр. 73—76.

ГЕРМАНСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ НАКАНУНЕ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1914—1918 ГОДОВ

Проф. Е. Штейнберг

Начало германской экспансии на Ближнем Востоке восходит ещё к 80-м годам XIX века. Прибытие в 1880 г. в Стамбул немецкой военной миссии фон дер Гольца недаром вызвало сенсацию в Европе. Германское военно-политическое влияние в Турции, до этого времени крайне незначительное, чрезвычайно выросло. Турецкая армия, по существу, попала под контроль германского генерального штаба.

Однако ни миссия фон дер Гольца, ни заметная активность германской дипломатии в Турции ещё не являлись началом развёрнутой агрессии Германии на Ближнем Востоке. Скептическое и недоверчивое отношение Бисмарка к колониальной политике хорошо известно. Старый канцлер в последний период своего правления допускал и даже покровительствовал сравнительно мелким колониальным германским предприятиям в Экваториальной Африке или на архипелагах Тихого океана, однако крупная и рискованная авантюра на Ближнем Востоке, способная ввергнуть Германию в войну с Англией или Россией, либо с той и другой одновременно, не соблазняла его.

Когда в 1888 г. Вильгельм II хотел ознаменовать своё вступление на престол демонстративной поездкой по Ближнему Востоку, Бисмарк резко возражал, опасаясь внешнеполитических осложнений. «Но ведь Турция — это мост на пути к германскому мировому господству», — изрёк молодой кайзер одну из своих любимых трескучих фраз. «Такого слова нет в моём лексиконе», — сухо ответил канцлер.

И если Бисмарк всё же поощрял активизацию германской политики в Турции и, в частности, одобрил миссию фон дер Гольца, то главным образом в расчёте на то, что, увеличив свой удельный вес и влияние на Ближнем Востоке, Германия получит новые выгодные средства дипломатического воздействия на своих европейских партнёров.

Но к концу 80-х годов Бисмарк уже явно устарел со своей традиционной континентально-европейской политикой. Молодой германский финансовый капитал не хотел оставаться пассивным свидетелем раздела мира. Лозунги колониальной экспансии и

морских вооружений раздавались всё громче и громче. Милитаристическая лихорадка охватила страну. Среди наиболее притягательных и ценных объектов германской колониальной экспансии едва ли не на первом месте находились страны Ближнего Востока.

В октябре 1888 г. германская финансовая группа, в которой главную роль играли «Дейче банк» и «Вюртембергисше банк», добилась у турецкого правительства концессии на постройку в Анатолии железнодорожной линии от Исмида до Анкары (496 км) и приобретение ранее выстроенной небольшой линии Хайдар-Паша—Исхид. Это был первый участок знаменитой впоследствии Берлин-Багдадской железной дороги.

Опираясь на содействие и покровительство султана Абдул-Гамида, который рассчитывал на Германию как на опору против царской России, Англии и Франции, немцы энергично шли к цели. Один из виднейших заправил анатолийской железнодорожной концессии, директор «Вюртембергисше банк» д-р Альфред Каулла, писал в своём меморандуме от 11 октября 1891 г., что железная дорога, доведённая только до Багдада, будет важным финансовым предприятием. «Иное дело, если дорога будет продолжена от Багдада до Персидского залива и станет, таким образом, новым великим путём в Индию»¹.

Предпринятое в 1898 г. Вильгельмом II с нарочитой пышностью путешествие в Турцию, Сирию, Палестину свидетельствовало о том, что великодержавные мечты германских империалистов отнюдь не являются платоническими. Правда, кайзер балаганно кривлялся, то рядясь в арабские бурнусы и турбаны и распыняясь в своей бескорыстной любви к мусульманским народам, то с увлечением играя роль крестоносца, преемника Фридриха Барбароссы и Готфрида Бульонского. Однако под прикрытием бутафории и фанфаронад делались более серьёзные дела: вскоре после возвращения кайзера было достигнуто соглашение о строительстве железнодорожной линии на Багдад и далее, к побережью Персидского за-

¹ «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette». Bd. 14. Teil 2, S. 445—446.

льва по маршруту Конья — Адана — Рас-эль-Айн — Нисибин — Мосул — Багдад — Баора с ответвлениями на Алеппо и Ханикин.

Разумеется, значение такой концессии выходило далеко за пределы торговых и экономических интересов. Пустынные в то время земли Восточной Анатолии, Месопотамии и особенно побережье Персидского залива едва ли могли рассматриваться как выгодный рынок для германской промышленности. Зато стратегические преимущества для владельца такой железнодорожной магистрали были очевидны.

Так, на рубеже XIX и XX вв. начался знаменитый немецкий *Drang nach Osten*, угрожавший жизненным интересам великих европейских держав.

Немецкая железнодорожная магистраль, прорезавшая Месопотамию и добравшаяся до вод Персидского залива, этого важнейшего участка обороны Индии, была бы револьвером у виска Британской империи. А между тем германская дипломатия имела и более серьезные намерения насчет Персидского залива и Красного моря. В конце 90-х годов в Берлине возникла идея создания в этих водах немецкого порта и угольной станции, — иными словами, германской военно-морской базы, там, где до сих пор безраздельно царил британский флаг. Вначале выбор немцев пал на Маскат (султанат Оман).

В 1899 г. Бюлов передал императору докладную записку некоего обер-лейтенанта Вертера, в которой предлагал заключить с оманским султаном Фейсалом-бин-Тюрки договор о протекторате Германии над его владениями. По проекту Вертера, Германия могла бы взять на себя защиту Омана от других европейских держав, предоставив ему ежегодную субсидию в 20—30 тыс. рупий, наконец снабдить его оружием, взамен чего султан даст немцам в аренду порт на оманском побережье¹.

Однако и Бюлов и тогдашний германский посол в Лондоне граф Гапфельд предостерегали кайзера от увлечения этой, явно нереальной и опасной идеей. Консул в Багдаде Рихарц высказывался в пользу Кувейта², и это предложение встретило весьма сочувственное отношение в высших правительственных кругах и больше всего со стороны Вильгельма II. В декабре 1899 г., по распоряжению императора, в Кувейт была отправлена комиссия, якобы для железнодорожных изысканий, под руководством генерального консула Штемриха и инженера фон Каппа. Немецкие агенты, однако, вели беседы с шейхом Кувейта далеко не только на железнодорожные темы.

Активность немцев проявлялась и в других районах Ближнего Востока. Кайзер соблазнил своего «друга» Абдул-Гамида проектом Геджасской железной дороги для пе-

ревозки паломников к святыням ислама. Одновременно «Дейче банк» и «Общество азиатских железных дорог» вели переговоры с Портой о концессии на сооружение в Йемене железнодорожной линии от побережья Красного моря (Ходейда) в глубь страны (Санаа).

Германские дипломаты делали всё возможное, чтобы рассеять естественно возникшие в России и Англии подозрения и усыпить их бдительность. Подчеркивался «чисто коммерческий» характер германских интересов на Ближнем Востоке, отсутствие у Германии каких-либо политических и военных целей. При этом англичанам делались намеки на то, что рост германского влияния способен лишь ослабить влияние России, а стало быть, принести прямую выгоду Великобритании³. В то же время, давая инструкции германскому послу в Петербурге, Бюлов писал: «Разве России помешает, если в Турции будут зарабатывать деньги немецкие фабриканты, инженеры, купцы, вместо английских, австрийских или французских?»⁴.

Однако такой, например, факт, как поездка германского военного атташе в Турцию майора Моргена в район Эрзерума для инспектирования турецких войск, расквартированных вдоль закавказской границы, явно противоречил успокоительным речам берлинских дипломатов. По этому поводу русский министр иностранных дел Муравьев выразил резкий протест, указав, что такого рода деятельность официального германского военного представителя выходит за рамки чисто коммерческих интересов и плохо вяжется с мирными декларациями германского правительства.

Любопытны собственноручные замечания Вильгельма на полях этих докладов Бюлова. «Так дерзко, — писал кайзер, — взбешенный протестом Муравьева, — мог разговаривать Николай I с Фридрихом-Вильгельмом IV. При мне же с этим покончено. Руки по швам и стоять смиренно, господин Муравьев, когда вы разговариваете с германским императором!»⁵.

Подобные сердитые окрики служили только для внутреннего потребления. До поры до времени германская дипломатия маскировала свои агрессивные намерения и одновременно продолжала играть на противоречиях в лагере своих противников. Видный чиновник германского министерства иностранных дел фон Мюльберг писал «весьма секретно» первому секретарю германского посольства в Лондоне Экарлштейну: «Нам следует таким образом использовать азиатское соперничество Англии и России, чтобы, то отдавая поклон британскому льву, то делая книксен русскому медведю,

¹ «Die Grosse Politik». Bd. 14, Teil 2, S. 453.

² Делегация Бюлова Радолину № 172 от 24 марта 1899 года. «Die Grosse Politik». Bd. 14, Teil 2, № 4000, SS. 533—534.

³ «Die Grosse Politik». Bd. 14, Teil 2, № 4022, SS. 554—555.

¹ «Die Grosse Politik». Bd. 14, Teil 2, № 3996, S. 510.

² Делегация Рихарца канцлеру Гогенлоэ от 10 марта 1899 года. «Die Grosse Politik». Bd. 14, Teil 2, № 4000, S. 514.

дотянуть нашу дорогу до Ковейта на Персидском заливе»¹.

Ещё грубее эта же мысль выражена в одной из собственноручных резолюций кайзера: «Когда британцы и русские погрызутся, мы сможем в качестве третьего радующегося сунуть Багдадскую дорогу в карман»².

Как известно, германские расчёты не осуществились. Интриги кайзеровской агентуры в арабских странах и на Персидском заливе встретили энергичный отпор со стороны Великобритании. Во время свидания кайзера с английским королём Эдуардом VII в Гамбурге в августе 1901 г. немцам был вручён составленный министром иностранных дел Англии лордом Ландедоуном меморандум, касавшийся англо-германских отношений на Дальнем Востоке, в Марокко и на Персидском заливе. По этому последнему вопросу в меморандуме указывалось, что «Англия, имеющая значительные интересы на Персидском заливе, не может безразлично отнестись к каким бы то ни было событиям, способным изменить существующее положение дел или дать другой державе специальные права и привилегии над территорией, принадлежащей шейху Ковейта, с которым правительство его величества имеет определённые соглашения»³.

Несколько позже, в 1903 г., лорд Ландедоун сделал ещё более определённые заявления по этому поводу, указав, что попытка какой-либо державы приобрести базу на Персидском заливе будет означать для Великобритании «casus belli». Это заявление было подкреплено демонстративной поездкой лорда Керзона (тогда вице-короля Индии) на флагманском судне индийской эскадры по портам Персидского залива. Немцам пришлось отступить.

Но увенчались успехом и старания германской дипломатии расколоть силы её противников. Англо-французское соглашение 1904 г., ликвидировавшее соперничество обеих держав в Африке (Египет, Марокко), заложило основы Антанты. Вскоре за этим последовала и хорошо известная англо-русская конвенция 1907 г. о размежевании сфер влияния в Азии. Ставка немцев на непримиримость англо-русских противоречий на Востоке оказалась битой. Вместо англо-русской грызни и англо-французских конфликтов наметилась возможность создания мощной антигерманской коалиции. В самой Турции после младотурецкой революции (1908—1909) позиции германской дипломатии явно ухудшились.

Со времени Мидхат-паши англофильство стало традицией турецких либералов. Для них Англия была страной классического парламентаризма, к тому же английская дипломатия ориентировалась не на султана и его реакционно-клерикальное окружение, а на оппозиционные умеренно-либеральные круги. Новый английский посол в Турции

Джеральд Лоузер в своей речи официально приветствовал турецкую революцию. После аннексии Боснии и Герцеговины австрийцами (1908) во многих турецких городах началась кампания бойкота австрийских товаров. «Можно было и впрямь подумать в эти дни, что австро-германское влияние в Турции мало, чтобы никогда больше не возродиться,— писал Мандельштам, тогда драгоман царского посольства в Константинополе⁴. Но германская дипломатия сумела быстро переориентироваться и завязать связи с руководящими младотурецкими кругами.

Старания немцев оказались небезуспешными. Не последнюю роль здесь сыграло то обстоятельство, что некоторые видные младотурки были тесно связаны с Германией и слыли германофилами. (Махмуд-Шефкет-паша, получивший в Германии военное образование, новый великий визир Хакки-паша, близкий друг германского посла барона Маршала-фон-Биберштейна.) В полном смысле слова своего человека обрели немцы в лице Эввера, одного из самых беспринципных политических авантюристов. В августе 1910 г. в Марленбаде состоялась встреча великого визира Хакки-паши с австро-венгерским министром иностранных дел графом Эренталем, в результате которой был улажен австро-турецкий конфликт. Это была серьёзная победа германской дипломатии и явный провал нового, младотурецкого правительства, молчаливо санкционировавшего таким образом захват Боснии и Герцеговины.

Однако в этот первый период, правления «иттихадистов»⁵ германское влияние ещё не могло считаться окончательно упрочившимся в Турции. Новое турецкое правительство и младотурецкая партия, намечая новый курс внешней политики, были вынуждены считаться с некоторыми серьёзными практическими обстоятельствами и прежде всего учесть катастрофическое состояние турецких финансов. К 1910 г. дефицит турецкого государственного бюджета достиг 10,5 млн. лир. Германский финансовый капитал был в те времена ещё относительно слабым.

Главным финансовым рынком для Турции оставался Париж, и с этим как-никак приходилось считаться новым правителям Турции. Но когда франко-турецкие переговоры по поводу нового займа зашли в тупик, немцы поспешили использовать выгодную ситуацию. Германо-австрийский консорциум, объединивший 39 банков и банковских домов Германии и Австрии, предоставил Турции заём в сумме 7 млн. лир:

Германское влияние давало себя всё больше чувствовать в руководящих государственных учреждениях Турции и осо-

¹ «Die Grosse Politik». Bd. 17, № 5213, S. 375.

² «Die Grosse Politik». Bd. 17, № 5239, S. 411.

³ Ibidem, № 5033, S. 123.

⁴ Mandelstam A. «Le sort de l'Empire Ottoman», p. 58. Paris. 1917.

⁵ Младотурки (от названия младотурецкой партии «Иттихад ве терекки» («Единение и прогресс»)).

бенно в турецкой армии. Ещё накануне младотурецкой революции, в марте 1907 г., султанское правительство заключило договор с германской фирмой «Deutsche Munition und Waffenfabrik» об устройстве в городе Зайтун-Бурну патронного завода. В дальнейшем был заключён ряд контрактов с заводами Круппа на поставку орудий и снарядов и сделаны крупные заказы фирме Шварцкопф на постройку миноносцев для турецкого флота¹. Всё шире и шире практиковались отправка турецких офицеров в Германию и приглашение немецких инструкторов на ответственные посты в турецкой армии. Так, чрезвычайный бюджет турецкого военного министерства на 1909—1910 гг. предусматривал ассигнование 500 тыс. золотых марок на командировку турецких офицеров в Германию². В 1911 г. во главе всей интендантской службы турецкой армии был поставлен германский инструктор.

Уже с конца прошлого столетия пропаганда колониальных захватов приняла в Германии чрезвычайно интенсивный характер, причём ближневосточные проблемы в этой пропаганде занимали всё более значительное место. Особенную активность развила знаменитая «Пангерманская лига» («Alldeutscher Verband»), этот идеологический центр германского разбойничьего империализма. В 1898 г. Лига опубликовала свой манифест под заглавием «Права Германии на турецкое наследство» («Deutschlands Ansprüche an das türkische Erbe»). «Жаль скоро,—говорилось в манифесте,—события приведут к распаду Турецкой империи, никакая другая держава не сможет серьёзно протестовать против того, чтобы Германская империя получила для себя некоторую часть»³.

Виднейший теоретик пангерманизма Фридрих Науман тогда же в своей работе «Азия», написанной в результате путешествия автора в Сирию и Палестину, конкретизировал положения, выдвинутые в манифесте Лиги: «Если немцы хотят поддержать Оттоманскую империю, им следует ввести туда сыгу труда. Это означает помещение капитала в самом широком смысле слова: людей, денег, крестьян, ремесленников, солдат, административных служащих, рельсы, банки, машины... Точно так же как турки поручают обучение своих солдат немецким офицерам, а укрепление своих крепостей — Круппу, они когда-нибудь почувствуют необходимость в методах немецкой администрации»⁴.

В последующие годы пангерманская пропаганда обогатилась целым рядом специальных трактатов, посвящённых политическим задачам германского империализма на Ближ-

нем Востоке (работы Танненберга, Хассе, Эрнста Мека, Риттера, Шефера, Пауля, Рорбаха и др.), в которых агрессивные концепции германской политики на Ближнем Востоке обрели ещё большую конкретность и смелость. Эрнст Иск доказывал, что открытие морского пути в Индию в конце XV в., подорвавшего старинный континентальный путь из Центральной Европы на Восток, привело к упадку Малой Азии и к обнищанию Германии. Дорога Берлин—Багдад должна реставрировать прежнее положение вещей⁵. Вот как грезился грядущий немецкий рай известному пангерманцу Риттеру: «Конфедерация государств Центральной Европы (Mitteleuropa) как держава-протектор Малой Азии с привилегией колонизации страны — вот единственное решение восточного вопроса, выгодное для Германии, Австро-Венгрии и самой Турции»⁶.

Пауль Рорбах, пожалуй, наиболее красноречивый из всей плеяды теоретиков германского империализма, в своей широко известной книге «Немецкая идея в мире» разработал целую систему германской «культурной экспансии» на Ближнем Востоке — «от Средиземного моря до Персидского залива» — путём распространения сети германских школ и «инфильтрации немецкого духа»⁷.

Известный немецкий военный публицист, генерал фон Бернгарди высказывался ещё более определённо. В своих книгах «Германия и предстоящая война» («Deutschland und der nächste Krieg») и «Наше будущее» («Unsere Zukunft») он с фельдфебельской бесцеремонностью утверждает, что осуществить идею колониальной и морской гегемонии Германии невозможно без войны с Англией. По мнению Бернгарди, избежать войны можно будет только в том случае, если Англия покинет своих континентальных союзников, если она предоставит Германии полную свободу рук на морях и в колониях, если она «не будет препятствовать австрийской экспансии на Балканском полуострове и германской политике в Малой Азии, развитию германского флота и приобретению угольных станций»⁸.

Хотя германская угроза была своевременно осознана и в Лондоне и в Петербурге, но англо-русское соглашение 1907 г. ещё не являлось прочным и длительным союзом: англо-русские противоречия продолжали существовать, и германская дипломатия пыталась использовать их, чтобы разъединить силы своих естественных противников.

¹ Ernst Yaekel, «Deutschland im Orient nach dem Balkan-Kriege», 1913, SS. 13—14.

² Ritter «Berlin—Bagdad», S. 64.

³ Andler Ch. Op. cit., p. 386.

⁴ Barker Ellis J. Autocratic and democratic Germany. «Nineteenth century and after». Vol. LXXV, Februar 1914, p. 259.

¹ «Вооружённые силы Турции». Секретный обзор Главного управления Генерального штаба, стр. 144. СПб. 1912.

² Там же, стр. 177.

³ Andler Ch. «Collection des documents sur le pangermanisme». Vol. III, p. 156. Paris. 1915—1917.

⁴ Ibidem, p. 192—193.

И погедамское соглашение 1911 г. и англо-германские переговоры, тянувшиеся почти вплоть до войны 1914 г., означали, что маневры немцев не всегда были бесплодны. Да и в самой Турции германским агентам удалось при помощи демагогии о «мирном проникновении» усыпить бдительность и даже залучить в свои сети многих легковерных и недалёковидных турецких политических деятелей.

В январе 1913 г. очередной путч в Стамбуле привёл к власти пресловутый «триумvirат» (Энвер, Талаат, Джемаль), беспринципную клику, которая как нельзя более подходила для осуществления планов германского империализма. Немцы искусно использовали характерные свойства неудачливого «турецкого Наполеона» — Энвера: его непомерное честолюбие, авантюризм. Они охотно поощряли пантюркистские и панисламистские бредни Энвера и его сподвижников. Союз с Германией в глазах новых турецких правителей был наиболее верным средством для реализации их собственных великодержавных планов.

С этих пор германский империализм прочно завоевал командные позиции в Турецкой империи. Фактическим закулисным хозяином в стране становится германский посол, барон фон Вангенгейм. Пока ещё декорум по отношению к Англии и Франции соблюдался. Английский адмирал Лимнус ещё сохранял руководство турецким флотом.

Осенью 1913 г., по окончании балканской войны, министр финансов Джавид возобновил переговоры с Парижем о займе и официально заявил в интервью, напечатанном в газете «Стамбул»: «Мы можем ориентироваться на Францию и только на Фран-

цию»¹. Джемаль отправился во Францию с дружественным визитом.

Запирывание младотурецких диктаторов с Францией и Англией в этот период имело своей целью выиграть время, необходимое для того, чтобы Турция могла оправиться от последствий двух предыдущих неудачных войн (итало-турецкой и балканской) и сделать необходимые приготовления. Некоторую роль в этих дипломатических энгагах играли и надежды на заключение нового займа в Париже.

Но, разумеется, не вся младотурецкая партия разделяла прогерманскую позицию «триумvirата». Чем больше увязала Турция в тенетах немецких империалистов, тем сильнее охватывала тревога широкие круги турецкого общества. В рядах партии «Единение и прогресс» крепла оппозиция, к которой примыкали некоторые видные младотурецкие деятели.

В ноябре 1913 г. в Стамбул прибыла знаменитая германская военная миссия генерала Лиман фон Сандерса. Это уже была открытая демонстрация подчинения Турции немцам. Лиман фон Сандерс официально был назначен лишь командиром одного из турецких корпусов, однако фактически он взял в свои руки верховное командование всей турецкой армией. Вскоре английский адмирал Лимнус получил отставку и турецкий флот перешёл под контроль германского адмирала Сушона.

Оставалось только зафиксировать создавшееся положение вещей, закрепить формальным союзным договором. Такой договор и был заключён в конце июля 1914 г., буквально за несколько дней до начала войны.

¹ Mandelstam A. Op. cit., p. 70

В. И. ЛЕНИН В САМАРЕ

(Экстернат и адвокатура)

Проф. Б. Волин

I. Экстернат

В начале мая 1889 г. молодой Ленин со всей семьей переехал из Казани на постоянное жительство в Самарскую губернию. Не успел Ленин поселиться на хуторе Алакаевском, что под Самарой в 50 верстах, как 5 мая 1889 г. казанский полицеймейстер известил Самару о выезде туда из Казани Владимира Ильича¹. И уездный самарский исправник отметил на полях этого донесения: «Записать в книгу поднадзорных»².

Вынеси заключение из всех прежних неудачных попыток вернуться в университет, что царское правительство решило его, поднадзорного, безусловно не допустить туда вновь, Владимир Ильич начал добиваться разрешения сдать экзамены за весь университетский курс экстерном.

28 октября 1889 г.³ Ленин направил в министерство просвещения следующее, полное достоинства мотивированное прошение: «Его сиятельству Господину министру народного просвещения бывшего студента императорского Казанского университета Владимира Ульянова. Прошение. В течение двух лет, прошедших по окончании мною курса гимназии, я имел полную возможность убедиться в громадной трудности, если не невозможности, найти занятие человеку, не получившему специального образования. Ввиду этого я крайне нуждаюсь в каком-либо занятии, которое дало бы мне возможность поддержать своим трудом семью, состоящую из престарелой матери и малолетнего брата и сестры, имею честь покорнейше просить Ваше сиятельство разрешить мне держать экзамен на кандидата юридических наук экстерном при каком-либо высшем учебном заведении. Бывший студент императорского Казанского университета Владимир Ульянов. г. Самара, октября 18 дня 1889 г. Воскресенская улица, д. Катанова»⁴.

На этом прошении молодого Ильича «его сиятельство» министр Делянов написал «резолуцию»: «Спросить о нём попечителя и департамент полиции, он скверный человек. Департамент полиции уже вероятно знает, что он делает на своей стороне»⁵.

Да, Ленин, действительно, был опасным человеком для всей романовской шайки — для царей Александра III и Николая II.

На запрос зубров от просвещения о политической благонадёжности В. И. Ульянова ответил полицейский зубр Дурново. Он сообщил, что «во время жительства в Казани Ульянов замечался в сношениях с лицами политически неблагонадёжными, из которых некоторые привлечены ныне к дознанию по обвинению в государственном преступлении»⁶.

Департамент полиции имел в виду марксистские кружки Н. Е. Федосеева в Казани, активным участником которых был Владимир Ильич. Вспоминая об этом казанском периоде, Ленин в статье о Федосееве писал, в связи с арестом Федосеева и кружка, в котором Владимир Ильич принимал участие: «Думаю, что легко мог бы также быть арестован, если бы остался тем летом в Казани»⁷.

Прошение Владимира Ильича о допуске «его» к государственным экзаменам в качестве экстерна встретило со стороны «властей предержащих» такое же отношение, как и все предыдущие. 10 декабря 1889 г. было сообщено в самарское городское полицейское управление «для вручения бывшему студенту Казанского университета Владимиру Ульянову, жительствоющему в г. Самаре по Воскресенской ул., в д. Катанова», что в ответ на его ходатайство о разрешении ему держать экзамен на кандидатские права в одном из высших учебных заведений «г. министр невозволил изложенное ходатайство просителя отклонить»⁸.

¹ Архив ИМЭЛ, № 25933. Дело казанского губернатора № 10, 1888.

² Архив ИМЭЛ, № 26058.

³ Эта дата, как и все последующие, по старому стилю.

⁴ Архив ИМЭЛ, № 26161.

⁵ Неполный департамент просвещения, № 175117/4752.

⁶ Архив ИМЭЛ, № 25929.

⁷ Ленин. Соч. Т. XXVII, стр. 376.

⁸ Архив ИМЭЛ, № 26161.

Прошло более полугода со времени подачи заявления Владимиром Ильичом. И мать Ленина—Мария Александровна—решила лично отправиться в Петербург. 17 мая 1890 г. Мария Александровна Ульянова подала мотивированное прошение министру¹, на которое на этот раз министр 19 мая 1890 г. «положил» — разрешить держать экзамен по предметам юридического факультета в испытательной комиссии при одном из университетов, управляемых уставом 1884 года. Формальное разрешение было направлено в Самарское полицейское управление «для вручения вдове д. с. с. Марии Ульяновой»².

В. И. Ленин воспользовался полученным наконец разрешением. По получении в Самаре этого документа Владимир Ильич 12 июня 1890 г. направил в министерство прошение, где, ссылаясь на данное министром разрешение, просил допустить его к сдаче экзаменов в испытательной комиссии при императорском С.-Петербургском университете³.

В министерстве, видимо, произошли колебания. Царские чиновники боялись подпустить Ленина к Петербургскому университету, хотя бы и в качестве держащего государственные экзамены экстерном. И первоначально на этом прошении Владимира Ильича была сделана надпись: «Пусть лучше держит в Казани». Затем, очевидно, в министерстве решили, что бывшего студента Казанского университета Владимира Ульянова опаснее всего подпустить именно к Казанскому университету. Поэтому вторая, окончательная резолюция на прошении гласила: «Доложено 18 июля. Приказано объявить просителю, что с настоящею просьбой должно обратиться к председателю испытательной комиссии».

В соответствии с этой резолюцией департамент министерства народного просвещения направил 23 июля 1890 г. за № 11915 Владимиру Ильичу извещение, в котором говорилось: «От департамента народного просвещения на прошение дворянина Владимира Ульянова о разрешении ему сдавать в испытательной комиссии, состоящей при Императорском СПб университете окончательные экзамены по предметам юридического факультета, которые дозволено ему держать в качестве экстерна, — сим по приказанию его сиятельства, Г. Упр. М., объявляется просителю, что с таковым ходатайством надлежит ему обратиться к председателю вышеупомянутой комиссии». — «В самарское городское полицейское управление, для вручения дворянину Владимиру Ульянову по местожительству, в г. Самаре, на углу Почтовой и Сокольничьей ул., д. Рытикова».

С получением этого разрешения Владимир Ильич начал настойчиво и серьезно готовиться к государственным экзаменам будущего, 1891 года.

В конце августа 1890 г. Владимир Ильич выехал в Петербург для выяснения усло-

вий и объема предстоявших экзаменов. Самарский губернатор и начальник губернского жандармского управления систематически и неустанно следил за каждым шагом, за всеми передвижениями, Ленина. Так, пристав 3-й части г. Самары, где жили Ульяновы, рапортовал полицеймейстеру, что В. И. Ульянов, по объяснениям его сестры А. И. Ульяновой, выбыл в Петербург, где должен пробыть не менее трёх месяцев⁴.

Путь из Самары в Петербург надо было в то время проделать водой вверх по Волге до Казани, а оттуда — по железной дороге до Петербурга. Владимир Ильич сделал 6-дневную остановку в Казани — от 26 августа до 1 сентября. 29 августа 1890 г. казанский полицеймейстер рапортовал своему губернатору о том, что Владимир Ильич прибыл в Казань и остановился в «Симбирских номерах» и что за ним учрежден негласный полицейский надзор. В связи с отъездом Ленина из Казани в Петербург казанские полицейские ищейки напутали, и среди них поднялся страшный переполох. 4 сентября полицеймейстер сообщил губернатору, что В. И. Ульянов выехал «обратно в Симбирск». Казанский губернатор немедленно известил об этом своего симбирского «коллегу». Там, в Симбирске, начались ожидания и поиски Владимира Ильича. А так как он туда прибыть никак не мог, то симбирский губернатор 27 октября 1890 г. с тревогой телеграфировал казанскому губернатору, что «В. И. Ульянов до сих пор в Симбирск не прибыл». Казанский губернатор 3 октября с пристрастием допрашивал своего полицеймейстера, куда же Ульянов действительно выехал. В ответе, в конце концов, оказался пристав той части, где находились «Симбирские номера». А Ильич между тем прибыл в Петербург, где пробыл сентябрь и октябрь.

Так как Ленин долго не возвращался в Самару, то местные власти стали сильно беспокоиться. Прежде всего забеспокоился начальник губернского жандармского управления и запросил 5 ноября, где В. И. Ульянов. Губернатор самарский в свою очередь стал интересоваться, вернулся ли Ульянов в Самару. На все эти беспокойные запросы пристав 17 ноября рапортом сообщил, что Ульянов прибыл в Самару и проживает в доме Рытикова, на углу Почтовой и Сокольничьей улиц⁵.

По возвращении в Самару Владимир Ильич наряду с глубокой работой над Марксом, над экономической и исторической литературой, над писанием рефератов и чтением их в самарских кружках молодежи начал настойчиво заниматься юридическими науками, серьезно готовясь к предстоявшим весной 1891 г. экзаменам.

Хотя Владимир Ильич, находясь в ссылке в Кокушкине, Казанской губ., куда он был сослан после исключения из университета, систематически занимался некоторыми предметами университетского курса юри-

¹ Архив ИМЭЛ, № 26112.

² Там же, № 26047.

³ Там же, № 26046.

⁴ См. Архив ИМЭЛ, д. № 26058.

⁵ См. там же.

дических наук, он только со времени получения разрешения на экзамен и особенно после приезда из Петербурга стал с величайшим напряжением работать над учебниками и лекциями всего курса юридического факультета Петербургского университета.

Двадцатилетнему Ленину предстояло в короткий срок пройти весь курс университета вне стен его. Это была нелёгкая задача. Прежде всего при прохождении в испытательную комиссию надо было приложить домашнее письменное сочинение по уголовному праву¹ и кроме того в испытательной комиссии написать письменный ответ на заданную на экзамене тему. Затем сдать экзамены по догме римского права, истории римского права, гражданскому праву и судопроизводству, торговому праву и судопроизводству, уголовному праву и судопроизводству, истории русского права, церковному праву, государственному праву, международному праву, полицейскому праву, политической экономии, статистике, финансовому праву, энциклопедии права и истории философии права.

Для всего этого надо было серьёзно проработать уйму литературы. Среди учебников и материалов, требовавшихся к экзаменам, особенно известны были лекции проф. Ефимова по истории римского права, лекции и исследования проф. Сергеевича и «Русские юридические древности» по истории русского права, «Начала русского государственного права» проф. Градовского, «Пособия к лекциям по политической экономии» проф. Георгиевского, «Курс политической экономии» проф. Вредена, «Теория статистики» проф. Янсона, лекции по общей теории права проф. Коркунова, «История политических учений» проф. Б. Чичерина, по энциклопедии права, «Система римского права» проф. Андреевского, «Из курса лекций по гражданскому праву» проф. Дювернуа, «Лекции по гражданскому судопроизводству» проф. Адамовича, «Учебник русского судопроизводства» проф. Гольмстена, «Курс торгового права» проф. Шершеневича, «Уголовное право» проф. Кнетьковского и «Русское уголовное право» проф. Сергеевича, «Курс уголовного судопроизводства» проф. Фойницкого, «Церковное право» проф. Суворова, «Современное международное право цивилизованных народов» проф. Мартенса, «Полицейское право» проф. Андреевского и «Финансовое право» проф. Лебедева.

Всю эту литературу Владимир Ильич изучал в течение осени 1890 г., зимы, весны и лета 1891 года.

Анна Ильинична Ульянова-Елизарова рассказывает в своих «Воспоминаниях об Ильиче», как Ленин работал в тот период над своей подготовкой к экзаменам. «Тогда многие удивлялись, — пишет она, — что, будучи исключённым из университета, он в какой-нибудь год, без всякой посторон-

ней помощи, не сдавая никаких курсовых и полукурсовых испытаний, подготовился так хорошо, что сдал вместе со своим курсом. Кроме прекрасных способностей Владимиру Ильичу помогла в этом большая трудоспособность». К этому замечанию Анны Ильиничны надо прибавить ещё одно обстоятельство, которое оказало решающее влияние на результаты экзаменов: это — то, что к весне 1891 г. Владимир Ильич уже глубоко усвоил основные произведения основоположников марксизма, прекрасно знал историю, экономику и литературу России, вобрал в себя и критически переработал многое из культурного наследия прошлого. Зимой в Самаре, а летом в небольшом хуторе Алакаевке, в 50 верстах от Самары, работал без усталости Владимир Ильич. В Алакаевке, рассказывает Анна Ильинична, он устроил себе уединённый кабинет в густой липовой аллее. «Туда уходил он, нагружённый книгами, после утреннего чая с такой точностью, как будто его ожидал строгий учитель, и там в полном уединении проводил всё время до обеда, до 3 часов. Никто из нас не ходил в ту аллею, чтобы не мешать ему. Кончая с учёбой в утренние часы, он после обеда уходил в тот же уголок с книгой по общественным вопросам; так, помню, читал по-немецки Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». А потом погуляет, выкупается, и после вечернего чая... опять Володина голова склонена над книгой». «В северо-западном углу сада, — вспоминает брат Ильича, Дмитрий Ильич Ульянов, — был «Володин уголок» — деревянный столик и скамья, укрепленные в земле; этот уголок был весь в зелени, и солнце почти не заглядывало туда. Около столика Володя очень скоро протоптал дорожку в 10—15 шагов, по которой часто ходил, обдумывая прочитанное»².

Ранней весной Владимир Ильич выехал в Петербург к экзаменам и 26 марта 1891 г. направил в испытательную комиссию следующее прошение: «Его превосходительству господину председателю Испытательной юридической комиссии при императорском Санкт-Петербургском университете дворянина Владимира Ильича Ульянова. Прошение. Представляя при сем фотографическую карточку, свидетельство из департамента министерства народного просвещения о разрешении мне его сиятельством господином министром народного просвещения держать в качестве экстерна окончательные по предметам юридического факультета экзамены в испытательной комиссии, и квитанцию университетского казначейства о вносе 20 рублей в пользу испытательной комиссии и требуемое правилами сочинение по уголовному праву, имею честь покорнейше просить ваше превосходительство о допущении меня к испытаниям в юридической комиссии. Дворянин Владимир Ильич Ульянов, С.-Петербург. Марта 26 дня 1891 г.»³.

¹ Эта письменная работа, приготовленная В. И. Лениным и приложенная при прошении от 26 марта 1891 г., до сих пор не найдена.

² См. Д. И. и М. И. Ульяновы «О Ленине», стр. 28. М. 1934.

³ Архив ИМЭЛ, № 26047.

В. И. Ленин был допущен к испытаниям. Состав испытательной юридической комиссии в 1891 г., экзаменовавшей Владимира Ильича, был следующий: председатель — декан юридического факультета проф. истории русского права В. И. Сергеевич, члены комиссии: проф. Дювернуа — гражданское право, проф. Фойншкнй — уголовное право, проф. Мартенс — международное право, проф. Ефимов — римское право, проф. Горчаков — церковное право, проф. Лебедев — финансовое право. Специалисты-экзаминаторы: государственное право — проф. Коркунов, полицейское право — проф. Ведов, гражданское и торговое право — проф. Адамович и проф. Гольмстен, энциклопедия и история финансового права — проф. Бершадский, политическая экономия — проф. Георгиевский, статистика — проф. Янсон¹.

Экзамены проходили в малом конференц-зале Академии наук. Были устроены две экзаменационные сессии: весенняя (с 4 апреля по 24 апреля) и осенняя (с 16 сентября по 9 ноября). Экзамены производились по билетам.

Дело № 26128 архива ИМЭЛ, хранящее в себе все материалы и документы испытательной юридической комиссии за 1891 г., даёт богатый материал, живо иллюстрирующий содержание и ход экзаменов, которые сдавал Владимир Ильич.

В весеннюю сессию Ленин экзаменовался по семи предметам: истории русского права, государственному праву, политической экономии, статистике, энциклопедии права, истории философии права и истории римского права.

По истории русского права в экзаменационном листе против фамилии «В. Ульянов» записано экзаминатором: «Несвободные». Это означало², что Владимиру Ильичу надо было развить тему о положении холопов-обельных Русской Правды и холопов полных докладных и кабальных московского времени. По государственному праву стояла экзаменаторская запись: «Сословные учреждения». Здесь речь должна была идти про историю дворянских установлений, губернские и уездные дворянские собрания, предводителей дворянства, про дворянские депутатские собрания, наконец, вопрос имел в виду и крестьянское «самоуправление», т. е. о сельских обществах, о волости, об уездных и губернских по крестьянским делам присутствиях и пр. По политической экономии Владимир Ильич отвечал на вопрос о разных формах заработной платы (по натуральной, денежной, повременной и штучной). По статистике Ленин должен был рассказать о бельгийском статистике Кетле, основателе современной математической статистики, авторе таких трудов, как «Социальная физика», «Антропометрия» и пр. По энциклопедии права и по истории философии права в билете, взятом Владимиром Ильичем, значилось «Платон — законы», по истории римского права Ленин отвечал на тему «*Edicta magistratum*» (ис-

тория преторских эдиктов). По всем предметам, сдавным Владимиром Ильичом в весеннюю сессию, он получил от комиссии высшую отметку — «весьма удовлетворительно», — равнозначащую нынешней нашей оценке «отлично» (в высших учебных заведениях России существовали три отметки: «Весьма удовлетворительно», «удовлетворительно» и «плохо»).

Во время сдачи экзаменов в весеннюю сессию Владимир Ильич пережил новое, после смерти в 1886 г. отца и после казни в 1887 г. Александра Ильича, личное горе: умерла от брюшного тифа в Петербурге учившаяся там на Высших женских курсах его младшая сестра Ольга, очень талантливый человек (её конспекты по «Капиталу» Маркса хранятся в 1-м зале Музея Ленина). Когда Ольга Ильичична заболела, Ленин отвёз её в больницу и затем выехал в Петербург мать. После смерти сестры он вместе с матерью 17 мая выехал в Самару³.

Всё лето 1891 г. Владимир Ильич прожил на хуторе при деревне Алакиевке, где наряду с обычной напряжённой теоретической работой занимался дальнейшей подготовкой к предстоящим осенним экзаменам⁴.

Для сдачи остальной части экзаменов Ленин в сентябре снова выехал в Петербург. В эту, осеннюю сессию Владимир Ильич сдал письменный экзамен и экзаменовался по уголовному праву, по догме римского права, по гражданскому праву и судопроизводству, по полицейскому праву, по финансовому праву, по церковному праву и по международному праву.

Билет по уголовному праву гласил: «Защита. Кража документов». Программа требовала от экзаменуемого «умения отчётливо определять состав отдельных преступлений по русскому законодательству». По догме римского права Владимир Ильич отвечал на тему «Дарение. Недозволенные действия. Время». В тему «Время» входило определение влияния времени на происхождение и прекращение прав, исчисление времени и разные виды давности. По гражданскому праву и судопроизводству в билете стояло: «Исполнение. Купля-продажа. Поставка», по торговому праву — «Торговые книги». Программа по этой дисциплине и торговому праву требовала знания русского гражданского права, русского гражданского кодекса, вексельного права, устройства общих и торговых судебных учреждений Российской империи и пр. По полицейскому праву Владимир Ильич отвечал на тему «Наука полиции и её содержание». Программа при этом требовала от него знания «устройства и функций по русскому законодательству различных органов госу-

³ Там же, № 26058. Секретное отношение нач. самарского жандармского управления самарскому полицеймейстеру от 28 мая за № 280.

⁴ Там же, № 26004. «Ведомость о переменах, происшедших в 1891 г. в положении лиц, состоящих под надзором полиции в Самарском уезде».

¹ Архив ИМЭЛ, № 26128.

² См. «Красную летопись» № 1, 1925.

дарственной деятельности». В билете по финансовому праву стоял «Бюджет». Одной из наиболее трудных дисциплин, как по существу, так и по экзаменатору, считалось церковное право. Да и билет, который взял Владимир Ильич, оказался также одним из наиболее неприятных — «История русского законодательства». Вообще по этому вопросу требовалось знание истории организации церкви от ранних веков христианства до истории русской православной церкви включительно. Что же касается темы билета, то надо было рассказать о юридическом положении церкви в России, об устройстве других, неправославных церквей в Российской империи. Наконец, по международному праву темой ответа Владимира Ильича было «Право нейтралитета» (об основных началах нейтралитета, о правах и обязанностях нейтральных стран, о военной контрибуции, о блокаде и пр.).

Как и в весеннюю сессию, Владимир Ильич по всем предметам, а также по письменному сочинению получил высший балл — «весьма удовлетворительно».

Анализ экзаменационных листов испытательной юридической комиссии при Петербургском университете обнаруживает следующее: всего в 1891 г. сдавали государственные экзамены в качестве экстернов 33 человека. Из этого числа удостоилось дипломов только 27 человек, из них дипломов 1-й степени — 8 человек. Определением испытательной комиссии от 15 ноября 1891 г. Владимир Ильич Ульянов был удостоен диплома 1-й степени. Для получения такого диплома требовалось иметь не все, а большинство отметок «весьма удовлетворительно». Это требование и выполнили 7 человек, получивших дипломы 1-й степени (так например экстерн Голенецкий Вл. получил диплом 1-й степени, хотя он имел по домашнему сочинению и письменному ответу, по церковному праву, государственному праву, международному праву, финансовому праву и по энциклопедии права только «удовлетворительно»). И лишь Владимир Ильич, единственный из всех, получивших отличные дипломы, получил по всем предметам, в том числе и по письменным, круглое «весьма удовлетворительно»¹.

22 ноября 1891 г. испытательная комиссия при императорском С.-Петербургском университете выдала Ленину за № 205 следующее свидетельство: «Предъявитель сего, Владимир Ульянов, по призванию своему в Юридической испытательной комиссии при означенном университете испытанию, признан имеющим право на диплом первой степени, каковой ему будет вручен по изготовлению, в удостоверение чего выдано Владимиру Ульянову это свидетельство для предоставления».

А 14 января 1892 г. Владимиру Ильичу был вручен и подлинный диплом².

Во время осенних экзаменов 1891 г. Владимир Ильич имел в Петербурге встречи с рядом марксистов. Известно дополнительно, что в это время Ленин познакомился с преподавателем Технологического института Явейном, у которого он получал разную марксистскую литературу на немецком и русском языках. Также названа германской социал-демократии, как теоретический журнал «Die Neue Zeit» и еженедельник «Für soziale Gesetzgebung und Statistik». Владимир Ильич привёз с собой в Самару.

11 ноября Владимир Ильич Ленин выехал из Петербурга в Самару. Полицейское «ведомственное око», не прекращало следить за ним. 15 ноября 1891 г. пристав 3-й части Самары сообщил в рапорте самарскому полицеймейстеру, что Владимир Ильич прибыл в Самару³.

II. Адвокатура

Свой диплом 1-й степени, давший ему право заниматься юридической практикой и предоставлявший ему известные условия легального существования, Владимир Ильич получил в Самаре в середине января 1892 года. Естественно, что Ленин сейчас же приступил к оформлению своего положения.

Родные Ленина в своих воспоминаниях указывают, что диплом, а затем и юридическая практика нужны были в тот период Владимиру Ильичу не только затем, чтобы отвлечь внимание царских охранников от его революционной деятельности, но также и в интересах материальных. Небольшого Алакаевского хутора и вдовьей пенсии Марьи Александровны не хватало на жизнь всей семьи Ульяновых.

Эти обстоятельства и заставили Владимира Ильича торопиться со своим оформлением, т. е. с припиской, как это тогда требовалось законом, к одному из присяжных поверенных в качестве «помощника присяжного поверенного».

В Самаре в этот период жил крупный присяжный поверенный саратовской судебной палаты — Андрей Николаевич Хардин. Альба Ильичична Елизарова говорит о Хардине как о видном представителе тогдашнего либерального общества в Самаре, человеке очень умном, которого Владимир Ильич высоко ценил. Об этом Хардине Ленин ещё слышал и знал по отзывам друзей, когда с семьёй жил в Казани. Ильич им тогда интересовался как видным шахматистом. Он из Казани даже переписывался с ним, разыгрывая заочную шахматную партию. По приезде в Самару Ленин лично познакомился с Хардиным. «Владимир Ильич», — пишет в своих воспоминаниях Дмитрий Ильич Ульянов, — любил бывать у Хардина — первое время больше из-за шахмат, а потом, когда он сдал экзамен по юридическому факультету и записался у Хардина помощником присяжного поверен-

¹ Архив ИМЭЛ, № 26163. Юридическая испытательная комиссия при СПб Университете. (Список экзаменовавшихся.) 1891 г.

² Там же, № 26004 (в деле хранится подлинник).

³ Там же, № 26058.

ного, их связывали также общие дела судебного характера»¹.

В архивах ИМЭЛ хранится за № 26030 довольно большое «дело самарского окружного суда по столу председателя о зачислении дворянина Владимира Ильича Ульянова помощником присяжного поверенного округа саратовской судебной палаты А. Н. Хардина». Ряд документов этого дела освещает обстоятельства приписки Владимира Ильича к присяжному поверенному Хардину и начала его судебной практики.

На рапорт присяжного поверенного А. Н. Хардина в самарский окружной суд с просьбой о зачислении Владимира Ильича Ульянова к нему в помощники присяжного поверенного суд 30 января 1892 г. записал: «В общем собрании отделений сего суда постановлено: по ст. 354 Суд. Уст. рапорт сей принять к сведению».

После этого вскоре Владимир Ильич стал выступать перед судом в качестве защитника (первое его выступление было 5 марта 1892 г.).

Этим зачислением в помощники присяжного поверенного Владимир Ильич получил возможность выступать перед судом по делам уголовным без ограничения. Но, чтобы выступать также без ограничения и по делам гражданским, надо было от окружного суда получить особое, связанное с известными формальностями постановление.

В связи с этим Владимир Ильич 28 февраля 1892 г. направил в окружной суд собственноручно им написанное прошение следующего содержания: «В Самарский окружной суд, Помощника присяжного поверенного при Самарском окружном суде Владимира Ильича Ульянова, живущего в г. Самаре по Сокольниковой улице в доме Рыжикова.— Имею честь просить самарский окружной суд выдать мне свидетельство на право быть поверенным. При сем, согласно требования статьи 4065 учреждения судебных установлений (издание 1883 года) удостоверяю, что для получения мною права быть поверенным нет ни одного из препятствий, означенных в статье 246 устава гражданского судопроизводства.— Помощник присяжного поверенного Владимир Ульянов. Самара, февраля 28 дня 1892 года»².

На этом прошении написано: «Справка. Ульянов. Состоит помощником присяжного поверенного при г. Хардине с 30 января сего 1892 года. Сведений о нравственных качествах Ульянова в деле не имеется».

Эта справка означала, что самарский окружной суд требовал от Владимира Ильича представления свидетельства о политической благонадёжности, которого он к прошению не приложил, да и приложить не мог. Поэтому Владимир Ильич в дополнении к первому своему заявлению сообщает

11 июня 1892 г. в окружной суд, что свидетельство о благонадёжности не может быть им представлено по следующим причинам: начальство императорского С.-Петербургского университета, от коего он имеет аттестат об окончании курса, не может выдать ему удостоверение о благонадёжности, потому что он не состоял студентом этого университета и держал экзамен в Испытательной юридической комиссии при этом университете в качестве экстерна с разрешения его сиятельства господина министра народного просвещения, состоявшегося в мае 1890 года. Что же касается удостоверения его благонадёжности со стороны полиции, то департамент полиции не выдаёт такого рода удостоверения по просьбам частных лиц, а только по запросам присутственных мест. На основании вышеизложенного Владимир Ильич просит председателя самарского окружного суда самому запросить директора департамента полиции о пенении с его стороны препятствий к выдаче ему свидетельства на право быть поверенным»³.

18 июня это прошение было отослано в Петербург в департамент полиции с запросом самарского окружного суда о политической благонадёжности Владимира Ильича. На этот запрос суда департамент полиции 4 июля 1892 г. сообщил, что «к выдаче дворянину Вл. Ил. Ульянову свидетельства на право ходатайства по делам препятствий со стороны департамента не встречается». Только после этого самарский окружной суд 23 июля 1892 г. постановил «выдать Ульянову просимое свидетельство, о чём опубликовать в «Губернских ведомостях» и донести г. министру юстиции». Это постановление действительно было опубликовано в № 50 «Самарских губернских ведомостей» от 5 августа 1892 года.

В начале января 1893 года, по ходатайству В. И. Ленина о возобновлении на 1893 год права на ведение дел, ему было выдано следующее свидетельство на 1893 г. № 82: «Согласно состоявшемуся седьмого января сего 1893 года постановления Общего собрания отделения Самарского Окружного Суда, выдано сие свидетельство сим судом Помощнику Присяжного Поверенного, дворянину Владимиру Ильичу Ульянову в том, что ему, Ульянову, на основании 406 ст. Учрежд. Суд. Уст. изд. по прод. 1886 года и 1104, 1110 и 1111 ст. II, ч. I. Учрежд. Общ. Суд. мест, изд. 1876 года разрешается ходатайствовать по чужим судебным делам в Самарском окружном суде в течение настоящего 1893 года»⁴.

С марта 1892 г. Владимир Ильич наряду с напряжённой теоретической марксистской работой, наряду с руководством марксистскими кружками самарской молодёжи, изучением хода экономического развития России, составлением и чтением рефератов, направленных главным образом на борьбу с народниками, борьбой за утверждение

¹ Д. И. и М. И. Ульяновы «О Ленине», стр. 38.

² Там же. Дело самарского окружного суда по столу председателя о зачислении В. И. Ульянова помощником присяжного поверенного к А. Н. Хардину.

³ Там же.

⁴ Там же, № 26030.

марксистских идей, активным участием в нелегальных социал-демократических кружках (см. анкету делегата X съезда партии) начинает выступать в качестве защитника в ряде дел уголовного отделения самарского окружного суда.

Некоторые материалы из юридической практики В. И. Ленина были в своё время опубликованы, но не в полном виде, без необходимых ссылок на архивные данные, хранящиеся в ИМЭЛ, а в некоторых случаях и неправильно. Внимательный анализ соответствующих архивных дел ИМЭЛ, содержащих подлинники, писанные рукой Ленина, и другие материалы, даёт следующее:

Владимир Ильич выступал в 1892 г. двенадцать раз защитником по уголовным делам. Первый раз он выступил 5 марта и в последний раз — 17 декабря. Подзащитные Ленина были преимущественно крестьяне-бедняки, за год до того перенесшие страшный голод, постигший всё Поволжье.

Первое дело было о крестьянине, портном по профессии, Муленкове, который обвинялся в богохульстве¹. В протоколах допроса, а затем и в обвинительном заключении говорилось, что Муленков «ругал поматерно бога, богородицу, святую троицу, затем государя императора и его наследника, говоря, что государь неправильно распоряжается». В протоколе судебного разбирательства, которое началось 5 марта в 3 час. 30 мин., записано, что «защитником подсудимого был помощник присяжного поверенного Ульянов, избранный самим подсудимым». В этой протокольной записи, как и в большинстве последующих записей, составленных от руки секретарём, обычно кратко отмечается: «Товарищ прокурора сказал обвинительную речь, а защитник — защитительную». Содержание речи не приводится. Следует думать, что защитительная речь Владимира Ильича произвела впечатление как на присяжных заседателей, так и на состав суда, ибо подзащитный Владимира Ильича — Муленков, обвинявшийся в таких серьёзных по тогдашним временам преступлениях, — был приговорён судом всего к одному году тюрьмы.

Второе дело, в котором 11 марта 1892 г. пришлось выступать перед судом Владимиру Ильичу, было дело по обвинению в краже крестьянина Опарина и отставного рядового Сахарова. Владимир Ильич защищал обвиняемых по их выбору. Началось дело в 12 час. 10 мин. и кончилось в 1 час. 25 минут. Присяжные заседатели признали обвиняемых виновными. Тогда, отмечает протокольная запись, «защитник просил о назначении наказания по 5 степени той же статьи», т. е. Владимир Ильич просил о назначении минимального наказания. Суд, как это видно из его постановления, согласился с просьбой Ильича и назначил подсудимым наказание по 5-й степени статьи².

Третье дело, которое вёл Владимир Ильич 16 апреля 1892 г., представляет, как

и первое, значительный интерес. Как известно, в 1891 г. Россию вообще и особенно Поволжье поразил страшный голод. Даже для видевшего всякие виды русского крестьянства этот страшный год был исключительноным. И вот дело, в котором защитником пришлось выступить Владимиру Ильичу, явилось отголоском голодного 1891 года. Обвинялись бедняки-крестьяне Уждин, Зайцев и Красильников в покушении на кражу хлеба из амбара местного кулака Копьякова. Они ничего не успели украсть, так как тут же были схвачены. В протоколах многочисленных допросов говорится, что Уждин показал, что «положительно есть нечего и взять негде, а между тем — семья и кормить её нужно», и что Зайцев показал, что «разговаривали о голоде, о том, что работы нет и хлеба достать негде».

Владимир Ильич защищал подсудимых по назначению суда. В протокольной записи говорится, что прокурор требовал наказания по 2-й степени 32-й статьи Уложения о наказаниях. «Защитник подсудимого, — говорится в протоколе, — ходатайствовал о понижении наказания». Суд удовлетворил требование прокурора, но, как говорится в протоколе, «в низшей мере». Буржуазно-помещичий суд, перед которым предстали голодные бедняки-крестьяне, приговорил их к лишению всех прав и состоянию и к арестантским ротам сроком на 3 года³.

В этот же день, 16 апреля, Владимир Ильич выступал и по четвёртому делу. Это было дело о самарском крестьянине Муленкове, который впал в полную нищету и обвинялся в нескольких мелких кражах. Дело об этом бедняке тянулось около двух лет до того, как оно попало в суд. Владимир Ильич произнёс защитительную речь, и сословные присяжные заседатели признали Муленкова по всем кражам, за исключением одной, невиновным. Всё разбирательство продолжалось с 12 час. 45 мин. до 3 час. 10 минут⁴.

Через два дня, 18 апреля 1892 г., Владимир Ильич выступал в уголовном отделении самарского окружного суда в пятый раз. Обвинялись в краже снова бедняки — вапачной рядовой Тишкин и крестьянин Зорин. Всё судопроизводство продолжалось 1 час 20 мин. — с 11 час. 30 мин. до 12 час. 50 минут⁵.

5 июня Владимир Ильич выступал в шестой раз — с защитой крестьянина Бамбурова. «Защитник произнёс защитительную речь». Товарищ прокурора требовал приговора 5-й степени 31-й статьи Уложения о наказаниях. Владимир Ильич просил приговорить к подзащитному 3-ю степень 33-й статьи.

В следующем, седьмом по порядку, деле Владимир Ильич выступал 19 июня 1892 года. Он защищал на этот раз целую группу бедняков-крестьян: Чипова, 48 лет, двух братьев Куклеевых — Ивана, 21 года, и Николая, 13 лет, — и Лаврова, 33 лет. Все

¹ Архив ИМЭЛ, № 25956.

² Там же, № 25957.

³ Там же, № 25958.

¹ Архив ИМЭЛ, № 25952.

² См. ИМЭЛ, № 25954.

они содержались в тюрьме начиная с июня 1889 г., т. е. 3 года, по обвинению в краже. После того как прокурор заявил, что он «полагает бы назначить наказание по 31 ст. Уложения о наказаниях», защитник ходатайствовал о «смягчении наказания». Только один малолетний паршишка был оправдан. Всё судопроизводство продолжалось 5 час. — с 10 час. утра до 3 час. дня¹.

Летом Владимир Ильич не выступал защитником в уголовном отделении самарского окружного суда. В донесении пристава 3-й части города Самары полицеймейстеру от 30 июля 1892 г. сообщалось, что Владимир Ильич 25 июля выбыл в Алакаевку. 30-го же сентября начальник самарского губернского жандармского управления предложил самарскому полицеймейстеру в связи с тем, что Ленин вернулся из Алакаевки в Самару, снова учредить за ним негласный надзор².

Возобновил свои выступления Владимир Ильич в качестве защитника 15 сентября. Это было восьмое дело. Слушалось дело о симбирском мещанине Гусеве, который обвинялся в истязании своей жены. Протокольная запись судебного разбирательства на этот раз не так скупа. В ней сообщается, что «председательствующий спросил частную обвинительницу, какому наказанию желает она подвергнуть подсудимого, частная обвинительница (т. е. жена) просила наказать подсудимого по закону. Защитник ничего не заявил». Это значит, что Владимир Ильич, выяснив по ходу судебного разбирательства несомненную виновность Гусева, отказался просить суд о смягчении ему наказания³.

Через два дня, 17 сентября, Владимир Ильич выступил защитником по делу прусского подданного рабочего Садлоха и «солдатского сына» Степана Репина (13 лет), обвинявшихся в краже. После защитительной речи Владимира Ильича «солдатский сын» Репин был оправдан.

Между этим делом и следующим, десятым, произошёл более чем месячный перерыв. Владимир Ильич, видимо, выезжал в это время из Самары и через некоторое время вернулся. Это подтверждается полицейским документом, в котором самарский губернатор 12 октября предупреждал полицеймейстера о том, что Ленин прибыл в Самару, и предложил «учредить за ним негласный надзор»⁴.

26 октября 1892 г. Владимир Ильич вновь выступил защитником в заседании уголовного отделения самарского окружного суда. Его подзащитными была группа крестьян и мещан, и он выступал по их выбору. Дело продолжалось с 2 час. 30 мин. до 6 час. 30 минут.

Следующее предпоследнее, дело, в котором в 1892 г. защитником являлся Владимир Ильич, должно было слушаться 19 ноября 1892 года. Но стороны примирились, и дело было ликвидировано.

Двенадцатый и последний раз в 1892 г. Владимир Ильич выступал 17 декабря с защитой отставного прапорщика Языкова, начальника станции Безеичук, Оренбургской железной дороги, который обвинялся в небрежном отношении к своим обязанностям (столкновение порожних вагонов, двинувшихся под влиянием сильного порыва ветра, с тележкой, при чём один из ехавших в ней был при столкновении убит). Началось разбирательство дела в 11 час. и закончилось в 2 часа дня. В отклике от всех предыдущих дел, в протокольной записи по этому делу имеется более или менее подробное изложение защитительной речи Владимира Ильича.

Прокурор требовал наказания по второй части ст. 1085 Уложения о наказаниях. «Защитник подсудимого в своей речи доказывал, что деяние подсудимого Языкова под действие 2-й части ст. 1085 Уложения не может быть подведено, так как во 2-й части ст. 1085 Уложения предусмотрены случаи неосторожности и небрежности лиц, не исполнивших своих прямых обязанностей... Защитник просил в случае невозможного полного оправдания подсудимого Языкова избрать для него наказание по 3-й части 1085 статьи Уложения и именно не арест или тюрьму, а денежное взыскание». Суд согласился с выступлением Владимира Ильича и приговорил Языкова по 3-й части 1085-й ст. Уложения к штрафу в 100 рублей.

Это дело было последним, по которому Владимир Ильич выступал защитником в уголовном отделении самарского окружного суда. Оно было последним не только для 1892 г., но, видимо, и для 1893 года. По крайней мере никаких следов других дел до сих пор не найдено. Владимир Ильич, видимо, собирался и в 1893 г. продолжать свою практику защитника, но о его дальнейших выступлениях ничего больше до сих пор неизвестно.

С 1893 г. Владимир Ильич начинает вести и гражданские дела. До сих пор ничего достоверного об этом не было известно. Сейчас из дела, имеющегося в архивах ИМЭЛ за № 25978, совершенно очевидно, что такие дела Ленин вёл и очень успешно. Приёмычный поверенный Хардин, по воспоминаниям родных Ильича, очень высоко ценил широкий кругозор, находчивость, диалектику своего юного помощника, изучившего все тонкости юриспруденции. (Это было как раз время, когда Владимир Ильич работал над своей первой большой статьёй — «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни».)

В этом сохранившемся деле самарского окружного суда по гражданскому отделению имеется ряд заявлений, написанных рукой Ленина. Называется это дело «По иску крестьянина Степана Ивановича Марченкова к мелекеской посадской управе и погуществу умершей жены запасного солдата Анастасии Кирилловны Головиной, по первому мужу Марченковой, о признании за истцом права собственности на усадебную землю. Владимир Ильич выступал в каче-

¹ Архив ИМЭЛ, № 25959.

² Там же, № 26058.

³ Там же, № 25953.

⁴ Там же, № 26058.

стве поверенного крестьянина деревни Чувашского Мелекесса, Ставропольского уезда, Самарской губернии, Антона Палалеева. В заявлении в суд на двух с половиной листах большого формата, рукой Ленина написанном, он подробно мотивирует суть дела и необходимость отказа пестцу Марченкову. Это заявление Владимира Ильича датировано 13 марта 1893 года¹. 24 апреля 1893 г. Владимир Ильич, ввиду задержек с рассмотрением этого гражданского дела, обратился в самарский окружной суд со следующим прошением: «На основании ст. 320 у. г. с. имею честь просить Самарский Окружной Суд назначить заседание для рассмотрения настоящего дела (находящегося в производстве 3 стола № 239—1892 г.). Самара, 24 апреля 1893 года. Помощник прис. повер. В. Ульянов». Резолюцией самарского окружного суда по гражданскому отделению от 18 мая 1893 г. суд согласился с мотивировкой и предложениями Владимира Ильича². Никаких больше данных о судебной практике Владимира Ильича в Самаре нет.

Ленин проводил последние месяцы в Самаре. Все его огромные знания в области марксизма и умение применять его основы к конкретной русской действительности дали ему возможность уже в Самаре формулировать свои гениальные мысли, изложенные им вскоре в работе о «друзьях народа» и в его реферате «К вопросу о рынках». Ленин явился в Петербург.

Владимир Ильич, в интересах создания некоей видной формальной легальности для предстоявшей ему активной революционной деятельности, решил и в Петербурге продолжать свою практику защитника. Поэтому перед отъездом своим из Самары 16 августа 1893 г. он обратился с письменной просьбой к председателю самарского окружного суда, чтобы суд ввиду намерения его, Ульянова, «перечислиться в помощники присяжного поверенного в округе с.-петербургской судебной палаты», выдал удостоверение, что он состоит помощником присяжного поверенного при самарском окружном суде и что он в 1892 и 1893 гг. получал свидетельство на право ведения чужих дел. Такое удостоверение ему было выдано. 17 августа 1893 г. Ленин выехал из Самары в Петербург³.

Владимир Ильич прибыл в Петербург

31 августа (эта дата явствует из секретного сообщения с.-петербургского градоначальника в департамент полиции)⁴. Видимо, вскоре же по приезде он начал хлопоты о зачислении его в помощники присяжного поверенного петербургской судебной палаты. Спустя полтора месяца по приезде Ильича в Петербург, Совет присяжных поверенных при с.-петербургской судебной палате выдал Ленину за № 2329 свидетельство следующего содержания: «Это свидетельство дано окончившему курс юридических наук Владимиру Ильичу Ульянову, православного вероисповедания, в том, что он с 3 сентября 1893 г. числится в списке помощников присяжных поверенных и ныне состоит помощником присяжного поверенного М. Ф. Волькенштейна».

В деле министра юстиции за № 10079 за 1893 г. в листе «Списки помощников присяжных поверенных за 1893 год» значится: «Ульянов, Владимир Ильич, окончил курс юридических наук (записая) у М. Ф. Волькенштейна 3 сентября 1893 г. в С.-Петербурге»⁵.

По свидетельству Анны Ильичны Елизаровой, Владимир Ильич несколько раз будто бы выступал защитником по назначению и в Петербурге. Но документальных данных об этом не сохранилось. Все дела сгорели при пожаре петербургского окружного суда в февральскую революцию 1917 года. Всё же, видимо, память не изменяет Анне Ильичне. Так, в письмах к своей матери — Марии Александровне — от 5 октября и 5 декабря 1895 г. (последнее за 5 дней до ареста Ленина по делу «Союза борьбы за освобождение рабочего класса») Владимир Ильич сообщает в первом письме о произведённых им предварительных расходах по одному судебному делу, «которое, может быть, буду вести», а в другом письме (от 5 декабря 1895 г.) он писал о том, что Д. А. Ардашев (его двоюродный брат по матери), ему «предлагает взять дело об утверждении в правах наследства его родственника, но пока мы ещё не вполне согласимся»⁶.

Весь свой петербургский период — с сентября 1893 по декабрь 1895 г. (вплоть до своего ареста) — Владимир Ильич жил легально как помощник присяжного поверенного. Это звание и деятельность защитника являлись прикрытием напряжённой революционной деятельности В. И. Ленина по работе среди петербургских марксистов и рабочих, по организации им петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

¹ Архив ИМЭЛ, № 25978.

² Там же, № 25978.

³ Архив ИМЭЛ, № 25921. Сообщение нач. самарского жандармского Управления в Департамент полиции.

⁴ Там же, т. № 25929.

⁵ Там же, № 26042.

⁶ Ленин В. Письма к родным (1894—1919), стр. 11—12. Партиздат, 1934.

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ XVI—XVII ВВ.

(Обзор материалов русских архивов)

Е. Кушева

Изучение истории Северного Кавказа осложнено состоянием источников и прежде всего скудостью местных письменных источников. Северокавказские народы в до-революционное время либо совсем не знали письменности либо очень мало пользовались ею. Поэтому до сих пор в русской и западной исторической литературе лучше изучена древняя история Северного Кавказа, для которой возможно привлечение археологических материалов, известных классических и арабских писателей, а для Дагестана кроме того — местного исторического труда — Дербент-намэ — и XIX век с его обилием легко доступных русских архивных документов и описательной литературы на русском и европейских языках, обогащённой наблюдениями советских этнографов и лингвистов. XVIII век изучен значительно слабее XIX.

Едва ли не одним из самых тёмных периодов в истории Северного Кавказа остаются XV—XVII века. Описания западно-европейских путешественников¹, несмотря на всю их ценность, не восполняют недостатка местных источников, так как они передают впечатления иностранцев от чуждой им по языку и культуре страны, не давая связной канвы событий. Среди восточных источников видное место занимают различные рода официальные и полуофициальные хроники и позднейшие их своды, составившиеся в государствах, которые соприкасались с Северным Кавказом или были заинтересованы в северокавказских делах. Однако персидские, турецкие, крымские, грузинские хроники, как и труды восточных путешественников XV—XVII вв.², далеко не все изданы, а из изданных не все переведены на европейские языки и доступны лишь востоковедам. Не изданы и не изучены и фирманы персидских шахов владельцам Дагестана, которые хранятся в архивах Дагестанской АССР.

С половины XVI в. в круг государств, заинтересованных в северокавказских отношениях, вступает Московское государство. В архивах Московского государства, затем империи XVIII в. накопилось огромное количество документов о сношениях

с Кавказом. Документы эти частью уже известны по публикациям дореволюционным, а также и по публикациям советского времени. Из них наиболее компактной для истории Северного Кавказа является вышедшая ещё в 1888 г. публикация С. Белокурова «Сношения России с Кавказом». Вып. I-й. 1568—1613. Материалы, извлечённые из Московского главного архива Министерства иностранных дел³, ценнейшие сведения которого ещё ни в какой степени не исчерпаны исследователями. Но все появившиеся до сих пор публикации очень отрывочны, не дают возможности систематически изучать отдельные вопросы истории северокавказских народов и не могут служить материалом для источниковедческого изучения документов.

Северокавказские дела находились в ведении двух московских приказов: Посольского, ведавшего сношениями с иностранными государствами, и приказа Казанского дворца, которому были подведомственны Астрахань и Терский город в устье Терека — ближайшие в это время к Северному Кавказу русские города. Архив приказа Казанского дворца, уничтоженный московскими пожарами, не дошёл до нас. Архив Посольского приказа и продолжающий его архив Коллегии иностранных дел со-

1924). Cambridge. 1924; и 2-е издание под заглавием «A literary history of Persia». Vol. IV. Cambridge. 1930; Storey G. A. «Persian literature a bibliographical survey». Sect. II. Fasc. 1—2. London. 1935—1936. Babinger «Die Geschichtsschreiber der Osmanen und ihre Werke». Leipzig. 1927; Bröckelmann «Die Geschichte der arabischen Literatur», II. Berlin. 1902; и дополнительный том изд. 1937 г.; «Обзор источников по истории Азербайджана». Вып. II; Меликсет-Бекоев Л. «Источники грузинские». Баку. 1939. И. Петрушевский «Иранские источники по истории Азербайджана XVI—XVII вв.». «Известия Азербайджанского филиала Академии наук СССР» № 8 за 1942 год.

³ «Чтения Московского общества истории и древностей российских» за 1888 г., кн. III и отд. М. 1889. Необходимым дополнением к ней для 1603—1606 гг. служит ещё совсем не вошедшая в научный оборот публикация Н. Рождественского «Акты времени Лжедмитрия I (1603—1606). Дела греческие, ногайские, крымские, грузинские и кабардинские». «Чтения Московского общества истории и древностей российских». 1918, кн. I.

¹ См. обзоры: М. Полиевктон «Европейские путешественники XIII—XVIII вв. по Кавказу». Тифлис. 1935; предисловие Шефера к изданию «Du Mans. Etat de la Perse en 1660». Paris. 1890, а также дореволюционные и советские библиографии по истории народов Северного Кавказа.

² Основные справочники, кроме Энциклопедии Ислама в трёх её изданиях: на французском, английском и немецком языках, — следующие: Browne E. «A history of Persian literature in modern times (1500—

хранились¹, и в их документах историк находит обильный материал. Его пополняют хранящиеся в так называемом Астраханском фонде Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР архивы астраханской приказной избы и астраханской таможни. Судьба архивов Терского города — приказной избы и таможни — неясна. В литературе есть указания на то, что они вошли в состав Астраханского фонда², но здесь, повидимому, недоразумение, вызванное тем, что среди документов астраханских архивов сохранилась переписка астраханских учреждений с терскими.

Первые известия о посольствах от северокавказских владельцев в Москву относятся к царствованию Грозного. После завоевания Казани и Астрахани и возникновения на Тереке русского Терского города послы с Северного Кавказа появлялись в Москве постоянно³. Дела о северокавказских посольствах сохранились в фонде Посольского приказа с 80-х годов XVI в. — до 1613 г. лишь в отрывках, с 1613 г. (на котором обрывается публикация Белокурова) — сплошной массой⁴. Составленные в XVII в. четы-

ре последовательные описи архива Посольского приказа⁵ объединяли их в одну рубрику под общим и далеко не точным названием «столпов черкасских». При разборе архива в конце XVIII — начале XIX в. Н. Бантыш-Каменским и его сотрудниками «черкасские столпы» были разбиты на четыре серии: дела Кабардинские, Кумыцкие, Кайтацкие и Андреевской деревни⁶. Однако классификация была произведена настолько несовершенно, что сейчас она не только не облегчает, а даже затрудняет ориентировку в материале. Изучение описей и самих дел позволяет восстановить их первоначальный состав и нарушенную во многих случаях цельность.

Дела о посольствах, отражая с исключительной, подчас утомительной подробностью все этапы пребывания послов в Московском государстве и всю официальную сторону их приёмов и отпусков царём, дают достаточно материала и для изучения существа сложившихся между Москвой и северокавказскими владельцами отношений. Цели посольств выяснялись привезёнными послами грамотами и челобитными⁷ и при переговорах их с посольскими дьяками, происходивших нередко в особо секретной обстановке («втай»). Ответные царские грамоты и тексты шертных записей⁸ оформляли отношения зависимости, с одной стороны, и покровительства — с другой. Подробные указы астраханским и терским воеводам, составлявшиеся после отъезда посла, определяли политику Москвы по отношению к тому или иному владельцу на ближайшее время.

Однако дела о посольствах северокавказских владельцев далеко не исчерпывают сохранившихся в составе фонда Посольского приказа материалов о Северном Кавказе. Те же описи XVII в. показывают, что в результате очень обильной переписки Посольского приказа с Астраханью и Терским городом в архиве приказа за каждый год отлагалось два особых столбца — «столп астраханской» и «столп терской», — иногда объединённые в один «столп астраханской и терской такого-то году». При разборе архива Бантыш-Каменским «астраханские столпы» обычно относились в рубрику Ногайских дел, а «терские» — Кабардинских; в составе этих и некоторых других серий (например за 1616 г. — Грузинской, за 1626 г. — Персидской) они и могут быть обнаружены в настоящее время путём систематического просмотра, почти за все годы XVII века. Астрахань и особенно Терский город, как пограничный, находились в постоянных, можно сказать повседневных, сношениях с кавказскими владельцами; их воеводы должны были быть в курсе всех местных отношений и событий и связанных с ними инте-

¹ Теперь в Центральном архиве древних актов (ЦАДА). См. справочные издания: Московский главный архив министерства иностранных дел. М. 1898: «Les archives principales de Moscou du Ministère des affaires étrangères». М. 1898.

² О разборе старинных архивов в Ставропольской губ. Кавказ». 1848. №№ 14 и 16. Иконников В. «Опыт русской историографии». Т. I. Вып. 1-й, стр. 556—559. Собриневский А. «Кн. Воронцов и наши архивы». «Труды Ставропольской учёной архивной комиссии». Т. I. 1910—1912.

³ В XVI в. на Северном Кавказе бывали и ответные посольства из Москвы, но дела о них не сохранились. В XVII в. посольства с Северного Кавказа уже не вызывали ответных московских посольств ввиду оформившихся отношений зависимости ряда северокавказских владельцев от Москвы. Для сношений с ними Московское правительство чаще всего пользовалось местными терскими или астраханскими служилыми людьми.

⁴ Приходо-расходные книги фонда Казённого двора приказа Большого дворца (ЦАДА), регистрировавшие в связи с затратами на подарки все посольства, позволяют установить их списки за XVII в. и проверить полноту посольских дел.

⁵ ЦАДА. Архивские переписные книги № 1 (1614 г.), № 2 (1626 г.), № 3 (1532 г.), № 4 (1673 г.). Для времени Грозного см. так называемую опись царского архива XVI в. в А. А. Э. Т. I, № 289.

⁶ О сношениях с владельцами Кабарды, шамхалом, уцмлем кайтацким и другими владельцами Северного Кавказа, в том числе Эндери. Лишь Кабардинские дела заходят в XVI век. Кумыцкие начинаются с 1614 г., Кайтацкие и Андреевские — с 30-х годов XVII века. В составе фонда XVIII в. уже Иностранной Коллегии находим ещё несколько северокавказских серий — дела Осетинские, Аксайские, Англинской деревни.

⁷ Они сохранились частью только в переводах, частью в подлинниках или подлинными в дела о посольствах или в особых рубриках: грамоты Кабардинские, грамоты Кумыцкие и т. д., — которые в их настоящем виде сняты-таки страшают проведение в конце XVIII—начале XIX в. работу по систематизации фонда.

⁸ Шертъ (с арабск.) — условие, договор.

росов и действий соседних держав. Обо всём этом оповещали Посольский приказ астраханские и терские «отписки», по каждому вопросу отдельно, согласно инструкции приказа, предписывавшей «писать отписки порознь о всяких делах, про Ногай себе, а про шаха с турским себе, а про крымского себе, а про кабардинских себе, а про кумыцких себе, а в одну отписку всех вестей не мешать». Так же писались и ответные грамоты Посольского приказа, передававшие, как и пометы на отписках, принятые в центре решения по тому или иному вопросу. Все исходившие из Посольского приказа документы сохранились в черновых отписках, поправки которых отражают тщательную редакторскую работу дьяков над текстом. По богатству поступавших из года в год, из месяца в месяц известий астраханские и терские столбцы Посольского приказа исключительно ценны¹. Пробелы, вызванные гибелью или плохой сохранностью дел за некоторые годы, могут быть в значительной части восполнены документами Астраханского фонда: здесь находим ту же переписку астраханских воевод с Посольским приказом, дополненную их перепиской с Терским городом, с Казанским приказом, архив которого, как упоминалось, не сохранился, и документами астраханской таможни, отражающими в некоторой части и торговые отношения Терского города².

Некоторые категории документов и материалов рассмотренных фондов имеют особое значение для изучения народов Северного Кавказа. Каждое посольство от северокавказских владельцев вело в подарок московскому царю по несколько коней. Уже по осмотру их в Терском городе воеводы сообщали в Москву об их количестве и приметах, тщательно копируя в своих отписках стоявшие на лошадях тавры — тамги. Они нередко воспроизводились второй раз в астраханских отписках, иногда в третий раз — при передаче коней из Посольского в Конюшенный приказ. Таким образом документы Посольского приказа позволяют составить коллекцию тамг дагестанских и кабардинских владельцев на одно—два столетия древнее зарисовок Гильденштедта³. При сравнении с родовыми знаками эпиграфических памятников сарматского периода⁴ такая коллекция может служить ма-

¹ Ни одна из вышедших до настоящего времени публикаций дел Посольского приказа по Кавказу и восточным отношениям Московского государства не учитывала отмеченных особенностей фонда.

² Часть документов Астраханского фонда напечатана в Актах исторических и Дополнениях к ним как документы, извлечённые из архива астраханского губернского правления; печатались документы Астраханской приказной избы и в «Астраханских Губернских ведомостях».

³ G ü l d e n s t ä d t J. «Reisen durch Russland und im Kaukasischen Gebürge». SPB. 1787—1791.

⁴ Сводные сведения об их изданиях в книге М i n n s E. «Scythians and Greeks». 1913.

териалом для проверки лингвистических гипотезий акад. Джавахишвили, доказывающего тождество сарматских имён с алыгейскими⁵.

Ещё больший интерес представляют документы, исходившие от местных владельцев и писанные на восточных — тюркских и персидском — языках. Даже тогда, когда они сохранились не в подлинниках, а лишь в современных — XVI—XVII вв. — русских переводах, они не теряют своего значения местных источников. Но систематический просмотр фонда Посольского приказа обнаруживает и подлинники — около двух десятков «листов» кумыцких владельцев Дагестана XVII в. и большое количество кабардинских. Чаще всего это грамоты и челобитные владельцев, адресованные в Москву, иногда местным воеводам — астраханским и терским. Но попадаются документы и иного характера, вроде переписки эндерейского владельца с ногайскими мурзами⁶. Подлинные кумыцкие и кабардинские грамоты XVII в., до сих пор совершенно неизвестные и не введённые в научный оборот, требуют специального изучения не только по содержанию, но и с лингвистической и палеографической сторон. Особо можно упомянуть об отпечатках печатей на грамотах, всегда привлекавших внимание московских дьяков как материал для выяснения зависимого или самостоятельного положения владельца печати. Прибавлю, что ещё не обследованные историками фонды некоторых русских учреждений XVIII в. содержат такого рода документы сотнями⁷.

Уже перечисленные фонды и их разделы выводят историка Северного Кавказа из круга чисто местных событий, давая представление о сложности скрещивавшихся здесь влияний и интересов. Для изучения вопроса о значении Северного Кавказа в международных отношениях XVI—XVII вв. необходимо привлечь и документы диплома-

⁵ Д ж а в а х и ш в и л и И., акад. «Основные историко-этнологические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи». «Вестник древней истории» № 4(9) за 1939 год.

⁶ ЦАДА, фонд Посольского приказа. Ногайские дела за 1635 г. № 1, л. 73.

⁷ Обзор архивных материалов по Северному Кавказу XVIII в. не входит в задачи настоящей статьи. Назову здесь лишь несколько центральных фондов, особенно богатых документами местного северокавказского происхождения. Кроме продолжающих фонд Посольского приказа дел Коллегии иностранных дел такими являются фонды секретного повытья Военной коллегии (см. Опись дел секретного повытья Московского отделения общего архива Главного штаба. М. 1890) и фонд кн. Потёмкина-Таврического (см. Каталог Московского отделения общего архива Главного штаба. Вып. 3-й. СПб. 1892) — оба в Военно-историческом архиве.

тических сношений Москвы с Персией, Турцией, Крымом, ногаями и Грузией, сохранившиеся в составе соответствующих обширных серий фонда Посольского приказа¹. Каждая из них была использована в той или иной степени для отдельных и систематических публикаций, но самое обилие материала повело к тому, что ни одно из появившихся изданий не является сколько-нибудь исчерпывающим по хронологическому охвату, а иногда и по полноте изданных документов².

Документы дипломатических сношений Москвы с восточными странами, особенно «статейные списки», т. е. отчёты русских послов, имеют тем большее значение, что они не находят себе параллелей в архивах Иранского и Турецкого государств XVI—XVII вв. с иной системой делопроизводства³. Архив крымских ханов, как известно, погуб⁴.

Приведённый краткий обзор архивных фондов уже намечил перспективы работ по истории Северного Кавказа, которые могут быть при их привлечении выполнены. Скажу о них несколько подробнее.

Документы Посольского приказа и астраханских учреждений содержат огромное количество современных известий об относящихся к Северному Кавказу фактах и лицах. Их систематическое изучение даст возможность восстановить канву событий, известных до сих пор лишь в обрывках, устранить хронологическую путаницу и прямые ошибки. Примером могут служить поправки к фактической истории Дагестана.

¹ Крымская и ногайская серии восходят к последней четверти XV в., турецкая — к началу XVI в., персидская и грузинская начинаются 80-ми годами XVI века.

² Для библиографических справок см. указатель «Материалы для библиографии по истории народов СССР». Лгр. 1933, не свободный, впрочем, от пропусков. Критический обзор, преимущественно с точки зрения востоковеда, в статье Н. Веселовского; Погрешности и ошибки при издании документов по сношениям русских государей с азиатскими владельцами. «Живая старина». 1909 г., вып. 2-й—3-й. Полнее других известна грузинская серия благодаря публикациям и источниковедческим экскурсам М. Полневкова. Для изучения северокавказских отношений имеют значение и «Донские дела» Посольского приказа, изданные систематически с 1594 по 1663 г. в «Русской исторической библиотеке» (тт. XVIII, XXIV, XXVI, XXIX, XXXIV).

³ Бартольд В. Хранение документов в государствах мусульманского Востока. «История архивного дела классической древности в Западной Европе и на мусульманском Востоке». Пгр. 1920; Jorga N. «Geschichte des Osmanischen Reiches». Bd. III, S. VI. Gotha. 1910.

⁴ Маяковский И. «Очерки по истории архивного дела в СССР». Ч. 1-я, стр. 207—209. М. 1941.

которая для XVI—XVII вв. излагается обычно по двум поздним компиляциям — «Гюлистан-Ирем» и «Асари-Дагестан»⁵. По-новому можно ставить изучение северокавказского фольклора — исторических преданий и песен. — вскрывая их историческую основу⁶. Исключительно богаты документы сведениями историко-географического характера: работа по определению и географическому приурочению названий населённых пунктов, племён, владений, выяснению путей сообщения позволит заполнить белые места на карте Северного Кавказа XVI—XVII веков⁷. Правда, сведения эти неравномерны: они обильнее по тем областям Северного Кавказа, связи с которыми Москвы и её местных представителей были особенно тесными, — по Кабарде и праморскому Дагестану. Но временами эти связи протягивались до западной окраины Северного Кавказа или углублялись в районы «горских земель» и «крепей». Так, русским служилым людям были довольно хорошо известны районы Чечни и Ингушии, частью по посольским путешествиям в Закавказье, частью по военным экспедициям в горы, частью по сношениям с платившими в Терский город «медяный ясак» горскими племенами; названия их, известные по описаниям XIX в. и сохранившиеся до сих пор, прослеживаются по терским отпоякам вглубь до XVI в.: «Мерези» (Мередж); «Калки» (Галга); «Акоз», «Окохи» (Ако); «Ероханские люди» (Джерях); «Мулки» (Молкх); «Мичкизы» (Мичкич); «Шибуты» (Шубут) и т. д. Совместной задачей историков и археологов является выяснение тогдашних мест поселения этих племён путём перекрёстного изучения документальных известий и археологических памятников⁸.

⁵ Бакиханов «Гюлистан-Ирем». Баку. 1926. Алкадар Гасан Эфенди «Асари-Дагестан». «Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа». Вып. 46-й отд. Махач-Кала. 1929.

⁶ Их наиболее ранние записи в книге адыте по происхождению Шары Бекмурзина Ногмова: «История адыгейского народа, составленная по преданиям» в «Кавказском календаре» за 1862 г. и отд. Тифлис. 1861. Использование приведённых в ней текстов песен требует предварительного критического изучения приёмов автора. Так, характеристика одного из кабардинских князей текстуально совпадает с летописной характеристикой князя Святослава в изложении Карамзина. Позднейшие записи см., например, у Лопатинского в «Сборнике материалов для описания местностей и племён Кавказа» Т. XII.

⁷ См. экскурсии такого характера по делам Грузинской серии в брошюре М. Полиевктова «Экономические и политические разведки Московского государства XVII в. на Кавказе». Тифлис. 1932.

⁸ Отмечу, что в работах специалиста по истории и археологии Ингушии Е. Кюшнова документальные сведения XVI—XVII вв., хотя бы в хронологических рамках публикации С. Белокурова, обойдены.

Документы русских архивных фондов дают материал и для углублённого изучения крупных вопросов истории Северного Кавказа. Остановлюсь на двух из них — на вопросе о развитии феодальных отношений на Северном Кавказе и на вопросе о значении Северного Кавказа в международных отношениях XVI—XVII веков.

Вопрос о развитии феодальных отношений у северокавказских народов имеет не только местный, но и общий — социологический и сравнительно исторический — интерес. Он уже поставлен в работах советских историков, преимущественно для приморского Дагестана, Кабарды и Осетии¹, в истории которых XVI—XVII вв. определяются как ранние стадии развития феодализма. Но недостаток современных документальных данных часто заставляет исследователя идти ретроспективным путём, исходя из данных XIX в. для характеристики более ранних эпох. Русские архивные фонды и заключающиеся в них документы на восточных языках дают возможность конкретного изучения владений Дагестана и Кабарды на протяжении XVI—XIX вв., с их чрезвычайно устойчивыми, замедлившими развитие пережитками патриархально-родовых отношений (для других областей Северного Кавказа сведения далеко не так подробны).

В XVI—XVII вв. наиболее крупным политическим образованием Дагестана было владение шамхалов. Документы Посольского приказа, как русские, так и кумыкские, отчётливо отражают происходивший здесь процесс распада — закрепления ряда «юртов» (уделов, по терминологии русских документов) за родственными между собою линиями кумыкских мурз, сначала в форме общего владения братьев и их детей без раздела, с подчинением старшему, эволюционирующего в XVIII—XIX вв. в семейное владение с наследованием по прямой линии. К концу XVI в. в «Кумыкской земле» (терминология кумыкских грамот) сложилось 9 таких «юртов», будущих ханств. Они возглавлялись шамхалом. Достоинство это в XVIII—XIX вв. не без влияния русской администрации передавалось по наследству по прямой линии в семье тарковских владельцев. В XVI—XVII вв. это достоинство присваивалось одному из старших в роде кумыкских владельцев, кото-

рый выбирался на съездах владельцев и их лучших узденей. Аналогичные явления можно наблюдать и в Аварии, и в Кайтаке, и особенно подробно в примыкавшей к кумыкским владениям на западе Кабарде, население которой находилось в условиях не полной ещё осёдлости.

Отношения старших владельцев — шамхалов в Кумыкской земле, нуцалов в Аварии, уцмиев в Кайтаке, вали в Кабарде — к владельцам «юртов» складывались на основе «одиначества» (по терминологии русских документов), т. е. на основе феодального договорного права. Процесс дробления сопровождался ожесточённой внутренней борьбой между владельцами, осложнявшейся сохранившимися обычаями родовой местности. Особое внимание Москвы и терских воевод ко всем сменам старших и рядовых владельцев, к владельческим группировкам и распрям позволяет проследить во всех деталях генеалогию владельческих семей, эволюцию форм владения и все перипетии внутренней борьбы. Запротоколированные отписками распросные данные о количестве вооружённых «конных людей», которых мог выставить каждый владелец, или о количестве «кабаков» — селений в каждом владении, — возможность географического приурочения ряда названий конкретизируют представления о феодальных владениях Кабарды и Дагестана, часто миниатюрных.

Большой интерес вызывают известия терских отписок о происходивших в Кумыкской земле съездах владельцев и их узденей (иногда с участием и под давлением «чёрных людей»), имевших целью распределение «юртов», установление очередности в получении достоинства шамхала и его преемника — крым-шамхала — в целях прекращения междувладельческих раздоров и объединения «всей Кумыкской земли» ввиду внешней опасности. Наблюдения над северокавказскими отношениями XVI—XVII вв. не могут не вызывать сравнений с первыми веками истории Киевской Руси.

Персональные, иногда в нескольких поколениях, сведения о ближайшем окружении владельцев, с большой ролью в нём атальгов (дядек) и имельдешей (молочных братьев), дают представление о зачатках феодальной администрации с её архаическими чертами.

Социальные отношения внутри владений не раскрыты документами русских фондов с той же подробностью. Здесь каждое указание, особенно местных документов, должно быть учтено, каждый восточный термин подвергнут изучению, их руссифицированные формы отождествлены с восточными прототипами. В других случаях, наоборот, нужно вскрыть местные отношения за привычными для русских служилых и приказных людей русскими терминами. Такая работа позволяет восстановить социальную лестницу в кабардинских и дагестанских владениях XVI—XVII вв. по современным источникам и сопоставить их данные с данными XVIII—XIX веков.

Так, в Кабарде русские документы XVI в. в качестве наиболее влиятельных после князей групп населения называют «козларов»

¹ Для Дагестана см. статьи: А. Томаи «Материалы к вопросу о феодализме в истории Дагестана». «Революционный Восток» № 5 за 1935 г.; С. Юшков «К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане». «Учёные записки Свердловского государственного педагогического института». Вып. 1-й. Свердловск. 1938; А. Иванов «Социально-экономическое и политическое положение Дагестана до завоевания царской Россией» («Исторический журнал» № 2 за 1940 г.); С. К. Бушуев «Борьба горцев за независимость под руководством Шамхала». М.-Л. 1939; работы Н. И. Покровяковского и др.

и «дужнюков». Изучение фамилий «козларов» XVI в. заставляет видеть в них предков «тлакотлешей» — наиболее привилегированного после «пше» сословного слоя XIX века. Чрезвычайно интересны собранные в Терском городе сведения о роли в Кабарде конца XVI в. одного из «козларов» — «именитого человека» Хотова Анзюрова, в котором нельзя не видеть предшественника известных по позднейшим источникам «козов». Термин «дужнюки» русских документов XVI—XVII вв. — руссифицированная передача кабардинского термина «деженуго». Очевидно, корни привилегированного положения «тлакотлешей» в «деженуго» уходят в глубокое прошлое, в котором и надо искать ему объяснение. Следующую ступень составляли конные служилые люди — уздени, основная военная сила владельцев. Лучшие уздени сами владеют селениями («кабаками») и окружены своей маленькой военной дружиной.

К сожалению, сведения о взаимоотношениях привилегированных групп населения и крестьянства — «чёрных людей» — очень отрывочны. Больше известий о положении рабов — ясырей.

Процесс складывания феодальных владений у народов Северного Кавказа сопровождался не только внутренней борьбой между владельцами, но и борьбой за подчинение других племён, отстававших в экономическом и социальном развитии, сохранивших в значительной степени патриархально-родовые отношения или находившихся на разных стадиях их разложения. Все эти явления происходили в сложной международной обстановке, создававшей вокруг Северного Кавказа переплёт интересов и соперничества за влияние. Понятно, что для изучения северокавказского вопроса в международных отношениях XVI—XVII вв. документы Посольского приказа, дипломатические по преимуществу, дают особенно богатый материал.

XVI—XVII вв. на Востоке — время ожесточённой борьбы сложившегося при Сефевидах в сильное государство Ирана с Турцией, достигшей в XVI в. наибольших успехов. В этой борьбе, постоянным театром которой были Закавказье и западное побережье Каспийского моря, Северный Кавказ имел для той и другой стороны большое стратегическое и политическое значение. Союз с дагестанскими владельцами мог обеспечить Турции натиск на Иран с севера; влияние на черкесских и кабардинских владельцев могло открыть крымско-турецким войскам путь из Крыма через Северный Кавказ и «железные ворота» (Дербент) в Закавказье, которыми турки и крымцы не раз и пользовались. Самое название этого пути — «Османовский шлях», «Османовщина» — идёт от событий 1580-х гг., когда здесь шёл турецкий Осман-паша, подвергшийся при переправе через Сунжу нападению терских казаков. Северокавказский путь был важен для Турции и Крыма и по их связям с ногаями, с Казанским и Астраханским ханствами — до их завоевания Москвою¹ — и с узбеками Средней

Азии, постоянными противниками Ирана на Востоке. В противовес Турции Иран стремился обратить в своих вассалов владельцев Северного Дагестана, завязать сношения с Кабардою и ногаями, чтобы обеспечить свой тыл и запереть крымско-турецким войскам «ворота» на юг. И та и другая сторона действуют на Северном Кавказе или путём прямой агрессии или используя внутренние противоречия и распри.

Завоевание Поволжья и Астрахани Москвою в 50-е годы XVI в. меняет для Кавказа международную обстановку и соотношение сил. Московское государство очень быстро приобретает на Северном Кавказе крупное влияние как потому, что многие северокавказские владельцы ищут у Москвы покровительства перед лицом крымско-турецкой и персидской опасности, так и потому, что после основания по прямой просьбе кабардинских князей — Терского города и нескольких последовательно сменявшихся друг друга островов у перевоза через Сунжу — Москва фактически получила возможность контролировать весь северокавказский путь и близко входить в местные дела.

Московское государство было заинтересовано в сохранении этого влияния и для укрепления Астрахани, и для обеспечения дипломатических и торговых сношений с Ираном, и для укрепления растущих связей с Грузией. В периоды обострения московско-крымских отношений, как это было в 50-х—70-х годах XVI в. и в последней четверти XVII в., Северный Кавказ имел для Москвы прямое стратегическое значение. Наконец, благодаря важности и для Ирана и для Турции с Крымом северокавказского пути самый факт влиятельного положения здесь Москвы давал ей большие преимущества в дипломатических переговорах с обеими странами и приобретал, таким образом, и политическое значение.

На протяжении XVI—XVII вв. положение, степень влияния и политика трёх перечисленных стран на Северном Кавказе менялись, как менялась и ориентация местных друшпировок. Эти вопросы во всём их разнообразии и сложности подлежат специальному изучению с привлечением обширного круга источников, восточных и русских. Среди них фонд Посольского приказа занимает одно из важнейших мест, открывая ряд новых страниц, особенно для истории московско-кавказских связей.

Приведу несколько иллюстраций, относящихся к XVII веку. Северокавказские серии дел Посольского приказа за XVII в. почти не тронуты ни публикациями, ни исследователями.

Как известно, уже в начале XVII в. Аббас Великий достигает больших успехов в войнах с Турцией, в том числе и на Кавказе. Турция теряет Азербайджан и Дербент, где на месте турецких сандажков

не сразу оборвало связанные с нею крымско-турецкие планы — они возрождаются в походе 1569 г. и снова в начале XVII в. в период ослабления Московского государства интервенцией и крестьянской войной.

¹ Впрочем, завоевание Астрахани в 1556 г.

возникают персидские провинции. Печальная судьба опустошённой шахскими войсками Грузии и угроза шаха разорить «Кумыцкую землю», «что и Грузинскую землю», заставляют ряд кумыцких владельцев признать вассальную зависимость от «безверного бусурмана», каким был для суннитов-кумыков шах-шиит. В первой половине XVII в. вассалами шахов Аббаса и затем Сефи в Северном Дагестане были тарковские владельцы (вместе с состоявшими с ними «в одиначестве» мурзами), которых шахи и стараются обеспечить, но не всегда удачно. шамхальское достоинство, оказывая давление на выборные съезды, иногда путём присылки войск. Не довольствуясь занятым в Дагестане положением, шахское правительство стремится к дальнейшему закреплению на северокавказском пути. В 1615 г. признал вассальную зависимость от шаха кабардинский мурза Мудар Алкасов, владение которого было расположено при выходе из Дарьяльского ущелья. По приказанию шаха, Мудар укрепил свои «кабаки» «надолобами», чтоб «перенять Грузинскую дорогу», «а шах Басовым бы людям тою дорогою ездити было бесстрашно».

В той же связи стоят не раз возникавшие в первые десятилетия XVII в. планы постройки каменных персидских крепостей на Сунже и на городище Дзулата при впадении р. Малки в Терек. Для осуществления этих планов в 1630—1631 гг. предполагалось использовать изгнанного из Крыма и жившего при шахском дворе царевича Шагин-Гирея¹ и вассальных дагестанских владельцев. Наконец, со стороны шахов были попытки и установления связей с донскими казаками.

Теряя свои завоевания в Закавказье, Турция стремилась удержать позиции на Северном Кавказе. В течение всего XVII в. Турция и Крым сохраняют господствующее положение в Западной Черкессии, закрепляя его постройкой крепости на Кубани и рядом опустошительных набегов на черкесские племена. В Кабарде они используют «вековую недружбу великую» между потомками Айдара и «Кайтукиным родом», поддерживая вторую группировку против первой. В Дагестане удобным поводом для крымско-турецкого вмешательства была ожесточённая борьба обелишённой тарковскими владельцами группировки с группировкой сильного эндерейского владельца — чанки (т. е. сын незнатной матери) Салтан-Магомета, который сохранил и после персидских побед крымско-турецкую ориентацию и к которому в первой четверти XVII в. примыкал и тогдашний шамхал-кафир кумыцкий владетель Андий.

Ослабленное событиями 1605—1612 гг. и занятое в последующие десятилетия борьбой с польско-литовским государством Московское государство при Михаиле Фёдоровиче не возобновляло на Кавказе актив-

ной политики конца XVI—начала XVII в., когда московские войска пробовали закрепиться в приморском Дагестане, а в дипломатических переговорах с Ираном обсуждался вопрос об уступке Москве Дербента и Баку. Тщательно избегало оно и всяких конфликтов из-за кавказских дел с двумя соперничавшими там сторонами. Однако явно выраженная московская ориентация ряда владельцев позволила правительству Михаила Фёдоровича не только сохранить, но и углубить влияние на северокавказские дела. Внимательно следили в Москве и за всеми кавказскими планами Ирана и Турции с Крымом, чтобы вовремя предотвратить путём поддержки местных группировок перевес влияния той или другой стороны.

В 1614 г. в «Кумыцкую землю» поехал известить о вступлении на престол Михаила Фёдоровича сын боярский Григорий Шахматов (одновременно Москва позаботилась и о возобновлении своих кабардинских связей). Перед ним шертовали на верность московскому царю тарковские владельцы Гирей и Эльдар Сурхаевы и бывшие с ним «в одиначестве» мурзы. Тогда же от Гирея поехал в Москву с грамотой к царю посол. Посольством устанавливалась вассальная зависимость тарковских владельцев от Москвы, которая поддерживалась в течение всей первой половины XVII века. За 28 лет (с 1614 по 1642 г.) в Москве побывали 13 посольств от тарковских владельцев и 2 — от соседних и союзных с ними таркаловских мурз. Обращение Тарков к Москве вызывалось надеждой занять в связи с этим более независимое от шаха положение — именно так объяснял его посол Эльдара Сурхаева в тайном разговоре 1623 г. с думным дьяком Иваном Грамотиным, говоря, что Эльдар «под шаховою рукою быти не хочет, ведая то, что шах бусурман безверен». Но конфликт с шахом был совершенно нежелателен в общем плане русско-персидских отношений, и тарковские владельцы оказались в двойной вассальной зависимости — от Ирана и от Москвы.

В первой половине XVII в. шахское правительство, заинтересованное в сохранении дружеских отношений с Москвою и озабоченное тем, чтобы «запереть» для крымско-турецких войск «дагестанскую дорогу», не возражало против такого «опчего холопства» и не препятствовало тарковским посольствам в Москву. В Москве следили за отношениями дагестанских владельцев к шаху, замалчивая факт «опчего холопства» в документах официальных сношений.

Одним из условий вассальной зависимости тарковских ханов от Москвы была взаимная помощь ратными людьми «на недругов». Отсюда неоднократная поддержка, оказанная терскими воеводами тарковским владельцам против Эндери. Москва поддержала хана Эльдара против Салтан-Магомета и в 1623 г., когда после смерти шамхала Андия возник спор о шамхальстве. Вопреки решению кумыцко-

¹ Как здесь, так и в дальнейшем имена собственные даются в русифицированной форме.

то съезда 1621 г. после Андия быть шамхалом Салтан-Магомету, а Эльдару — крым-шамхалом, московское правительство удовлетворило просьбу эльдара посла — «велети в Кумыках в большом чину» быть Эльдару, «а не иному» — и выдало Эльдару жалованную грамоту на шамхальство с большой царственной печатью, определив ему денежное и хлебное жалование.

Однако упомянутые выше северокавказские планы шахского правительства 1630—1631 гг. заставили Москву изменить своей, ставшей в первые десятилетия XVII в. традиционной политике покровительства тарковским владельцам. В июле 1631 г. сын Салтан-Магомета эндерейского Айдемир, вызванный в Терский город, шертовал Михаилу Фёдоровичу, за своего отца, за себя и всю свою родню на том, что, «будет Шан-Гирей пойдёт с кизылбашскими людьми на Елецкое городище ставить город, и ему Айдемиру мурзе с государственными людьми бити заодно и с Шан-Гиреем битися до омерти». Этим договором и выступлением из Крыма в Кабарду крымского войска планы шаха были расстроены. Неудачно сложились для него дагестанские дела и после смерти в 1635 г. шамхала Эльдара. «Кумыцкие люди» давали шамхальство Салтан-Магомету, тот за «старостью» поступил к своему старшему сыну Айдемиру, которого признала шамхалом «вся Кумыцкая земля», за исключением тарковских владельцев Явная ориентация эндерейских владельцев на Турцию и Крым вызвала попытку шаха выдвинуть шамхалом своего ставленника, племянника шамхала Эльдара Сурхая Гиреева Тарковского.

Не надеясь осуществить этот план своими силами, шах делает попытку заручиться поддержкой Москвы. В 1637 г. в Москву прибыло посольство Сурхая с официальным челобитием о шамхальстве¹, которое подкреплялось грамотой шаха Сефи к царю, сообщавшей, что шах «учинил» Сурхая шамхалом «и вам бы для нашего прошения ево же шевкалом учинить по нашему братству и дружбе и любви»². Но, несмотря на тревожные известия из Терского города о сношениях Эндери с Крымом, в Москве не поддержали ходатайства шаха, и шамхалом остался не получивший инвеституры ни от шаха, ни от царя Айдемир — до своей смерти в 1641 году.

В 1642 г. Сурхай Гиреев возобновил в Москве просьбу об утверждении его шамхалом, умалчивая на этот раз об оказанной ему шахом поддержке, и получил жалованную грамоту московского царя на шамхальское достоинство. Но на этом посольства тарковских владельцев в Москву, как и неоднократно повторявшиеся в

первой половине XVII в. посольства учинив кайтакских, обрываются. Политика по отношению к Дагестану шаха Аббаса II исключала для местных владельцев возможность двойной зависимости. Теряя свою позицию в Тарках, Москва принимает в вассальную зависимость эндерейских владельцев, подкрепляя и здесь своё влияние назначением жалования.

В истории очень тесных и разнообразных московско-кабардинских связей, со всей подробностью отражённых в обширной серии «Кабардинских дел», почти не освещённой в литературе оставалась до сих пор судьба образовавшегося в начале XVII в. в Терском городе особого вассального кабардинского княжества³.

Ещё в 90-х годах XVI в. в Терский город выехал служить кабардинский князь Сунчалей Канклычев, изгнанный из Кабарды враждебной группировкой Казыя Шелшукова. Подобного рода выезды случались и позднее — служилые мурзы и их уздени получали в таких случаях денежные и хлебные оклады и селились в Заречной (за рекой Тюменкой) Черкасской слободе, рядом со слободой Окопкой, заселённой выехавшими из «Акоз» (поваломо, общество Ако в Ингушии) служилыми окочанам. Оказанные князем Сунчалеем услуги по приведению северокавказских владельцев «под государеву руку», особенно в год вступления на престол Михаила Фёдоровича, вызвали пожалование его в 1615 г. «над окочаны и над черкасы, которые на нашей службе на Терке», князем с правом «их судить и в ратном строенье и во всяких делах их ведать». Впоследствии Сунчалеевичи были пожалованы и терским таможенным сбором. Этими жалованными грамотами в Терском городе рядом с воеводой и подчинёнными ему русскими ратными людьми создавалось особое вассальное княжество (Олеарий называет его «сланным владением»), несколько напоминающее владение касимовских нарей. В дальнейшем оно переходило по прямой линии потомкам Сунчалеев — его старшему сыну Шолоху, умершему бездетным, второму сыну Муцалу, затем Каспулату Муцаловичу и внуку последнего Салтан-беку Кабулатовичу, со смертью которого в начале XVIII в. прекратило своё существование.

На всём протяжении XVII в. Сунчалей и Сунчалеевичи оказывали исключительно большое влияние и на местных воевод, по отношению к которым держались довольно независимо, и на всю северокавказскую политику Москвы. Именно Сунчалеевичи служили посредниками в переговорах тер-

³ Некоторые относящиеся к нему документы были напечатаны ещё в «Собрании государственных грамот и договоров», в «Актах исторических» и «Дополнениях» к ним. См. также Ю д н П. «Мурза Сунчалей Янгальчев». «Русский архив». Т. II за 1913 г.; его же «Верность кабардинцев русскому престолу в эпоху Смутного времени». Владикавказ. 1913.

¹ Посольство Сурхая съехалось в Москве с посольством сыновей Эльдара, возбуждавшим неофициальную просьбу о шамхальстве для одного из них.

² Привожу цитату по переводу XVII века.

ских воевод с местными владельцами; они же участвовали во всех военных экспедициях терских ратных людей; часто от их протекции зависела помощь ратными людьми «с вогненным боем», которой так добивались местные феодалы в борьбе со своими «недрузгами».

Влиятельное положение Сунчалеевичей на Северном Кавказе вызвало внимание к ним персидских шахов — с разрешения Москвы князь Муцал выдал в 1636 г. за шаха Сефи свою сестру. Но обнаруженная в 1640 г. переписка Муцала с шахом, которую первый старался скрыть, была уже сочтена за измену и вызвала обширное следственное дело, вскрывшее ряд злоупотреблений Сунчалеевичей и кончившееся ссылкой Муцала и его брата Будадея в Вологду и Галич. Впоследствии оба вернулись в Терский город по ходатайству служившего на Москве и занимавшего там высокие посты князя Дмитрия Мамстрюковича Черкасского.

Сунчалеевичи вновь приобрели для Москвы большое значение в последней четверти XVII в., на этот раз в связи с московско-турецко-крымскими отношениями и походами Москвы на Крым: князю Каспулату Муцаловичу были даны широкие полномочия по организации местных воен-

ных сил для наступления на Крым со стороны Северного Кавказа¹.

История терского вассального княжества, которая может быть изучена по документам Посольского приказа с большой подробностью с первых дней возникновения княжества до его ликвидации в петровскую эпоху, заслуживает специального исследования как одна из интересных страниц московско-кавказских связей.

Тема о восточной политике Московского государства уже поставлена в советской литературе в работах о русско-грузинских, русско-персидских и русско-турецких отношениях и связях со Средней Азией². Вопрос о Северном Кавказе в международных отношениях XVI—XVII вв. остаётся мало освещённым.

Целью настоящего обзора было показать значение документов русских архивных фондов для изучения ряда кавказоведческих и более общих тем и необходимость скорейшего возложения их в научный оборот.

¹ Князь Каспулат Муцалович принимал деятельное участие и в ликвидации разинского движения в Астрахани.

² См. работы М. Полневктова, Е. Зевакина, Н. Смирнова и др.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕЦЕДЕНТЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРЕСТУПНИКОВ ВОЙНЫ *

Проф. Н. Полянский

Когда Наполеон отрёкся после «ста дней» от престола, предполагалось, что его будет судить английский суд. В действительности судьба Наполеона была решена не судом, а соглашением держав, составлявших коалицию. Венский конгресс объявил, что нарушением соглашения, которым Наполеону был предоставлен для жительства и в полное обладание остров Эльба, он «поставил себя вне гражданских и общественных отношений» и что, «как враг и нарушитель спокойствия мира, он сам навлек на себя общественное возмездие». В августе 1815 г. было заключено соглашение между Великобританией, Австрией, Пруссией и Россией, объявившее Наполеона пленником держав, подписавших соглашение. Наполеон был вверен охране британского правительствa, которое и водворило его на остров святой Елены.

Вопрос об ответственности главы государства возник также после окончания гражданской войны в Америке. Бывшему

президенту Южной федерации Джеферсону Дэвису было предъявлено обвинение в государственном преступлении — в убийстве военнопленных и в варварском и жестоком обращении с ними. После того как Дэвис более двух лет пробыл под стражей, в 1868 г., в окружном суде в Виргинии рассматривалась его просьба об отмене обвинительного акта. Ввиду разногласия судей вопрос был перенесён в верховный суд. Дело ещё не было разрешено, когда Дэвис был освобождён в силу общей амнистии от 25 декабря 1868 года.

Что касается ответственности солдат и командиров, виновных в совершении преступлений, связанных с войною, то до версальского договора 1919 г. почти все мирные договоры заключали в себе так называемую «кляузулу об амнистии», согласно которой предавались забвению все нарушения права, порождённые войною. Впервые версальский договор прямо предусмотрел ответственность виновников преступлений, связанных с войною.

Часть VII версальского договора, озаглавленная «Санкции», посвящена вопросу о привлечении к ответственности бывшего германского императора Вильгельма II Голландерна, а затем всех вообще лиц, аг-

* Выражение «преступники войны» (Kriegsverbrecher, les coupables de guerre) было в ходу в европейской прессе после первой мировой войны.

новых в совершении действий, противных законам и обычаям войны.

По версальскому договору, для суда над Вильгельмом II должен был быть образован специальный трибунал в составе пяти судей, назначенных от пяти держав: США, Великобритании, Франции, Италии и Японии. Суд должен был судить «по мотивам, знушённым высшими принципами международной политики, и в заботе об обеспечении уважения к торжественным обязанностям и международным обязательствам, а также к международной морали» (ст. 227)¹. Наказание суд должен был назначать по своему усмотрению.

Что касается лиц, обвиняемых в совершении действий, противных законам и обычаям войны, то версальский договор устанавливал их подсудность военным судам. При этом совершившие действия против граждан одной из союзных и объединившихся держав должны были быть переданы военным судам этой державы, а совершившие действия, направленные против граждан нескольких союзных и объединившихся держав, должны были быть переданы военным судам, состоявшим из членов, принадлежащих к военным судам заинтересованных держав.

Таким образом, по версальскому договору, союзники-победители оставляли за собой, как правило, осуществление трёх видов юрисдикции по делам о преступлениях, связанных с войной: 1) юрисдикцию особого международного суда для рассмотрения обвинения, какое должно было быть предъявлено к бывшему германскому императору, 2) юрисдикцию военных судов того или иного государства по делам о совершении действий, противных законам и обычаям войны, если эти действия были совершены на территории данного государства, 3) юрисдикцию смешанных военных судов, составленных из членов, назначенных двумя или несколькими государствами, по делам о таких же действиях; если они были совершены на территории не одного только государства.

Суд над Вильгельмом II, как известно, не состоялся. В ноте, адресованной германским правительством 20 мая 1919 г. председателю мирной конференции, указывалось, что объявление главою государства войны несправедливой и не соответствующей существующим нормам всегда рассматривалось как правительственный акт, не подпадающий под действие уголовных законов, и что нельзя возбуждать уголовное преследование по поводу действия, которое раньше не рассматривалось как недозволенное, так же как нельзя создать чрезвычайный закон о наказании за не предусмотренное ранее деяние и придать ему обратную силу.

По сходным основаниям, в конце января 1920 г. Голландия отказала союзным и объединившимся державам выдать нашедшего себе убежище на её территории Вильгельма II.

¹ «Версальский мирный договор». М. НКВД. 1925.

В своём ответе от 14 февраля 1920 г. союзники указали Голландии, что вместо того чтобы охранять Вильгельма на своей континентальной территории, она должна была бы отправить его в изгнание на острова Голландской Индии, где в большом отдалении от Германии он не мог бы вместе со своими сторонниками так легко заниматься интригами. «На Голландии, — говорилось в ноте союзников, — вместе со всеми цивилизованными народами лежит долг обеспечить наказание преступных посягательств на право и на принципы гуманности; долг, от которого никто не может освободить себя ссылкой на национальные интересы, как бы ни были они серьёзны, заключается в том, чтобы примерным образом покарать лиц, ответственных за бедствия и гнусности войны»².

Не получили сколько-нибудь серьёзного осуществления и постановления Версальского договора об ответственности военнослужащих за поступки, совершённые на театре военных действий или в оккупированных местностях.

Стоя на точке зрения подсудности преступлений, связанных с войной, судам тех стран, на территории которых они были совершены, союзники предъявляли Германии списки лиц, выдачи которых они требовали, — всего около 900 лиц. Английский список содержал в себе 97 лиц, французский — 344, бельгийский — 334, польский — 51, румынский — 41, итальянский — 29. Среди обвиняемых фигурировали бывший имперский канцлер Бетман-Гольвег, фельдмаршал Гинденбург, генералы Людендорф и Макензен, кронпринц Рупрехт Баварский, герцог Вюртембергский и ряд других лиц, принадлежащих к королевским фамилиям, двенадцать адмиралов высшего ранга, включая Тирпица, фон Капелле, фон Трота, фон Мюллера и фон Шредера.

Глава германской делегации на мирной конференции, барон фон Лерснер, отказался передать список своему правительству и заявил о своём желании сложить полномочия³.

Германское правительство в замечаниях от 7 мая 1919 г. и в нотах от 5 ноября 1919 г. и 25 января 1920 г. протестовало против привлечения к ответственности перед военными судами стран-победителей генералов, офицеров и солдат германской армии за действия, противные законам и обычаям войны. Не отрицая того, что германскими военными и гражданскими властями действительно нарушались законы и обычай войны, германское правительство выразило готовность передать дела о виновных на рассмотрение своих собственных судов, в частности имперского суда в Лейпциге.

16 июня 1919 г. германское правительство было уведомлено письмом, составленным первым секретарём английского премьер-

² Fauchille P. Op. cit., p. 1065—1067. Прим. 2 к §. 1717.

³ Garner «International Law and the World War», Vol. II, p. 477—478.

министра Филиппом Керром, что союзники отказываются предоставить судить виновных «соучастникам их преступлений»¹. В ноте же от 15 февраля 1920 г. союзники с удовлетворением отметили готовность германского правительства предать виновников амверскому суду в Лейпциге, оговоров, однако, своё согласие тем, что рассмотрение и решение дел о преступлениях против законов и обычаев войны в лейпцигском суде никоим образом не должны способствовать освобождению виновных от заслуженного наказания за их преступления и что в таком случае (т. е. в случае, если виновные не будут приговорены к заслуженным ими наказаниям) союзники, осуществляя всю полноту своих прав, предадут их своим собственным судам.

Антанта, сначала потребовавшая суда над несколькими сотнями преступников войны, потом отобрала из них только 43, «наиболее тяжких».

Англия и Франция командировали в Лейпциг свои комиссии для наблюдения за производством дел, в которых пострадавшими были англичане или французы. Английскую делегацию возглавлял генерал-лейтенант Поллок, французскую — генерал-адвокат (прокурор) Маттер.

Ряд газетных отчётов и статей о прошедших в Лейпциге процессах даёт о них известное представление, хотя и неполное.

Первым было поставлено дело по обвинению сержанта Гейнена, по профессии бондаря, в жестоком обращении с военнопленными в лагере, во главе которого он был поставлен. Выбор обвиняемого для первого процесса, чтобы продемонстрировать «беспристрастие» германского суда, был сделан неплохо. Сержанта, и притом бондаря в прошлом, можно было, пожалуй, и осудить, хотя, конечно, не очень строго, чтобы иметь право всему миру гордо сказать, что есть судья в Лейпциге, как некогда прусский король Фридрих II сказал: «Есть судья в Берлине».

Цель процесса — быть прологом к многоактной судебной комедии в Лейпциге — лучше всего, пожалуй, выдавала мотивировочная часть приговора, которым Гейнен был присуждён к 10 месяцам тюремного заключения². «Нельзя игнорировать, — сказано было в приговоре, — что дело идёт об исключительно грубых и насильственных эксцессах обвиняемого, направленных против безоружных солдат, которые именно в качестве военнопленных могли претендовать на педантично корректное обращение с ними, против людей, относительно которых он (обвиняемый. — Н. П.) должен был знать, что они скоро вернутся на родину. Обвиняемый не только подрывал репутацию армии, которой немецкий народ гордился в высокой мере, его поведение заключало в себе опасность для репутации немецкого народа, так как он, сознавая себя культурным народом первого ранга, отказывается от такого

рода грубостей и жестокостей»³. Цитата эта обнаруживает знакомый приём демагогии и обмана широких масс, с целью внушить им, что от суда, руководящегося столь возвышенными представлениями о чести германского народа, можно ожидать одной только справедливости. К такой маскировке, как известно, не считают нужным прибегать людоед Гитлер и его шайка.

Когда скамью подсудимых на лейпцигском судилище занял бравый немецкий генерал Штенгер, картина резко изменилась. Бригадный генерал Штенгер обвинялся в том, что он приказал убивать пленных. Свидетелями было подтверждено, что Штенгер требовал, «чтобы пленных не было». Смысл требования был одинаково понят без особых разъяснений как германскими офицерами, которые со своей стороны передавали его и притом в более прямой форме солдатам, так и самими солдатами. Однако Штенгер был оправдан, так как прямого приказа по бригаде об уничтожении военнопленных им отдано не было⁴.

Одна из английских газет, увидевшая в этом приговоре германской судебной корпорации её склонность к формализму, явно недооценила политического характера этого приговора: он в действительности был демонстрацией солидарности суда с армией, ибо заигрывание с нею стало с первых дней поражения Германии средством борьбы за возрождение германского милитаризма.

Французское правительство, возглавлявшееся в то время Брианом, в ответ на поведение лейпцигского суда демонстративно отозвало из Лейпцига свою делегацию. Вместе с тем французское правительство направило к английскому и бельгийскому правительствам обращение, в котором говорилось, что французское правительство имеет право рассчитывать на решимость правительств союзников «протестовать против нетерпимого издевательства над правосудием, совершаемого в Лейпциге»⁵.

Вслед за делом генерала Штенгера был поставлен процесс генералов Шака и Крушкя, по вине которых в лагере для военнопленных погибло от эпидемии тифа 3 тыс. французов. Председатель суда Шмидт заявил, что дело будет слушаться несмотря на отозвание французской делегации и неявку свидетелей-французов. В качестве свидетелей были допрошены один немец, которые, конечно, дали самые благоприятные отзывы о своих генералах. Суд не только вынес оправдательный приговор, но и включил в него дифирамб подсудимым⁶.

Другую категорию дел, заслушанных в Лейпциге, составляли дела о капитанах подводных лодок, торпедировавших английские госпитальные суда.

Первым слушалось дело капитана-лейтенанта Карла Неймана, который обвинялся

¹ «Deutsche Allgemeine Zeitung», 27 Mai 1921.

² «Temps», 5 Juillet 1921.

³ «Temps», 9 Juillet 1921.

⁴ «Le Matin», 10 Juillet 1921.

⁵ Tardieux «La paix», 1921, p. 499.

⁶ «Kölnische Zeitung» от 26 мая 1921 года.

в потоплении госпитального судна «Дуэр Касль». Обвинитель высказался за оправдание подсудимого ввиду того, что судно шло не по установленному маршруту и подсудимый был обязан торпедировать судно в силу приказа штаба германского адмиралтейства¹.

Председатель, оглашая оправдательный приговор по этому делу, мотивировал его словами: «Все цивилизованные народы признали принцип, что подчинённого освобождают от ответственности приказы его начальства»².

По этому поводу Лоуренс, бывший некоторое время профессором международного права в университете в Чикаго, замечает, что тезис о безусловной безответственности военнослужащего за деяние, совершённое во исполнение приказа начальства, «широко отщипывает двери для безответственности за преступления, связанные с войной, так как, если политика варварства санкционируется высшим командованием военных сил, то трудно себе представить, как может быть наказано какое-либо лицо, проводящее эту политику в жизнь»³.

Скоро германскому имперскому суду пришлось отступить от этого тезиса об освобождении от ответственности подчинённого, выполняющего приказы начальства. Это произошло при обстоятельствах, когда Германия стремилась вбить клин в трещину, к этому времени появившуюся в отношениях между Англией и Францией⁴. Английское правительство не присоединилось к протесту французского правительства против «театрального представления» (по выражению Бриана) в Лейпциге. Учитывая политическую ситуацию, лейпцигский суд, оправдавший Карла Неймана, должен был вынести обвинительный приговор по другому делу — об офицерах подводной лодки.

Госпитальное судно «Лендовери Касль» было торпедировано немецкой подводной лодкой, хотя оно имело все нужные опознавательные знаки. Экипаж госпитального судна высадился на спасательные лодки, которые по распоряжению капитана подводной лодки Працига были обстреляны, в результате чего часть экипажа погибла. В процессе по этому делу судом было установлено, что Прациг, отдавая приказ обстрелять лодки, руководился целью уничтожить свидетелей явно противозаконного потопления госпитального судна. Сам капитан Прациг скрылся от уголовного преследования. К ответственности были привлечены выполнявшие его приказ об обстреле спасательных лодок лейтенанты Датмар и Больд. Им было предъявлено обвинение в соучастии в убийстве людей, которым удалось удалиться от тонувшего судна. Суд

вынужден был признать доказанным как самый факт умышленного убийства, так и то, что обвиняемые знали, каким мотивом руководился капитан Прациг, отдавая приказание об обстреле лодок. «То обстоятельство, — сказано было в мотивах приговора, — что деяние обвиняемых происходило из прямого или косвенного распоряжения их командира, не освобождает их от ответственности, так как не может быть никакого сомнения в том, что обвиняемые отдавали себе отчёт в нечестности и преступности замысла командира, поскольку им было известно, что он только хотел скрыть допущенную ошибку»⁵.

Обвинитель настаивал на признании подсудимых виновными только в покушении на убийство. Он требовал для них наказания каторжными работами на четыре года. Суд не согласился с обвинителем; он вынужден был признать, что было потоплено «неопределённое число офицеров, солдат и лиц врачебно-санитарного персонала» и что таким образом преступное убийство, совершённое из эгоистических побуждений, было доказано. Суд приговорил обвиняемых всего только к заключению в тюрьме на четыре года!

Ни один из генералов, возглавлявших германскую армию, к уголовной ответственности привлечён не был. Опыт предоставления Германии судить лиц, виновных в преступлениях, связанных с войной, будет учтён антигитлеровским фронтом.

Бриан назвал лейпцигские процессы «театральным представлением»⁶. Так, собственно, смотрели на них и сами немцы, судя по передовой статье в «Kölnische Zeitung» в номере от 26 мая 1921 г., возглавленной «Преступники войны». В ней автор говорил о первом процессе (Бочара Гейнена) как о «маленькой театральной комедии» (eine kleine Bühnenkomödie), которую немцы вынуждены разыграть в угоду победителям. Известный немецкий публицист Бернгард писал о «странном начинании: измерять войны и революции уголовными законами»⁷. Ни один честный человек не выскажется против применения самых суровых уголовных санкций к шайке преступников, пытающихся подставить себе мир преступной войной и не менее преступными методами её ведения.

Опыт прошлого учит нас тому, чтобы уже теперь, во время войны, были приняты меры для установления и учёта всех чудовищных преступлений, совершённых гитлеровцами на территории оккупированных стран. Для учёта совершённых на территории СССР бандами гитлеровской армии пыток, истязаний, убийств мирных жителей и прочих преступлений и учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР Чрезвычайная государственная комиссия. Опыт прошлого требует, чтобы наказания за эти преступления были действительно суровыми, чтобы в будущем «другим не повадно было» так поступать.

¹ «Vossische Zeitung», 4 Juni 1921.

² «Manchester Guardian», 6 June 1921.

³ Lawrence T. «The principles of International Law», p. 546—547. 1929.

⁴ Выразив недовольство правящих кругов Франции, газета «Matin» писала 6 июня 1921 г.: «Версальский мир стал миром английским».

⁵ «Vossische Zeitung», 17 Juli 1921.

⁶ «Vossische Zeitung», 13 Juli 1921.

⁷ Ibidem, 17 Juli 1921.

Вопрос, должны ли виновники войны нести индивидуальную ответственность, предрешён. Будет так, как сказано в заявлении советского правительства от 14 октября 1942 г.: «Преступное гитлеровское правительство и все его пособники должны

понести и понесут заслуженное суровое наказание за злодеяния, совершённые ими против народов Советского Союза и против всех народов на территориях, временно оккупированных немецкой армией и её сообщниками».

ПЕРВЫЕ СВЕДЕНИЯ РУССКИХ О НОВОМ СВЕТЕ

Н. Лазарев

Первые сведения о Новом Свете без использования, однако, термина «Америка» сохранились на русском языке в рукописи «Инокса Максима Грека сказание отчасти недоуменных неких речений в Слове Григория Богослова», относящейся примерно к 1530 году¹.

Комментируя одну из проповедей этого константинопольского патриарха (329—389 гг.), посвящённую превосходству христианства над язычеством в различных частях известного тогда мира, Максим Грек без всякой связи с текстом проповеди или какого бы то ни было перехода вспоминает о следующем «недоуменном речении» Григория Богослова: «Еже бо чрез Гади́р непрепловно»². «Эллиньские мудрецы полага́ли, что далее Гади́ра плыть нельзя, так как там югозападный конец земли, море весьма узко, течение его быстрее реки, а с обеих сторон подступили к нему высочайшие береговые горы, называемые «Геркулесовыми столбами», так как до этого места доходил сильнейший и славнейший греческий герой Геркулес, повсюду очищая вселенную от диких всяких зверей, разбойников и злодеев. Древние народы не умели плавать далее Гади́ра, а главное, не дерзали на это; нынешние же португальцы и испанцы, приняв все меры предосторожности, недавно, лет 40 или 50 тому назад (по истечении седьмой тысячи

лет от сотворения мира), начали переплывать на больших кораблях и открыли множество островов, из коих некоторые обитаемы людьми, а другие необитаемы; и землю Кубу, настолько великую по размерам своим, что даже обитатели её не знают, где она кончается. Ещё открыли они, обогнув всю южную сторону и направившись к северо-востоку, по пути в Индию семь островов, называемых Моллукскими. На этих островах произрастает и корица, и гвоздика, и другие ароматные и благовонные растения, которые до той поры неизвестны были ни одному человеку, ныне же всем ведомы, благодаря королям испанскому и португальскому. Государи этих людей тамошних, не знавших до того истинного бога и поклонявшихся наиболее твари, а не Творцу, ныне обратили в свою веру, то есть в латинскую, отправив к ним епископов, учителей и священников и также различных ремесленников и всевозможные здешние семена, и ныне там открылся новый мир и новое собрание человеческое»³.

Гади́р — Агади́р, или Гадди́р Карфагеня́н, — был известен грекам как Гадейра, а римлянам — как Гадес. Это морской порт Кадикс (или более правильно — Кадис), база испанских флотилий, доставлявших богатства Нового Света. Максим Грек в этом случае смешал Кадис с Гибралтарским проливом — «Геркулесовыми столбами» древних.

«Южская страна» (южная страна) Максима Грека — современная Африка. Из контекста очевидно, что Максиму Греку были известны в общих чертах плаванья Васко де Гама (1497—1499 гг.) и других португальцев вокруг мыса Доброй Надежды к западному побережью Индии, Малаккскому полуострову (1509—1511 гг.), Моллукским островам (1512 г.).

Однако упоминание о «семи» Моллукских островах ещё не доказывает, что до Максима Грека дошли хотя бы смутные сведе-

¹ Максим Грек, светское имя которого было Макарый, родился в Арта (Эпир) около 1470 года. Он получил образование в Париже, Флоренции и Венеции. В Венеции Макарый познакомился с известным гуманистом и издателем — Альдусом Мануциусом. По возвращении в 1507 г. в Грецию Максим принял монашество. В 1518 г. он был направлен в Москву Ватопедской обителью на Афоне для перевода священного писания с греческого на русский язык, по предложению Василия III. Максим Грек умер в 1556 г. в Троице-Сергиевском монастыре.

² Это выражение встречается у Григория Богослова в «Надгробном слове Василию, архиепископу Кесарии Каппадокийския» (Ч. IV, слово 43). Однако Максим Грек комментирует его в слове Григория «На святые светлы явления Господних» (Творения. Изд. Московской духовной академии. Ч. III, слово 39, стр. 253—256. 1844).

³ Сочинения преподобного Максима Грека в русском переводе. Ч. II. Троице-Сергиева лавра. 1911. «Объяснение отчасти неудобопонятных некоторых изречений в Слове Григория Богослова». Цитируемый отрывок на стр. 28—29. Русский перевод, по нашему мнению, не всегда точен: например вместо «южная страна» следовало бы переводить «южная страна»; вместо «ремесленников» — «орудия» (в оригинале «всякое ремество»).

вия о плавании Магеллана и Дель Кано (1519—1522 гг.). Насколько недостаточны были представления Максима Грека о плавании в современную Индию, показывает его сообщение, что Моллукские острова лежат на пути в Индию, если идти на северо-восток от Африки¹.

В изложении Максима Грека нет отчетливой дифференциации между географическими открытиями испанцев в Вест-Индии и открытиями португальцев в Ост-Индии. Зато Максиму Греку известны другие важные культурно-географические факты, как например перенесение европейцами в Новый Свет «реместв», т. е. своих средств производства, и «всяка семена здешняя», а также получение с Моллукских островов пряностей.

Не лишено интереса, наконец, что Максим Грек называет «землю величайшу глаголемую Куба». Это первый географический термин на русском языке, относящийся к Новому Свету. «Земля Куба» представляет, по Максиму Греку, часть материка, «сеяже конца не ведают тамо живущей». Как известно, Колумб, открывший остров Кубу 28 октября 1492 г., также считал его частью Восточной Азии.

Из цитированного отрывка «Сказания инока Максима Грека» очевидно, что он не знал названия нового континента — Америки, — хотя уже пользовался термином «Новый Свет».

Нет необходимости теряться в догадках, каким путём дошли до Максима Грека эти известия об открытии Нового Света, а также пути вокруг Африки в Индию и полуострова прямиостей с Моллукских островов. В конце XV — первом десятилетии XVI в. Максим Грек учился во Франции и Италии и был современником великих событий. Московская Русь начала XVI в. вовсе не была абсолютно изолирована от связей с Западом: достаточно напомнить о двукратном посольстве С. Герберштейна — в 1517 и 1526 гг. — в Москву и посольстве Герасимова в Рим в 1525 году. Эллинизированная транскрипция Моллукских островов также указывает на греческие каналы, по которым были получены русскими первые сведения о великих географических открытиях испанцев и португальцев. Важнее установить, что в условиях Московской Руси Максим Грек сумел получить в общем правильные представления о великих географических открытиях испанцев и порту-

гальцев конца XV — начала XVI столетия и пользовался термином «Новый Свет».

В отношении даты «Сказания» Максима Грека имеются прямые указания с его стороны. Максим Грек относит плавание испанцев и португальцев «за Гадес» к моменту, наступившему через сорок или пятьдесят лет по истечении седьмого тысячелетия от «сотворения мира», т. е. именно к 1492 г., по современному летоисчислению. Это даёт основание отнести дату написания «Сказания» инока Максима Грека, — повидному наиболее раннего из сохранившихся документов, относящихся к первым сведениям русских о Новом Свете, — примерно к 1530 г., т. е. спустя сорок лет после плавания Колумба на запад и через тридцать лет после третьей экспедиции Америго Веспуччи (1501—1502 гг.).

Широкое распространение сочинений Максима Грека в Московской Руси обеспечивало проникновение в различные слои русского общества XVI в. сведений о великих географических открытиях испанцев и португальцев, в частности об открытии Нового Света².

После посещения англичанином Ченслором Москвы в 1554 г., путешествия Джеркинсона через Московию в Персию и Среднюю Азию (1557 и 1562 гг.) и ряда экспедиций голландцев, из которых наиболее замечательной была экспедиция Баренца 1596—1597 гг., создались новые возможности для торговых и культурных отношений русских с европейцами.

Как англичане, так и голландцы в этот период искали северо-восточный проход к рынку Японии, Китая, Индии. Этой цели они, как известно, не достигли. Вместо Китая и Индии был открыт северный путь в Московию. Экспедиция Уиллоуби и Ченслора 1553—1554 гг., снаряжённая «Компанией и Товариществом отважных купцов для открытия районов, владений, островов и неизвестных мест» (The Company and Fellowship of merchant Adventurers for the discovery of unknown lands, etc.), стала называться «Московской, или Росспийской, компаниею». Один из прежних спутников Ченслора — Барроу — в 1556 г. достиг о. Вайгач и проник в Карское море. Конкуренты англичан — голландцы, — в свою очередь, к 1577 г. установили через Белое море прочные торговые связи с Московией. В 1584 г. голландец (из Энкгюйзена) Олавер Брунель, который находился в плену у Строгановых и по их поручению ездил за Урал к Оби и в другие местности на севере, сообщил обстоятельные сведения о «земле самоедов»³. В задачу экспедиции

¹ Максим Грек следует в этом случае средневековым представлениям о «Верхней Индии», которую полагали лежащей к северу от Китая. Эти представления удерживались и в начале нового времени (см. карту мира Мюнстера 1540 г., воспроизведенную в книге Л. Багрова «История географической карты», стр. 22. Петроград. 1917). В этой связи очевидно, что выражение Максима Грека «до востока солнца зямляго ко Индии» расшифровывается как к северо-востоку в направлении к Верхней Индии (India Superior).

² Белокуров С. «О библиотеке московских государей в XVI столетии», стр. ССХХ—СССХІV. М. 1899. О распространённости сочинений Максима Грека свидетельствуют, например, сохранившиеся к концу XIX в. около 250 рукописных копий в 50 различных библиотеках и частных коллекциях.

³ Гамель И. «Англичане в России», стр. 211—213, 219. СПб. 1869.

Линскотена и Баренца (1594 г.) прямо входило «плыть в Северные моря для открытия царства Китая и Китая на север от Норвегии, Московии и вокруг Тартарии»¹.

Этот подвиг географических интересов к северным районам и оживление торговых связей с иностранцами в конце XVI в. не могли не вызвать соответствующего расширения представлений о мире в Московском государстве.

Однако географические представления в Московской Руси развивались не только в результате усиления контакта с иностранцами, но и вследствие укрепления государства в центре и роста колонизации окраин, особенно на севере и востоке. «Изумлённая Европа, в начале княжения Ивана III едва ли даже подозревавшая о существовании Московии, зажатой между Литвой и татарами, была ошеломлена появлением огромной империи на восточных своих окраинах»².

И всё же в отношении великих открытий в Новом Свете и в других частях мира сведения русских в XVI в. продолжали ещё носить отрывочный характер. Лишь через полвека после «Сказания инока Мансыма Грека», упоминающего о Новом Свете, в Москве был закончен перевод польской «Хроники всего мира» М. Бельского. В этой «Хронике» новый континент впервые на русском языке называется Америкой.

Польский оригинал «Хроники» Бельского вышел первым изданием в 1560 году. Русские переводы делались со второго издания этой «Хроники», 1554 г., и третьего издания, 1564 года. Первый из сохранившихся переводов «Хроники» Бельского на русский язык датирован 1584 г. и сделан не с польского, а с западнорусского языка. Имеется ряд других переводов «Хроники» Бельского на русский язык.

Рукописная копия русского перевода «Хроники» Бельского, хранящаяся в Ленинградской Публичной библиотеке, представляет фоллиант, состоящий из 1347 пронумерованных листов размером 29 X 38 сантиметров. Начало свитка копии датировано 1671 годом. Иллюстрации, имевшиеся в польском оригинале, в этой копии отсутствуют. Пустые места, оставленные для их наклеивания, свидетельствуют, что иллюстрации брались из печатных текстов «Хроники». Русская копия написана скорописью.

Исследованию Америки посвящено шесть глав, занимающих листы 1213—1245. На листе 1304 даётся описание Нового Света. Раздел об Америке озаглавлен «О островах морских Новых, которых прозывают Ново-Свет на восток Снца и на Запад

Снца. и на полден инаполунощ, о которых островех и мудрыя философи старые немогли изведати».

Русский перевод, как правило, близко следует оригиналу, хотя встречаются сокращения, неточности, описки («камбалы» вместо «канибалы»), недопустимые упрощения (например «ушци» вместо «фунты», вместо миль — вёрсты).

В духе того времени большое место уделено повествованию о канибалах. Немало в «Хронике» Бельского и в русском переводе её баснословных сведений о Новом Свете. Например рассказывается, что брат Христофора Колумба, Варфоломей, открыл на Испаньоле (о. Гаити) золотые месторождения, которые разрабатывались царём Соломоном.

В разделе об Америке «Хроники» Бельского излагались краткие сведения о тех, кто впервые её открыл и исследовал, о географии и туземцах новооткрытых земель. При этом в «Хронике» ещё не проводится достаточно отчётливого разделения между открытиями в Вост- и Ост-Индии.

Раздел о Новом Свете начинается с описания первого путешествия Христофора Колумба. Повидимому, это — самое раннее упоминание о Колумбе из сохранившихся памятников русской литературы³. В «Хронике» сообщается ряд общих сведений о Колумбе: о том, что он итальянец, родом из «Енова» (Генуя); что, получив суда от испанского короля, Колумб отплыл 1 сентября 1498 г. из Испании и через тридцать два дня плавания открыл два острова: о. Иоанна, названный якобы в честь королевы испанской (в действительности — в честь наследника Хуана), и о. Испанна, или Ишпанна, — современный о. Испаньола, или Гаити⁴. В дальнейшем упоминается о Кубе, как не имеющий ничего общего с о. Иоанна (Хуана) Остров Иоанна, т. е. современная Куба, характеризуется как не имеющий населения; наоборот, о населении о. Ишпанна (о. Гаити) даются довольно обстоятельные сведения.

Хронологические сведения о первой экспедиции Колумба в «Хронике» Бельского далеки от точности. Как известно, суда этой экспедиции вышли из порта Палос де ла Фронтера в Испании 3 августа 1492 года. 2 сентября они соединились у о. Хо-

³ Yagmolin sky A. Studies im Russian Americana: I. «The Translation of Bielski Chronicle (1584).— Bulletin of the New York Public Library. Vol. 43. 1939, № 12, p. 899.

⁴ Как известно, Колумб отплыл из порта Палос де ла Фронтера в Испании 2 августа 1492 года. Через 33 неполных дня плавания, считая с момента прекращения штиля у Канарских островов, на судах экспедиции Колумба были впервые замечены огни новой земли. 12 октября 1492 г. Колумб высадился на о. Гуанахани, в группе Бермудских островов. Остров Гуанахана назывался Колумбом о. Сан-Сальвадор, — повидимому, современный о. Уотлинг.

¹ Baker C. A history of geographical Discovery and Exploration, p. 123—123. 1930. Тартарией, или Татарией, в XVI—XVIII столетиях называли Сибирь, или северную и северо-восточную части Азии.

² К. Маркс. «Секретная дипломатия XVIII века».

мера, в группе Канарских островов, и 6 сентября 1492 г. отплыли отсюда на запад. В ночь на 12 октября 1492 г. на кораблях экспедиции Колумба были замечены первые огни, и 12 октября Колумб впервые вступил на небольшой остров, названный им Сан-Сальвадор (Спаситель). Этот островок в группе Багамских, — по-видимому, современный о. Уотлинг — не имел ничего общего ни с о. Иоанна (Кубой), ни с о. Испанна (Испаньолой, или Гаити), которые первая экспедиция Колумба открыла позднее.

В русском переводе «Хроники» Бельского даются также сведения о второй и третьей экспедициях Колумба. При описании второго путешествия упоминаются острова Доминика, Санта-Крус и др., а также форт Томасо на Испаньоле.

В отличие от путаной и далеко не точной хронологии событий, связанных с предшествовавшими путешествиями Колумба, дата его третьего путешествия указывается верно; зато географические сведения, относящиеся к третьему путешествию Колумба, иногда принимают фантастический оттенок: например вместо залива Пария между о. Тринидад и южноамериканским континентом появился «остров Пария». При этом, следуя польскому оригиналу, в русском переводе испанские имена спутников Колумба латинизированы или сильно искажены: вместо «Роланд» стоит «Орландус», вместо «Педро Алонсо Ниньо» — «Петрус Алонцус», вместо «Пинсон» — «Пинцонус».

Остальная часть раздела об Америке посвящена плаваниям Веспуччи. Она начинается с сообщения о третьем путешествии, которое в 1501 г. совершил «Алберкиус веспучиус испан». Затем идёт изложение открытий португальцев в Ост-Индии, включая плавание Магеллана. После этого следуют четыре главы, описывающие соответствующие действительные и сомнительные путешествия Веспуччи. Этим главам предшествует общее вступление-заголовок (лист 1238) «О походе америкуса Веспучца; Америкус прозван именем отвеликого острова америка. а тот остров можно про-

звать за четвертую часть света: а нашем тот остров америкус веспучца»¹.

Источники «Хроники» Бельского об Америке показывают новый канал получения географических сведений в Московской Руси XVI столетия. Это уже не религиозные источники, а книги, печатавшиеся в Базеле и составленные гуманистами. Через Польшу и Литву, пройдя этап предварительного перевода на западнорусский язык или путём непосредственного перевода польской «Хроники» Бельского на русский язык, Московская Русь получала более детальные и дополнительные сведения о великих географических открытиях, в том числе о плаваниях Америго Веспуччи и Магеллана дель Камо (1519—1522 гг.).

Новый подъём русской колонизации Сибири в XVII в., укрепление Московского государства после кризиса 1598—1613 гг., расширение экономических и культурных связей с Западом вызвали большой интерес русских к иностранным географическим и картографическим изданиям. «Что было переведено в Москве в XVII веке? Всего более интересовались географией. Все лучшие труды по этой науке общего характера, явившиеся в Западной Европе в конце XVI и в XVII веке, были у нас переведены. Это сочинения Ботеро, Ортелиуса, Меркатора, де Линда, огромный амстердамский атлас Блеу, ещё несколько сочинений, оригиналы (а вместе и авторы) которых нам неизвестны»². В конце XVII в. были переведены и пользовались широким распространением в Московской Руси другие голландские атласы: (напр. P. Goos и De Wit.). Таким образом, образованные русские в XVII в. знали уже о Новом Свете всё, что было известно о нём европейцам в ту эпоху.

¹ Как известно, Америго Веспуччи был флорентинцем по происхождению, а не испанцем. Он лишь принимал участие или возглавлял экспедиции, предпринимавшиеся Испанией и Португалией. Третье плавание Америго Веспуччи совершил по поручению португальского короля.

² Соболевский А. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв., стр. 46—47. СПб. 1903.

ДОКУМЕНТЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

С ФРОНТОВ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

НАСТУПЛЕНИЕ НАШИХ ВОЙСК ПРОДОЛЖАЕТСЯ

I.

ПОД СТАЛИНГРАДОМ

В течение 30 ноября наши войска под Сталинградом, преодолевая сопротивление противника, продвинулись на 6—10 километров и заняли ряд укрепленных пунктов. За время боёв с 26 по 30 ноября противник оставил на поле боя до 20.000 трупов солдат и офицеров.

II.

НА ЦЕНТРАЛЬНОМ ФРОНТЕ

В течение 30 ноября наши войска на Центральном фронте, преодолевая сопротивление противника и отражая контратаки его пехоты и танков, успешно продолжали наступление и заняли несколько населённых пунктов.

За день боёв захвачено: танков — 17, орудий — 37, пулемётов — 40, складов — 12 и уничтожено 58 танков.

Противник оставил на поле боя 7.500 трупов солдат и офицеров.

«Правда» от 1 декабря 1942 г.

Совинформбюро.

ТРОФЕИ НАШИХ ВОЙСК И ПОТЕРИ ПРОТИВНИКА

I.

ПОД СТАЛИНГРАДОМ

За время наступления наших войск под Сталинградом с 19 ноября по 11 декабря захвачено у противника: самолётов — 105, танков — 1.510, орудий разных калибров — 2.134, миномётов — 1.714, счётверённых зенитных установок — 28, пулемётов — 4.175, противотанковых ружей — 311, автоматов — свыше 2.000, снарядов — 4.196.000, патронов — свыше 20.000.000, автомашины — 7.306, мотоциклов — 1.385, радиостанций — 62, кабеля телефонного 522 километра и другое военное имущество.

К исходу 11 декабря количество пленных увеличилось на 6.400 человек. Всего за время боёв с 19 ноября по 11 декабря взято в плен 72.400 солдат и офицеров противника.

За время боёв с 19 ноября по 11 декабря нашими войсками уничтожено 632 самолёта противника, из них 353 транспортных самолёта, 548 танков, 934 орудия разных калибров, 1.946 пулемётов, 1.386 автомашин.

За это же время под Сталинградом противник потерял только убитыми более 94.000 солдат и офицеров, из них четыре пятых — немцы, остальные румыны.

II.

НА ЦЕНТРАЛЬНОМ ФРОНТЕ

За время боёв с 25 ноября по 11 декабря на Центральном фронте нашими войсками захвачено: танков — 194, орудий разных калибров — 550, пулемётов — 1.053, винтовок — около 7.000, снарядов — до 300.000, патронов — 7.126.000, автомашин — 920, радиостанций — 58, складов разных — 43.

За это же время захвачено в плен 2.100 немецких солдат и офицеров.

Нашими войсками уничтожено более 200 самолётов противника, 416 танков, 541 орудие, более 1.000 миномётов, 1.230 пулемётов, 850 автомашин.

По неполным данным за время боёв на Центральном фронте немцы потеряли только убитыми свыше 75.000 солдат и офицеров.

Совинформбюро.

«Правда» от 13 декабря 1942 г.

НАСТУПЛЕНИЕ НАШИХ ВОЙСК В РАЙОНЕ СРЕДНЕГО ТЕЧЕНИЯ ДОНА

На днях наши войска, расположенные в районе среднего течения ДОНА, перешли в наступление против немецко-фашистских войск. Наступление началось в двух направлениях: с северо-запада на участке **НОВАЯ КАЛИТВА—МОНАСТЫРЩИНА**, и с востока — в районе **БОКОВСКАЯ**. Прорвав оборону противника на участке Новая Калитва — Монастырщина протяжением 95 километров и в районе Боковская — протяжением 20 километров, наши войска за четыре дня напряжённых боёв, преодолевая сопротивление противника, продвинулись вперёд от 50 до 90 километров. Нашими войсками занято более 200 населённых пунктов, в том числе города **НОВАЯ КАЛИТВА, КАНТЕМИРОВКА, БОГУЧАР** и районные центры **ТАЛЫ, РАДЧЕНСКОЕ, БОКОВСКАЯ**.

В ходе наступления наших войск разгромлены девять пехотных дивизий и одна пехотная бригада противника. Нанесены большие потери четырём пехотным дивизиям и одной танковой дивизии противника.

Захвачено за четыре дня боёв более 10.000 пленных.

По далеко неполным данным нашими войсками захвачены следующие трофеи: танков — 84, орудий разных калибров — 1.102, миномётов — 608, пулемётов — 1.729, винтовок — 28.000, противотанковых ружей — 420, автомашин — 2.720, мотоциклов — 300, лошадей — более 1.000, складов с боеприпасами, вооружением и продовольствием — 45. Трофеи подсчитываются.

Уничтожено: самолётов — 64, танков — 88, орудий — 120, автомашин — свыше 500, повозок с различным военным грузом — 203.

Противник оставил на поле боя свыше 20.000 трупов солдат и офицеров.

Прорыв осуществлён силами Юго-Западного фронта, которым командует генерал-полковник тов. **ВАТУТИН Н. Ф.**, и Воронежского фронта, которым командует генерал-лейтенант тов. **ГОЛИКОВ Ф. И.**

В боях отличились войска генерал-лейтенанта **КУЗНЕЦОВА В. И.**, генерал-лейтенанта **ЛЕЛЮШЕНКО Д. Д.**, генерал-майора **ХАРИТОНОВА Ф. М.**

Наступление наших войск продолжается.

Совинформбюро.

«Правда» от 20 декабря 1942 г.

**НАСТУПЛЕНИЕ НАШИХ ВОЙСК В РАЙОНЕ СРЕДНЕГО ДОНА
ПРОДОЛЖАЕТСЯ**

В течение 20 декабря наши войска в районе среднего Дона продолжали успешно развивать наступление на прежних направлениях и, преследуя поспешно отходящие на юго-запад разбитые немецко-фашистские войска, продвинулись на 25—30 километров. Всего за пять дней наступления наши войска продвинулись вперёд на 75—120 километров.

За день боя нашими войсками занято более 100 населённых пунктов и в числе их крупные населённые пункты — **МАНЬКОВО-КАЛИТВЕНСКАЯ, ШЕПТУХОВКА, ДЕТЬЕВО, КУТЕЙНИКОВ, АЛЕКСЕЕВО-ЛОЗОВСКАЯ, СЕТРАКОВСКИЙ, МЕШКОВ, БАСКОВСКАЯ, КРУЖИЛИН, КАРГИНСКАЯ**.

К исходу 20 декабря количество пленных увеличилось на 3.500 человек. Всего за время боёв с 16 по 20 декабря наши войска захватили в плен свыше 13.500 солдат и офицеров противника.

За время боёв с 16 по 20 декабря нашими войсками захвачено: танков — 89 и, кроме того, эшелон с танками, орудий разных калибров — 1.320, миномётов — 800, пулемётов — 1.969, винтовочных патронов свыше 10 миллионов, снарядов и мин — более 1 миллиона, радиостанций — 70, автомашин — 6.320, тягачей — 90, лошадей — 3.600, складов с боеприпасами, вооружением и продовольствием — 77.

За 20 декабря противник оставил на поле боя свыше 8.000 трупов солдат и офицеров.

Совинформбюро.

«Правда» от 21 декабря 1942 г.

**НАСТУПЛЕНИЕ НАШИХ ВОЙСК В РАЙОНЕ
СРЕДНЕГО ДОНА ПРОДОЛЖАЕТСЯ**

В течение 22 декабря наши войска в районе среднего Дона продолжали успешно развивать наступление на прежних направлениях и, преследуя отходящие в беспорядке разбитые немецко-фашистские войска, заняли несколько десятков населённых пунктов, в том числе крупные населённые пункты — **КОЛЕЩАТОЕ, НИКОЛЬСКОЕ, МОРОЗОВКА, ВЕРХНЕГРАЧЕВСКИЙ, ПОПОВКА, КАМЕНСКИЙ, ГРЕКОВ, ФЕДОРОВКА**.

К исходу 22 декабря количество пленных увеличилось на 6.700 человек. Всего за время боёв с 16 по 22 декабря наши войска захватили в плен 20.200 солдат и офицеров противника.

За время боёв с 16 по 22 декабря нашими войсками захвачено: танков — 108, орудий разных калибров — 1.637, пулемётов — 2.369, автомашин — 6.755, лошадей — 5.500, складов с боеприпасами, вооружением и продовольствием — 82.

За 21 декабря противник оставил на поле боя около 7.000 трупов солдат и офицеров.

Совинформбюро.

«Правда» от 23 декабря 1942 г.

НАСТУПЛЕНИЕ НАШИХ ВОЙСК В РАЙОНЕ СРЕДНЕГО ДОНА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

В течение 23 декабря наши войска в районе среднего ДОНА, продолжая успешно развивать наступление на прежних направлениях, продвинулись на 20—30 километров. Всего за семь дней наступления наши войска продвинулись вперёд на 145—165 километров.

Нашими войсками занято несколько десятков населённых пунктов, в том числе крупные населённые пункты — КАБЫЧИНО, БАРАННИКОВКА, НОВОСЕЛОВКА, ОЛЬХОВЫЙ РОГ, БОЛЬШИНСКАЯ, СУЛИНСКИЙ и районные центры — ВОЛОШИНО, ПЕРВОМАЙСКОЕ.

К исходу 23 декабря количество пленных увеличилось на 16.400 человек. Всего за время боёв с 16 по 23 декабря наши войска захватили в плен 36.600 солдат и офицеров противника.

За время боёв с 16 по 23 декабря нашими войсками захвачено: танков — 148, орудий разного калибра — 1.805, пулемётов — 2.849, автоматов — 2.000, винтовок — 48.399, автомашин — 7.414, мотоциклов — 1.151, лошадей — 5.800.

Уничтожено: самолётов — 85, танков — 120, орудий — 235, автомашин — свыше 1.000, повозок с различным военным грузом — более 900.

За 22 декабря противник оставил на поле боя около 8.000 трупов солдат и офицеров.

Совинформбюро.

«Правда» от 24 декабря 1942 г.

НАСТУПЛЕНИЕ НАШИХ ВОЙСК В РАЙОНЕ СРЕДНЕГО ДОНА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

В течение 24 декабря наши войска в районе среднего ДОНА, продолжая успешно развивать наступление на прежних направлениях, продвинулись на 20—25 километров. Всего за восемь дней наступления наши войска продвинулись вперёд на 135—190 километров.

Нашими войсками занято несколько десятков населённых пунктов, в том числе крупные населённые пункты — МИХАЙЛОВО-АЛЕКСАНДРОВСКИЙ, КОЛОДЕЗИ, МАНЬКОВО-БЕРЕЗОВО, СЕЛИВАНОВКА, районные центры — СКОСЫРСКАЯ и МИЛЮТИНСКАЯ и крупные железнодорожные станции — ЧАЙКИН, ШЕПТУХОВКА.

К исходу 24 декабря количество пленных увеличилось на 5.600 человек. Всего за время боёв с 16 по 24 декабря наши войска захватили в плен 42.200 солдат и офицеров противника.

За 23 декабря противник оставил на поле боя более 6.000 трупов солдат и офицеров.

II.

НАСТУПЛЕНИЕ НАШИХ ВОЙСК НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

На днях наши войска в районе юго-восточнее Нальчика перешли в наступление и, сломав сопротивление противника, продвинулись на 18—20 километров. Нашими войсками заняты крупные населённые пункты ДЗУРИКАУ, КАДГОРОН, АРДОН, АЛАГИР, НОГКАУ.

Совинформбюро.

«Правда» от 25 декабря 1942 г.

НАСТУПЛЕНИЕ НАШИХ ВОЙСК В РАЙОНЕ СРЕДНЕГО ДОНА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

В течение 25 декабря наши войска в районе среднего ДОНА, продолжая успешно развивать наступление на прежних направлениях, заняли несколько десятков населённых пунктов, в том числе крупные населённые пункты — ФИСЕНКОВО, МАРКОВКА (западнее Кантемировка), БУГАЕВКА, РОССОХОВАТЫЙ, БОНДАРЕВКА, ГРЕКОВО, ФОМИНКА, КУТЕЙНИКОВ, районный центр и крупная железнодорожная станция МАЛЬЧЕВСКАЯ.

К исходу 25 декабря количество пленных увеличилось на 7.500 человек. Всего за время боёв с 16 по 25 декабря наши войска захватили в плен 49.700 солдат и офицеров противника.

За время боёв с 16 по 25 декабря нашими войсками захвачено: танков — 172, орудий — 1.877, винтовок — 54.000, радиостанций — 82, мотоциклов — 1.177, повозок — 1.115, лошадей — 6.783, складов с боеприпасами, оружием и продовольствием — 97.

Уничтожено: самолётов — 107, танков — 133, орудий разных калибров — 251.

За 24 декабря противник оставил на поле боя более 7.000 трупов солдат и офицеров.

II.

НОВЫЙ УДАР НАШИХ ВОЙСК ЮГО-ЗАПАДНЕЕ СТАЛИНГРАДА

С целью выручить свою группировку, окружённую нашими войсками под СТАЛИНГРАДОМ, противник сосредоточил в районе севернее КОТЕЛЬНИКОВО шесть дивизий, из них три танковых, и этими силами 12 декабря предпринял наступление против наших войск. В первые дни боёв, пользуясь некоторым превосходством в силах, противнику удалось потеснить наши части и занять несколько населённых пунктов.

В активных оборонительных боях наши войска измотали силы противника, а затем сами перешли в контрнаступление и, сломив сопротивление противника, отбросили его на юго-запад на 20—25 километров. Нашими войсками вновь заняты населённые пункты НИЖНЕ-КУМСКИЙ, ВАСИЛЬЕВКА, КАПКИНКА, ПАРИЖСКАЯ КОММУНА, БИРЗОВОЙ, ВЕРХНЕ-КУМСКИЙ, ЖУТОВ 2-й, КЛЫКОВ.

С 12 по 24 декабря наши войска уничтожили: самолётов немецких — 268, танков — до 300, орудий разных калибров — 160.

За это же время противник потерял только убитыми до 9.000 солдат и офицеров.

III.

НАСТУПЛЕНИЕ НАШИХ ВОЙСК НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

В течение 25 декабря наши войска продолжали развивать наступление в районе юго-восточнее НАЛЬЧИКА. За дни боёв с 22 по 25 декабря наши войска продвинулись на 25—30 километров и заняли крупные населённые пункты — КРАСНОГОР, БЕЛОРЕЧЕНСКАЯ, ДИГОРА, КАРМАН-СИНДИКАУ, МОСТИДЗАХ, ДУР-ДУР.

С 22 по 25 декабря нашими войсками захвачено: танков — 32, орудий — 30, пулемётов — 88, винтовок — более 1.000, винтовочных патронов — 300.000, а также много снарядов и мин.

Уничтожено: танков — 36, орудий — 19, пулемётов — 180, автомашин — 365.

За это же время противник потерял убитыми более 2.000 солдат и офицеров.

С о в и н ф о р м б у р о .

«Правда» от 26 декабря 1942 г.

I.

НАСТУПЛЕНИЕ НАШИХ ВОЙСК В РАЙОНЕ СРЕДНЕГО ДОНА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

В течение 26 декабря наши войска в районе среднего ДОНА, продолжая успешно развивать наступление на прежних направлениях, продвинулись на 15—20 километров. Всего за 11 дней наступления наши войска продвинулись вперёд на 145—200 километров.

Нашими войсками занято несколько десятков населённых пунктов, в том числе город и крупная железнодорожная станция — ТАЦИНСКАЯ, районный центр и крупная железнодорожная станция ВЕРХНЕ-ТАРАСОВКА, районные центры КРИБОРОЖЬЕ, КАШАРЫ, ЕФРЕМОВО-СТЕПАНОВКА и крупные населённые пункты — КАСЬКОВКА, НИКОЛЬСКАЯ, ШАРПАЕВКА, ИЛЬИНКА, КОСТИНО-БЫСТРЯНСКИЙ, ГРУЗИНОВ. Всего за время боёв с 16 по 26 декабря нашими войсками освобождено 812 населённых пунктов, в том числе 8 районных центров и 7 крупных железнодорожных станций.

К исходу 26 декабря количество пленных увеличилось на 6.300 человек. Всего за время боёв с 16 по 26 декабря наши войска захватили в плен 56.000 солдат и офицеров противника.

Нашими частями в районе ТАЦИНСКАЯ захвачено на аэродромах 300 немецких самолётов и на железнодорожной станции ТАЦИНСКАЯ — эшелон с 50 самолётами.

Всего за время боёв с 16 по 26 декабря нашими войсками захвачено: самолётов — 351, танков — 178, орудий — 1.927, миномётов — 850, огнемётов — 370, противотанковых ружей — 690, винтовок — 56.000, винтовочных патронов — свыше 30 миллионов, мотоциклов — 1.500, повозок — 1.150, складов с боеприпасами, оружием и продовольствием — 310, железнодорожных вагонов — 920, паровозов — 21.

За это же время уничтожено: самолётов — 117, танков — 172, орудий разных калибров — 268.

За 25 декабря противник оставил на поле боя около 3.000 трупов солдат и офицеров.

II.

НАСТУПЛЕНИЕ НАШИХ ВОЙСК ЮГО-ЗАПАДНЕЕ СТАЛИНГРАДА

В течение 26 декабря наши войска юго-западнее Сталинграда продолжали теснить противника, продвинулись на 10—20 километров и заняли населённые пункты — НОВОАКСАЙСКИЙ, ГЕНЕРАЛОВСКИЙ, КАНДАУРОВ, ШЕСТАКОВ, АНТОНОВ, КРУГЛЯКОВ, РОМАШКИН, ЧИЛЕКОВ.

Совинформбюро.

«Правда» от 27 декабря 1942 г.

НАСТУПЛЕНИЕ НАШИХ ВОЙСК ЮЖНЕЕ СТАЛИНГРАДА

В течение 28 декабря наши войска южнее СТАЛИНГРАДА, продолжая успешно развивать наступление на Котельниковском направлении, продвинулись на 20—25 километров и заняли ряд населённых пунктов и в том числе районный центр ЗАВЕТНОЕ, ВЕРХНЕ-КУРМОЯРСКАЯ, НИЖНЕ-ЯБЛОЧНЫЙ, МАЙОРСКИЙ, НАГОЛЬНЫЙ, КАРАИЧЕВ, КРАЙНЯЯ БАЛКА, ПОПЕРЕЧНЫЙ, БУДАРКА, КРЫЛОВ, ШАБАЛИН, НОВО-ИЛОВЛИНСКИЙ, НИКОЛЬСКИЙ, КИСЕЛЁВКА, КЕТЧЕНЕРЫ, КИЧКИНО и железнодорожные станции НЕБЫКОВСКИЙ, ГРЕМЯЧАЯ, КУРМОЯРСКИЙ. Всего за 4 дня боёв наши войска продвинулись вперёд на 60—85 километров.

К исходу 28 декабря количество пленных достигло на этом участке 3.500 человек.

Нашими войсками с 12 по 27 декабря на этом участке захвачено: танков — 60, орудий разных калибров — 155, автомашин — 105, складов с боеприпасами — 2. Уничтожено: самолётов — 278, танков — 427, орудий разных калибров — 221, миномётов — 85, пулемётов — 537, автомашин — 877, складов разных — 15.

За это же время противник потерял только убитыми 17.000 человек.

Совинформбюро.

«Правда» от 29 декабря 1942 г.

29 декабря наши войска овладели городом и железнодорожной станцией КОТЕЛЬНИКОВО. Захвачены большие трофеи, среди которых много авиационного и танкового имущества, а также 17 исправных самолётов и эшелон с танками. Трофеи подсчитываются.

В районе среднего ДОНА и на ЦЕНТРАЛЬНОМ фронте наши войска продолжают вести наступательные бои.

Совинформбюро.

«Правда» от 30 декабря 1942 г.

ЗВЕРСТВА ФАШИЗМА

СОВМЕСТНАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВ БЕЛЬГИИ, ВЕЛИКОБРИТАНИИ, ГОЛЛАНДИИ, ГРЕЦИИ, ЛЮКСЕМБУРГА, НОРВЕГИИ, ПОЛЬШИ, СОЕДИНЁННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ, СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК, ЧЕХОСЛОВАКИИ, ЮГОСЛАВИИ И ФРАНЦУЗСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО КОМИТЕТА О ПРОВОДИМОМ ГИТЛЕРОВСКИМИ ВЛАСТЯМИ ИСТРЕБЛЕНИИ ЕВРЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЕВРОПЫ

Внимание Правительство Бельгии, Великобритании, Голландии, Греции, Люксембурга, Норвегии, Польши, Соединённых Штатов Америки, Союза Советских Социалистических Республик, Чехословакии, Югославии и Французского Национального Комитета было обращено на многочисленные сообщения из Европы о том, что германские власти на всех территориях, на которые распространяется их варварский режим, не ограничиваясь лишением всех лиц еврейского происхождения самых элементарных человеческих прав, сейчас проводят в жизнь неоднократно высказанное Гитлером намерение истребить еврейский народ в Европе. Из всех оккупированных стран евреи транспортируются в Восточную Европу в условиях неслыханной жестокости и ужасов. В Польше, которая превращена в главную нацистскую бойню, из созданных германскими захватчиками гетто систематически забираются все евреи, исключая немногих рабочих высокой квалификации, которые нужны для военной промышленности. О тех, кто устал, никто уже больше ничего не слышит.

Трудоспособные медленно загоняются в гроб на непосильной работе в трудовых лагерях, немощные обрекаются на голодную смерть или преднамеренно истребляются массовыми казнями. Количество жертв этих кровавых расправ исчисляется многими сотнями тысяч ни в чем неповинных мужчин, женщин и детей.

Вышеперечисленные Правительства и Французский Национальный Комитет осуждают самым решительным образом эту зверскую политику хладнокровного истребления. Они заявляют, что подобные события могут только усилить решимость свободолюбивых народов свергнуть варварскую тиранию Гитлера. Они вновь подтверждают своё торжественное обязательство обеспечить совместно со всеми Объединёнными Нациями, чтобы лица, ответственные за эти преступления, не избежали заслуженного возмездия, и ускорить необходимые практические мероприятия для достижения указанной цели.

«Правда» от 18 декабря 1942 г.

ОБ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ГИТЛЕРОВСКИМИ ВЛАСТЯМИ ПЛАНА ИСТРЕБЛЕНИЯ ЕВРЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЕВРОПЫ

В распоряжении Народного Комиссариата Иностранных Дел имеется достоверная информация, свидетельствующая о том, что за последнее время на территориях оккупированных немецко-фашистскими захватчиками стран Европы повсеместно наблюдается новое усиление гитлеровского режима кровавых массовых расправ над мирным населением. Не подлежит сомнению, что преступные гитлеровские правители, желая поглотить в крови невинных людей свой животный страх перед близящейся гибелью и расплатой и видя, что им не сломить воли народов Европы к восстановлению своей независимости и свободы, проводят в жизнь зверский план физического истребления значительной части гражданского населения оккупированных немцами территорий, — ни в чем неповинных людей разной национальности, разного социального положения, разных убеждений и веры, любого возраста.

При этом гитлеровцы и их сообщники ускоренными темпами проводят свой особый план поголовного уничтожения еврейского населения на оккупированной территории Европы. Наличие этого плана и его быстрое осуществление явствуют из сведений, поступивших из авторитетных источников и лёгших в основу опубликованной 18 декабря сего года Совместной Декларации правительств Бельгии, Великобритании, Голландии, Греции, Люксембурга, Норвегии, Польши, США, Советского Союза, Чехословакии, Югославии и Французского Национального Комитета о проводимом гитлеровскими властями истреблении еврейского населения Европы. Людоедский план, разработанный Гитлером в начале текущего года, предусматривает концентрацию до конца 1942 года на Востоке Европы, главным образом на территории Польши, около 4 миллионов евреев, с целью их умерщвления. Речь идёт о подавляющем большинстве евреев, населяющих оккупированные немцами страны Европы, а также и саму Германию. Переброска этих обречённых на смерть мирных граждан в Польшу, превращённую в главную фашистскую бойню, заканчивается. По данным Всемирного Еврейского Конгресса и ряда других еврейских общественных организаций Европы и Америки, равно как по данным Польского Правительства, число евреев, истреблённых гитлеровцами до настоящего момента в осуществление этого поистине дьявольского плана, составляет уже многие сотни тысяч мужчин, женщин и детей, из которых примерно половина была привезена гитлеровцами на польскую территорию из Германии, подвассальных ей Венгрии и Румынии, а также из оккупированных гитлеровцами европейских стран — Чехословакии, Австрии, Франции, Бельгии, Голландии и Норвегии. За последнее время начался насильственный массовый увоз германскими оккупантами французских граждан еврейской национальности из ранее неоккупированной зоны Франции. В Финляндии, как и в других странах гитлеровского «нового порядка», евреи загнаны в концентрационные лагеря. В конце ноября и начале декабря сего года германские оккупационные власти усилили насильственную переброску еврейских женщин, детей и стариков из Норвегии в Польшу, всё с той же целью массового умерщвления. По данным, полученным из авторитетных норвежских кругов, только за два дня — 26 ноября и 7 декабря — из Норвегии были погружены на пароходы для отправки в Германию, а оттуда в Польшу, свыше 2.000 евреев. По сигналу сирены, агенты гестапо произвели облаву в гор. Осло, загоняли всех задержанных на пароходы, не щадили ни людей, находившихся в больницах и домах престарелых, разлучали жён с мужьями, отрывали детей от родителей. В тех же условиях нечеловеческой жестокости происходит массовая отправка в Польшу лиц еврейской национальности из других оккупированных гитлеровцами стран, причём значительная часть высылаемых погибает уже в пути от голода и болезней.

Как видно из поступившей информации, нет зверства, которое не применили бы гитлеровские выродки для того, чтобы ускорить чудовищный процесс массового уничтожения сотен тысяч мирных граждан. Помимо расстрела из пулемётов мужчин, женщин и детей, происходит их умерщвление в специально оборудованных газовых камерах, убийство электрическим током, массовое сожжение, отравление пленников концентрационных лагерей синильной кислотой. Поощряется, путём уплат специальных премий, индивидуальное убийство сосланных. В лагерях предписывается обяза-

тельное убийство любого заключённого, проболевшего более двух дней. Особо организуется массовое убийство детей в возрасте до 12 лет. При этой кровавой оргии истребления гитлеровцы временно щадят лишь немногих, наиболее физически выносливых и имеющих специальную квалификацию людей, могущих пригодиться на военных предприятиях Германии, пока и эти люди не становятся жертвой непосильного каторжного труда.

Евреи, привозимые в Польшу из других оккупированных немцами стран, загоняются либо в концентрационные лагеря, либо в устроенные оккупантами во всех городах еврейские гетто, из которых затем тысячи уводятся на расстрел в окрестностях городов или увозятся в неизвестном направлении с той же целью уничтожения. Некоторое представление о масштабах этих массовых расправ дают следующие цифры по отдельным польским городам: к началу германской оккупации Польши, в Варшавском гетто было сосредоточено свыше 400 тысяч евреев; за истекшие три года в это гетто направлялись десятки тысяч евреев, привезённых из Германии и из оккупированных гитлеровцами стран; однако, процесс истребления обитателей этого гетто происходит такими темпами, что в настоящее время в нём осталось едва 40 тысяч человек; из 32 тысяч евреев, живших в гор. Радоме, убито 28.500; из 20 тысяч евреев, населявших гор. Петроково, в живых осталось только 2.600; в гор. Кельцы казнена половина обитателей гетто, насчитывавшего 30 тысяч человек, почти все остальные увезены и судьбы их неизвестны; в гор. Ченстохово из 40.000 евреев осталось в живых около 2.000. Из крупных европейских городов в Польшу высланы сотни тысяч евреев, число которых в таких, например, городах, как Вена и Гамбург, исчисляется теперь всего несколькими сотнями человек. Со страшной силой гитлеровский террор обрушился и на польское население, насчитывающее громадное число жертв гитлеровского террора, ненавидящее оккупантов и сопротивляющееся их гнету.

По имеющимся данным, погромы мероприятия германского правительства направлены и против евреев, мобилизованных в армию гитлеровских вассалов. Так, например, из допроса спасшейся к советским партизанам Орловской области группы венгров-евреев установлено следующее: все венгерские евреи изъяты, по приказу германского командования, из строевых частей венгерской армии и собраны в специально созданные рабочие батальоны, в которых они работают под охраной немецких солдат, нося на левом рукаве отличительные знаки; они подвергаются со стороны немцев неслыханным издевательствам, многие из них погибают от голода, болезней, непосильного труда и побоев; во время боевых действий немцы заставляют этих недавних солдат «союзной» им армии идти впереди немецких обозов, и, если дороги минированы, венгерские евреи взрываются на минах, расчищая тем самым дорогу гитлеровцам.

Сведения, поступающие из временно захваченных противником советских районов, а также показания пленных и перебежчиков, подтверждают и дополняют эту информацию о кровавых расправах гитлеровцев над еврейским населением оккупированных стран Европы. О зверских расправах с привезёнными из Центральной и Западной Европы евреями сообщают также из Минска, Белостока, Бреста, Барановичей и других городов Белорусской ССР, причём все сведения сходятся на том, что белорусское и русское население, которое подвергается наиболее жестоким зверствам со стороны оккупантов, предающих разграблению и огню белорусские города и сёла и истребляющих тысячами их жителей, проявляет замечательную солидарность по отношению к преследуемым и истязаемым евреям, включая и пригоняемых с Запада, и оказывает им всю посильную помощь, содействуя во всех случаях, когда это возможно, их бегству, скрывая их в деревнях, делясь с ними своей скудной пищей.

Установлено, что на территории прибалтийских советских республик гитлеровские палачи, истребляя десятки тысяч лучших людей Литвы, Латвии и Эстонии, в том числе и граждан еврейской национальности, расстреливают евреев, привезённых на эти территории из Германии и из оккупированных немцами стран. Уже вскоре после своего вторжения гитлеровцы расстреляли в Риге свыше 60 тысяч евреев, в том числе многих привезённых из Германии, причём расстрелы производились почти непрерывно, партиями по 300—400 человек, которые вывозились на остров, расположенный на реке Западная Двина (Даугава) в 12 км. от Риги, а также на шоссе, ведущее из Риги на Даугавпилс. Расстреливались целые семьи. Детей вырывали из рук матерей и тут же, на их глазах, убивали или живыми бросали в приготовленные ямы и рвы. В настоящее время в Риге осталось не более 400 евреев, живущих в окружённом колючей проволокой гетто, доступ в которое запрещён. Эта группа евреев, обречённая на голод, медленно вымирает. В Вильнюсе, Свенцянах и других городах Литовской ССР как постоянно жившие там, так и привезённые из Германии евреи истреблены почти полностью. Спасшиеся от расправ скрываются в лесах, где ведут жизнь затравленных зверей, одеты в лохмотья, вымирают от голода и болезней. Известно, что многие литовские крестьяне, которые сами изнывают под тяжёлым гнетом захватчиков, находят пути к тому, чтобы поддержать своих еврейских собратьев и, в меру собственных скудных возможностей, снабжают их пищей, хотя и знают, что подобная помощь, как об этом объявлено оккупантами, карается смертной казнью.

Из Франции, Норвегии, Чехословакии, Голландии поступают сообщения, из которых видно, что страдающее от гитлеровского гнета и расправ население, без разли-

чия национальности, проявляет живейшее сочувствие к лишённым всех человеческих прав, отданным на поругание и угоняемым на убой в Польшу еврейским семьям. Негодование по поводу новой волны террора гитлеровских извергов и уничтожения ими еврейского населения Европы охватило и ряд нейтральных стран. Так, в Швеции поднялось движение протеста против происходящего в Норвегии увоза и истребления евреев. Шведские епископы выпустили воззвание, в котором протестуют против гитлеровского варварства и призывают встать на защиту обрекаемых на муки и истребление евреев. Сведения, проникающие из сопредельных с советской территорией вару-бейных областей, свидетельствуют о том, что даже там, где ещё до вторжения гитлеровских орд местному населению разными способами прививались расовые предрассудки, антиеврейские зверства немцев не только не усиливают, а напротив, устраняют эти предрассудки и укрепляют солидарность и взаимную помощь между всеми жертвами гитлеровского гнёта и расовой ненависти.

Чудовищные преступления гитлеровских грабителей, насильников и палачей над мирными советскими гражданами уже изобличены перед всем цивилизованным миром. Подавляющее большинство жертв этой оргии разбоя и убийства состоит из русских, украинских и белорусских крестьян, рабочих, служащих, интеллигентов. Тяжелы жертвы в рядах литовского, латвийского и эстонского народов, среди жителей Карело-Финской Республики. Относительно к своей небольшой численности, еврейское меньшинство советского населения, объединённое со всеми национальностями Советского Союза горячей любовью к родине, особенно тяжело пострадало от звериной кровожадности гитлеровских вырожденцев.

За последнее время гитлеровские оккупанты ещё более усилили на всём протяжении захваченной советской территории кровавый режим массовых убийств, карательных экспедиций, сожжения деревень, угона сотен тысяч мирных жителей в рабство в Германию, не говоря уже о никогда не прекращающихся грабежах и насилиях над населением временно оккупированных районов. Имеются сведения, свидетельствующие о том, что в этой обстановке бешеного разгула террора гитлеровцы проводят и в отношении советских граждан еврейской национальности свой план поголовного истребления. Так, усиление террора против украинского населения летом и осенью текущего года ознаменовалось рядом кровавых антиеврейских погромов в ряде населённых пунктов Украинской ССР. Только за два дня — 26 и 27 августа — немецко-фашистские погромщики устроили кровавую бойню в следующих украинских городах: в гор. Луцке было расстреляно 20 тысяч евреев, согнанных под предлогом перерегистрации; в гор. Сарны, где весной сего года, одновременно с тысячами украинцев и русских было казнено 18 тысяч евреев, вновь было сконцентрировано из окрестных местечек и деревень свыше 14 тысяч евреев, которые были казнены 26 августа; в эти же два дня в Рокитно было расстреляно 850 украинцев и 1.600 евреев, в Березно — 1.250 человек, в Костополе — 1.400 человек, в Здолбуново — 1.500 человек. Немногие спасшиеся от этих массовых расправ старики, женщины и дети бродят по лесам, оборванные, босые и голодные, в надежде на встречу с партизанскими отрядами. Никогда не будут забыты муки и смерть еврейских стариков, женщин и детей, расстрелянных гитлеровскими извергами в Киеве и Днепродзержинске: только в этих двух городах и только за первые месяцы их оккупации немцами было истреблено более 60.000 человек.

Все эти факты свидетельствуют о том, что гитлеровские изверги не останавливаются ни перед какими кровавыми преступлениями, осуществляя неоднократно высказанное Гитлером намерение истребить еврейский народ в оккупированных немецко-фашистскими войсками странах Европы.

Подобными зверствами против евреев и всей своей изуверской пропагандой антисемитизма гитлеровцы пытаются отвлечь внимание германского народа от надвигающейся на фашистскую Германию катастрофы, приближение которой становится всё более очевидным. Только обречённые на гибель зарвавшиеся авантюристы из клики Гитлера могли возомнить, что можно потопить в крови многих сотен тысяч ни в чём неповинных евреев свои бесчисленные преступления против народов Европы, свергнутых в войну ненасытным германским империализмом. Тем более усиливается решимость всех свободолюбивых народов ускорить разгром и уничтожение гитлеровского государства, гитлеровской армии, гитлеровской правящей клики и тем самым положить конец кровавому разгулу гитлеровских погромщиков и убийц, навсегда освободить народы Европы от угрозы рабства и истребления.

Тяжела будет карающая рука народов, которые сбросят с себя гнёт немецко-фашистских захватчиков. От возмездия освобождённых народов не уйдут ни правящая гитлеровская клика, ни подлые исполнители её преступных кровавых приказов.

**ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ КП(б) УКРАИНЫ
ПРЕЗИДИУМУ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА УКРАИНСКОЙ ССР
СОВЕТУ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ УКРАИНСКОЙ ССР**

Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) и Совет Народных Комиссаров Союза ССР в день 25-летия провозглашения Советской власти на Украине шлют братский привет рабочим, колхозникам и интеллигенции Украинской Советской Социалистической Республики.

Четверть века назад украинский народ, под руководством большевистской партии, низверг власть угнетателей украинского народа и установил подлинно народную власть. Отстаивая свою свободу и независимость, украинский народ в 1918 году, при братской помощи великого русского народа, разгромил и изгнал немецких оккупантов с украинской земли.

За годы существования Советской власти украинский народ добился культурной и зажиточной жизни. На Украине были построены сотни новых крупных заводов и фабрик, многие сотни машинно-тракторных станций, тысячи школ и больниц, клубов и театров. Украина за годы Советской власти превратилась в страну передового, высокопродуктивного сельского хозяйства. Незвиданного расцвета достигла национальная украинская культура. Впервые в истории украинские земли были воссоединены в едином украинском государстве.

Мирный созидательный труд украинского народа нарушен вторжением немецко-фашистских банд. Гитлеровцы разрушили десятки городов и сотни сёл советской Украины, осквернили и уничтожили многочисленные памятники национальной культуры украинского народа, истребили и замучили сотни тысяч украинских мужчин, женщин и детей.

Людоед Гитлер возомнил превратить Украину в колонию немецких империалистов, поработить и онемечить свободолюбивый украинский народ. Этому не бывать! Верные сыны и дочери украинского народа доблестно сражаются в рядах Красной Армии, самоотверженно трудятся в советском тылу, героически борются в партизанских отрядах, подготавливая полное освобождение родной земли от оккупантов.

Украина была и будет советской! Части Юго-Западного фронта уже вступили в первые освобождённые ими украинские сёла. Пусть крепнет и ширится народная освободительная борьба на Украине, в тылу у немецких разбойников.

Центральный Комитет ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров СССР выражают твёрдую уверенность в том, что украинские советские патриоты вместе с другими народами Советского Союза выполняют свой долг перед Родиной.

Да здравствует Украинская Советская Социалистическая Республика!
Смерть немецким оккупантам!

По уполномочию Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) **И. СТАЛИН.**
В. МОЛОТОВ.

«Правда» от 25 декабря 1942 г.

**ПРЕЗИДИУМУ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА УКРАИНСКОЙ СОВЕТСКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

Президиум Верховного Совета СССР шлёт братский привет рабочим, колхозникам и интеллигенции Украинской Советской Социалистической Республики в день её двадцатипятилетней годовщины.

Двадцать пять лет тому назад украинский народ при братской помощи русского народа завоевал себе свободу и независимость. За годы Советской власти трудящиеся Украины добились огромных успехов в развитии промышленности и сельского хозяйства. Неизмеримо поднялось материальное благосостояние и расцвела национальная культура украинского народа. Украинские земли впервые были воссоединены в едином украинском государстве.

Гитлеровские орды своим разбойничьим вторжением нарушили мирный труд украинского народа. Немецко-фашистские захватчики заливают кровью украинские земли, разоряют города и сёла, уводят в немецкое рабство тысячи украинцев, чинят невиданные жестокости над украинским народом, разрушают его национальную культуру.

Украинский народ вместе со всеми народами Советского Союза ведёт героическую борьбу с ненавистными немецко-фашистскими захватчиками. Славные сыны украинского народа доблестно сражаются в рядах Красной Армии, своим беззаветным трудом укрепляют её боевую мощь, всё шире развёртывают партизанскую борьбу в тылу врага.

Президиум Верховного Совета СССР выражает уверенность в том, что украинский народ в тесном содружестве с братскими народами Советского Союза очистит священную советскую землю от фашистской нечисти, отстоит свою свободу и независимость.

Да здравствует Украинская Советская Социалистическая Республика!

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. КАЛИНИН.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН.

«Правда» от 25 декабря 1942 г.

К УКРАИНСКОМУ НАРОДУ

25 лет тому назад под руководством великой партии Ленина—Сталина, с помощью братского русского народа, украинский народ гордо поднял над своей землёй красное знамя Великой Октябрьской Социалистической Революции. 25 декабря 1917 года Первый Всеукраинский съезд Советов провозгласил Украину Советской Социалистической Республикой. Впервые за всю многовековую историю было положено начало украинской государственности. Великий Октябрь принёс Украине желанную свободу.

Враги украинского народа долго не хотели примириться с истинно народной властью на Украине.

Вековечный наш враг — немецкий империалистический зверь первым бросился на молодую советскую республику, чтобы задушить её. Он шёл на нашу землю не только за хлебом и углём, он шёл, чтобы поработить Украину, чтобы вырвать из рук народа знамя новой жизни, красный стяг святой воли, независимости и счастливого будущего.

Восстала тогда Украина. Вся земля закипела лютой ненавистью к врагу. Ударами молодой Красной Армии и партизан немецкие оккупанты были разгромлены и изгнаны с нашей земли. Так же были разгромлены и изгнаны другие армии оккупантов и интервентов, пытавшихся поработить Украину.

По призыву Ленина и Сталина, под мудрым руководством большевистской партии, наш народ взялся за великую историческую работу — построение социалистического государства.

Как зелёный сад, расцвела Украина. Богатыми урожаями зашумели колхозные нивы. Мощными домами, первоклассными заводами и шахтами украсилась наша земля. Украина — составная и неотъемлемая часть великого Советского Союза — стала передовой индустриально-колхозной республикой. Высокого расцвета достигла культура народа. Осуществилась давняя мечта и стремление народа — воссоединение украинского народа в едином украинском государстве.

Украина уверенно и гордо шла вперёд, внося и свой вклад в борьбу за прогресс и укрепление социалистической родины.

И именно в то время, когда плоды наших усилий, нашего труда наиболее созрели, жадный немецкий фашистский зверь, забыв уроки истории, пошёл снова войной на нашу землю. Он напал на нас неожиданно и вероломно. Немецкие палачи временно оккупировали Украину. Полились слёзы и кровь, запылали села и города. Остыли дома, а в пустынях и разрушенных заводах воеет ветер.

Немцы присваивают себе землю, обильно политую потом и кровью наших отцов и дедов. На этой земле собираются властвовать немецкие бароны, помещики, колонисты, на этой земле немцы восстанавливают паншину. Людей запрягают в ярмо, секут розгами, пытаются, убивают. С тупой прусской жестокостью фашистские палачи осуществляют дьявольский замысел Гитлера о физическом истреблении украинцев и всех славян.

Оккупанты разрушили и надругались над нашей национальной святыней — великой могилой Тараса Шевченко в Канёве, храмы культуры превратили в конюшни, школы — в дома терпимости, разграбили музеи, библиотеки.

Украинский народ пользовался всеми правами и благами, провозглашёнными Сталинской Конституцией, — правом на труд, образование и отдых. Немцы превратили Украину в рынок невольников для гитлеровской Германии, бросили в чёрную пропасть темноты, голода и бедствий. Ядом лжи и провокаций, пытками и террором враг хочет опустошить душу народа, превратить его в покорных, молчаливых рабов немецких господ.

Можно ли перенести всё это? Нет! Никогда наш народ не был и не будет в рабстве! Вспомни, народ наш, что ты имел и что принёс в твой край немец! Пусть сердце твоё закипит ещё большей яростью и ненавистью.

Никогда кровавый Гитлер не одолеет советский народ. Враг не отнимет у украинцев самого сильного оружия — страстной любви к родине, воли к борьбе, не вырвет из груди горячего сердца, наполненного лютой ненавистью к угнетателям. Живёт непобедимый дух народа, дух, закалённый гневом Тараса Шевченко. Земля, по которой ходил грозный Устим Кармелюк, по которой водили свои полки наши славные предки — Богдан Хмельницкий, Максим Кривонос, Иван Богун, Семён Палий, Микола Щорс и Василий Боженко, — не покорилась и никогда не покорится врагу.

Украина живёт, борется. Украинские заводы, эвакуированные в глубокий тыл, не только возобновили свою работу, но и удвоили, утроили выпуск боевой продукции. Украинские колхозники, вместе с колхозниками братских республик, на новых землях дают промышленности и фронту всё больше продуктов и сырья.

Мать-Украина благословила своих сынов и дочерей на смертный бой с врагом, приказала: «Не знайте страха, не уступайте врагу дорогу, сыновья мои! Чтобы жить вам — убивайте немцев!» Говорила: «Лучше мне до века не видеть сына, нежели увидеть его покрытым позором!»

Сыны и дочери свято выполняют наказ своего народа. На всём фронте, от Мурманска до Владикавказа, воины-украинцы в единых полках всех народов Совет-

ского Союза храбро и мужественно истребляют фашистских разбойников, приближая желанный день победы.

А в тылу у врага, в лесах и сёлах Украины партизанские отряды ведут жестокие бои с оккупантами. Народ мстит за надругательства, за окровавленную землю, за смерть наших людей. Пусть же огонь партизанской войны запыхает всюду — от Карпат до Донецкого края, от Полесья до Приазовья. И не погаснет этот огонь, пока немецкие оккупанты не захлебнутся в собственной крови.

Братья и сёстры, сыны и дочери Украины!

Президиум Верховного Совета СССР, Совет Народных Комиссаров и Центральный Комитет Коммунистической партии (большевиков) Украины призывают вас ещё больше напрячь свои усилия, ещё больше закалить свою волю к борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.

«Мы можем и должны очистить советскую землю от гитлеровской нечисти». Эти слова вождя, нашего родного Сталина, мы принимаем, как боевой приказ.

Сыны Украины! Где бы вы ни находились в эти суровые дни, делайте так, чтобы наш народ, родная земля с почётом встретили вас, как верных воинов и труженников, которые не щадили себя, своих сил и крови в годину освободительной войны.

Воины Красной Армии украинцы! На каких фронтах вы бы ни воевали против озверелых фашистов, помните, вы боретесь за волю Украины, за освобождение своего народа, за своё счастье, свою судьбу. Беспощадно мстите фашистам за горькие страдания, за муки, которые причиняют гитлеровцы нашему народу и всем родным народам страны Советов.

Славные партизаны и партизанки — бесстрашные сыны нашей земли! Раздувайте пламя священной народной войны против немцев! Своими острыми штыками, злой вражьей кровью начертайте священные слова: Мстить немцам, мсты!

Рабочие украинских заводов, эвакуированных в советский тыл! Куйте оружие для Красной Армии! Помните, что труд ваших рук — это священный труд самоотверженных борцов за счастье и свободу народа.

Немецкие захватчики будут разгромлены и изгнаны из Украины, как были они разгромлены и изгнаны в 1918 году. Красная Армия скоро положит конец лихолетью немецкой оккупации, освободит отцов, матерей, братьев и сестёр наших из гитлеровской неволи! Но победа сама не придёт, её надо завоевать. В кровавой битве, которую ведёт наш народ с оккупантами, кто не борется в одних рядах с народом, тот ослабляет его силу, тот вольно или невольно предаёт его.

Вернитесь за оружие, идите в партизанские отряды, укрепляйте ряды бойцов всенародной войны в тылу у врага. Всем, чем можете, обессиливайте немецкую разбойничью армию, расшатывайте гитлеровскую военную машину. Не подчиняйтесь немецким приказам и распоряжениям! Не платите контрибуции врагу! Ни куска хлеба немцам!

Крепнут удары Красной Армии по врагу. Под Сталинградом, на Центральном фронте, в районе среднего Дона советские войска перешли в наступление. «Недалёк тот день, — сказал наш вождь и учитель великий Сталин, — когда враг узнает силу новых ударов Красной Армии». Этот день приходит. Будет и на украинской земле праздник — праздник освобождения нашего края из немецкой неволи.

Украина живёт! Она победит! Она будет жить, пока живёт её народ. Украина была и будет свободным, независимым советским государством.

Смерть немецким оккупантам!

Народ наш! В бой на врага!

Мы победим, потому что нас ведёт великий Сталин!

Да здравствует вдохновитель и организатор нашей борьбы, друг украинского народа, великий Сталин!

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. ГРЕЧУХА.

Председатель Совета Народных Комиссаров СССР Л. КОРНИЦ.

Секретарь Центрального Комитета КП(б)У Н. ХРУЩЕВ.

«Правда» от 26 декабря 1942 г.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

«Документы о героической обороне Царицына в 1918 году». Отгиз. Госполитиздат. 1942. 223 стр. 5 руб.

Сборник «Документы о героической обороне Царицына в 1918 году» выпущен в свет Госполитиздатом в 1942 г., в момент, когда этот город стал ареной новых, невиданных ещё боёв, когда он прикоснулся к себе взоры всех народов мира. Царицын, прославившийся своей борьбой против ставленников германского империализма — белых генералов в 1918 г., — показал новый, непревзойдённый образец героизма в боях против немецко-итало-румынских фашистских полчищ в великой отечественной войне советского народа. В течение одного двадцатипятилетия он дважды показал себя достойным носить имя Сталина. В 1942 г. под стенами Сталинграда, в делах его славных защитников ожила немеркнущая слава царицынских боёв.

С тем большим интересом обратится советский читатель к изучению подлинных документов о героической обороне Царицына в 1918 году.

Рецензируемый сборник заслуживает полного внимания по богатству, разнообразию и красочности представленных в нём документальных материалов. Составители сборника использовали частично уже известные документы о борьбе за Царицын, строго отобрав важнейшие и ценнейшие из них. Кроме того они проделали большую работу по разысканию новых документальных материалов в Центральном архиве Октябрьской революции и Центральном архиве Красной Армии, в Сталинградском областном архиве и других хранилищах. Впервые публикуемые документы дополняют новыми яркими штрихами величественную картину обороны Царицына в 1918 г., воспроизведённую в трудах советских историков: Меланова, Генкиной, Разгона и др.

Сборнику предпослано небольшое предисловие, в котором отмечается особое значение опыта Царицынской обороны в дни великой отечественной войны советского народа против германского фашизма. «Этот опыт, — отмечено в предисловии, — является замечательным примером того, как под руководством Сталина организовывалась победа, как достигался разгром врага».

Документы в сборнике расположены по разделам согласно следующему плану: I. И. В. Сталин и К. Е. Ворошилов о значении царицынского фронта в 1918 г.

II. Обстановка в стране летом в 1918 г. Приезд И. В. Сталина в Царицын. III. Борьба за хлеб. IV. Организация вооружённых сил царицынского фронта. V. Первое окружение Царицына. VI. Второе окружение Царицына. VII. Разгром красновской контрреволюции.

В разделе первом помещена известная статья товарища Сталина «О юге России». Общая оценка значения южного фронта, данная в ней товарищем Сталиным, не потеряла своей значимости и для наших дней. «Богатства юга России (хлеб, нефть, уголь, скот, рыба) сами по себе распалют алчные аппетиты хищников империализма, старающихся оторвать от России этот важный уголок» — эти слова товарища Сталина не только дают ключ к пониманию германо-красновской авантюры в 1918 г., но и помогают вычленим планов германского командования летом 1942 года. Сталинская оценка роли «красных офицеров», как и роли «сумелых администраторов» в тылу Красной Армии, данная в этой статье, ещё раз проверена и подтверждена в испытанной великой отечественной войне советского народа.

В этом же разделе помещено извлечение из книги К. Е. Ворошилова «Сталин и Красная Армия» — о величайшем значении обороны Царицына для советского государства и о роли товарища Сталина в организации этой обороны.

Второй раздел разбит на четыре подраздела: 1) Обстановка в стране летом 1918 г.; 2) Обстановка в Царицыне накануне приезда И. В. Сталина; 3) Захватнические планы германского империализма на юго-востоке России. Подготовка ген. Красновым, ставленником германских империалистов, похода на Царицын; 4) Поездка И. В. Сталина в Царицын.

Тяжёлые испытания, переживавшиеся молодой Советской республикой летом 1918 г., показаны в сборнике главным образом по материалам «Правды» тех дней. В сборнике даны воззвание Совета народных комиссаров о борьбе с голодом, опубликованное в «Правде» от 31 мая 1918 г., воззвание СНК об установлении хлебной монополии и твёрдых цен на хлеб от 1 июня 1918 г., статья И. В. Сталина «О Донщине и Северном Кавказе», опубликованная в «Правде» того же числа, и передовая «Правды»

разъяснявшая массам, что «немецкий генерал Эйхгорн подал руку русскому генералу Скоропадскому, а Скоропадский подал руку казачьему генералу Краснову. И три генерала, поддерживаемые германскими штыками, восстанавливают на всём юге — от Каменец-Подольска до Царицына, от Прута и до Волги — старый буржуазно-самодержавный строй». «Правда» призывала в этой передовой: «Во имя борьбы за хлеб, за землю, за свободу и социализм, рабочие и крестьяне, под ружьё!»

Положение, в котором находился Царицын накануне приезда товарища Сталина, отражено в сборнике в трёх документах. Чрезвычайно красочный материал представляет извлечение из протокола Царицынского совета от 23 мая 1918 года. Здесь воспроизводится заседание совета, на котором была принята резолюция, провозгласившая: «Революционный город Царицын — в опасности». Как бы дополнением к этому документу является рапорт коменданта станции Чир об оставлении станции Чир красными частями и о взрыве Донского моста. Оба эти документа хранятся в Сталинградском архиве и публикуются впервые.

Особый интерес в настоящее время представляет третий подраздел — «Захватнические планы германского империализма на юго-востоке России». Для характеристики захватнических планов германского империализма в сборнике приведены отзывы австрийского ген. Крауса, английской газеты «Таймс» и американского консула Саммерса. Последний в своей телеграмме на имя Лансина ещё 22 апреля сигнализировал, что «цель германского продвижения на юг — занятие не только Украины и Донского бассейна, но и оккупация Ростова, Царицына и, возможно, Астрахани и установление связи с турками на Кавказе» (док. № 15). Роль ген. Краснова как агента германского империализма и лакея кайзера Вильгельма разоблачена в документах, которые перепечатаны в рецензируемом сборнике из I тома «Документов по истории гражданской войны в СССР». Документы эти настолько важны, что перепечатка их в сборнике является вполне оправданной.

Обстоятельства отъезда товарища Сталина из Москвы в Царицын в качестве общего руководителя по продовольственным делам на юге России выясняются в документах, заимствованных составителями настоящего сборника из старых публикаций, а также из работы Э. Гельжиной «Борьба за Царицын в 1918 году». Впервые публикуется документ № 23, представляющий ответ председателя Чрезвычайного областного продовольственного комитета Якубова из Царицына на известную телефонограмму И. В. Сталина от 29 мая 1918 г. с сообщением о делегировании его в Царицын.

В третьем разделе — «Борьба за хлеб» — большое место занимают телеграммы Сталина из Царицына, адресованные Ленину, и ответы Ленина Сталину. В этой телеграфной переписке отражена огромная, напряжённая работа товарища Сталина в Царицыне по выявлению запасов продо-

вольствия на юге и по отсылке продовольствия в пролетарские центры — Москву и Ленинград. Какое важное значение придавал Ленин деятельности товарища Сталина в этот период, можно судить по следующей характерной телеграмме Ленина: «Получил третью депешу и записку Сталина. Принимаем все меры. Цюрупа говорит, что деньги будут непременно отправлены завтра, а товары сегодня же приказано грузить. Шлите маршрутные поезда с тройной охраной. Саботажников и хулиганов арестуйте и присылайте сюда» (док. № 35).

Работа товарища Сталина по снабжению продовольствием — хлебом, мясом, рыбой — голодающих центров республики, как это видно по документам, тормозилась, а по временам и прерывалась саботажем контрреволюционных элементов, а также военными действиями белогвардейско-немецких частей.

Здесь же, в третьем разделе, помещены документы, рисующие захват станции Алексиково и прилегающих станиц красновским кавалерийским отрядом численностью до 4 тысяч. «В составе отряда имеются немцы», — указано в сводке Северокавказского военного округа (док. № 45). Эти военные документы впервые извлечены из архивов и опубликованы в рецензируемом сборнике. Большой интерес представляют помещённые здесь же газетные отчёты, рисующие внутреннее положение города Царицына и в первую очередь революционное настроение царицынского пролетариата. Очень ценный материал извлекли составители сборника из газеты «Борьба», выходившей тогда в Царицыне (док. №№ 50, 51, 54, 55, 63).

Раздел четвёртый — «Организация вооружённых сил царицынского фронта» — воспроизводит ряд известных документов, характеризующих военно-организационную работу товарища Сталина в Царицыне: приказ о назначении тов. Ворошилова командующим войсками царицынского фронта и удостоверение на его имя, подписанное Сталиным; телеграммы Сталина на имя Ленина о саботаже штабных работников Северокавказского округа; разговор по прямому проводу между Лениным и Сталиным о критическом продовольственном положении в Москве и Петрограде; требования Сталина, адресованные в Москву, о присылке в Царицын вооружения и о присылке дивизии для оказания помощи кубанскому фронту. Кроме этих известных документов, подписанных Сталиным или полученных Сталиным от Ленина, в четвёртом разделе есть телеграмма Сталина на имя Ленина, извлечённая из Центрального архива революции и раньше нигде не публиковавшаяся. В этой телеграмме товарищ Сталин сообщал об отправке им специальной экспедиции в Саратов для отвозки имеющихся там запасов рыбы в Москву (тж. № ЮЗ).

Большое значение представляют в этом разделе впервые опубликованные военные документы, как например приказ войскам Северокавказского военного округа с указа-

нием общей задачи для войск Северокавказского округа и с подробным изложением задач для каждого участка фронта; приказы о мобилизации, воспроизведённые по газете «Борьба»; оперативные сводки и военные корреспонденции в газете «Борьба». Рядом с этими военными документами в сборнике помещены резолюции митингов и Царицынского совета, выражающие непреклонную волю рабочих Царицына и крестьян прилегающих районов отстаивать советскую власть от всех покушений со стороны иностранных империалистов и их наймитов — царских генералов.

В разделе пятом — «Первое окружение Царицына» — и шестом — «Второе окружение Царицына» — собраны документы, отражающие самые напряжённые, героические месяцы обороны Царицына — с начала августа до конца октября 1918 года. За эти три месяца защитникам Царицына пришлось дважды отбивать яростные атаки красновской контрреволюции. О неслыханных трудностях борьбы под Царицыном для только создававшихся частей Красной Армии, не имевших к тому же достаточно оружия, свидетельствует такой замечательный документ, как письмо Сталина Ленину от 4 августа 1918 г., перепечатанное составителями сборника из «Документов гражданской войны». Письмо это начинается словами: «Положение на юге не из лёгких». Трезво взвесив и оценив все неблагоприятные обстоятельства, сложившиеся под Царицыном, товарищ Сталин так определил в этом письме задачу защитников Царицына: преодолеть все трудности, дезорганизовать врага и отбросить его назад. Осуществление этой задачи можно проследить по приказам и сводкам Севкавказра за этот период, особенно по экстрасводкам, которые впервые воспроизводятся в этом сборнике по газетам «Борьба» и «Солдат революции» или по документам, хранящимся в Центральном архиве Красной Армии.

Большой интерес представляют письма и телеграммы тов. Ворошилова Сталину за этот период. О передовой роли коммунистов в обороне Царицына свидетельствуют воззвание военной секции Царицынского комитета коммунистической партии об обучении коммунистов военному делу (док. № 128), а также резолюция царицынской общегородской конференции коммунистической партии и другие документы. Беспредельную готовность стать на защиту родного города отражают резолюции рабочих собраний (док. № 161). О роли товарища Сталина как организатора и вдохновителя всей борьбы за Царицын свидетельствует хотя бы такой замечательный документ, как разговор товарища Сталина с тов. Васильевым, командиром отряда в Котельникове, происходивший 11 августа 1918 года. Документ этот был уже опубликован в книге В. Меликова «Героическая оборона Царицына (1918)». В наши дни с особенной силой звучат приказы товарища Сталина: «Никакие колебания недопустимы, колебания преступны; либо Вы спасёте Царицын и тогда

спасём весь Южный фронт, либо Вы остаетесь глухи к требованиям момента и тогда неизбежно погибнет весь фронт. Торопитесь, не запаздывайте, ибо запаздывать значит всё проиграть» (док. № 135).

К середине августа, как известно, положение Царицына многими считалось совершенно катастрофичным. Нельзя без волнения читать записку военного комиссара Северокавказского округа Анисимова на имя Ленина, в которой давалась следующая оценка положения: «Положение Царицына безвыходное». Но героизм защитников Царицына и полководческое искусство Сталина, его негибкая воля к победе дали свои результаты. Уже 16 августа в экстренном выпуске газеты «Солдат революции», начавшей выходить в Царицыне, сообщалось: «Красная Армия успешно отражает красновцев от Царицына — захвачено 17 пулемётов». А 1 сентября та же газета в передовой писала: «Стремительность нашего наступления и паническое отступление кадетских банд к Дону указывают на прочное положение советского Царицына» (док. № 197). Итоги боёв за Царицын на этом этапе подведены в телеграмме военного совета Совнаркому, редакциям газет «Правда» и «Известия ВЦИК» от 2 сентября (док. № 199).

Вторичное окружение Царицына отражают документы, заимствованные из сборника «Документы гражданской войны», из книги В. Меликова и из работы К. Е. Ворошилова.

Последний раздел сборника — «Разгром красновской контрреволюции» — почти целиком разработан на основе новых, впервые публикуемых документов и газетных материалов. По этим документам можно проследить не только ход военных операций, обеспечивших окончательный разгром красновской банды и немецких империалистов, но и те меры, которые принимались для укрепления тыла Красной Армии и для поднятия боеспособности красных частей.

Огромный интерес в этом разделе представляют документы о съезде коммунистов X армии, извлечённые из газеты «Солдат революции». Благородные традиции Красной Армии, её высокая идейность — результат невидимой воспитательной работы коммунистов, начатой ещё в 1918 г. на фронтах гражданской войны. Обращаясь к конференции коммунистов X армии, командармы тов. Ворошилов говорил: «Вы должны внушить армии понимание великих задач, которые стоят перед нею. Вы должны внушить Красной Армии, что она сражается за свои интересы. Вашим трудом вы должны создать великую, непобедимую силу» (док. № 285).

Так в славных боях за Царицын был не только осуществлён гениальный план Сталина — дезорганизовать и уничтожить германо-красновские банды — но в ходе боёв были заложены основы несокрушимой, непобедимой мощи Красной Армии.

В заключение необходимо ещё раз подчеркнуть несомненные большие достоинства рецензируемого сборника. Это — ценнейшее пособие для каждого, изучающего историю

Красной Армии, историю нашей партии, историю советского государства.

Сборник хорошо оформлен. Портреты Сталина и Ворошилова, а также снимки наиболее интересных документов выполнены

ны вполне удовлетворительно. В подстрочных примечаниях даны все нужные разъяснения для читателя. К сборнику приложен «Указатель источников».

З. Мосина

«Германские оккупанты в Грузии в 1918 году». Сборник документов и материалов Тбилисского филиала Института Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б). Госиздат Грузинской ССР. Тбилиси. 1942. 168 стр.

Тбилисский филиал Института Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б) подготовил сборник документов и материалов о «хозяйничании» германских оккупантов в Грузии в 1918 году.

Сборник открывается вступительной статьёй составителя его М. М. Габричидзе, в которой автор совершенно правильно характеризует оккупацию Грузии германскими империалистами в 1918 г. как одну из самых мрачных страниц в истории грузинского народа. За вступительной статьёй в сборнике следует археографическое введение, в котором весьма кратко описывается состояние документации о пребывании немецких оккупантов в Грузии. Частично публикуемые в сборнике официальные документы взяты в Центральном архиве Октябрьской революции (ЦАОР). Они извлечены из фондов: председателя правительства Грузинской республики, Грузинского национального совета, министерств иностранных и внутренних дел Грузинской республики, тифлисского губернского комиссариата, министерства путей сообщения и Русского национального комитета. Кроме архивных документов в сборник включены материалы, опубликованные в 1919 г. в Тифлисе в «Собрании документов и материалов по внешней политике Закавказья и Грузии», а также публикации газет «Эртоба», «Борьба», «Социал-демократ» и одна статья из газеты «Правда».

Несмотря на отсутствие ряда важнейших фондов и ограниченность архивных материалов периода так называемой «меньшевистской» диктатуры в Грузии публикуемые документы и материалы вскрывают неисчислимыя бесчинства и произвол германских оккупационных войск в Грузии.

Первыми интервентами, вторгшимися на территорию Кавказа, были немецкие империалисты, которые ещё задолго до ввода своих войск в Грузию опутали Кавказ сетью шпионажа. В одном из документов от 19 мая 1918 г. даются подробные сведения о разведывательной и шпионской деятельности немцев в Грузии.

Подрывная работа германских агентов была направлена к тому, чтобы подготовить условия для успешной оккупации Кавказа, деморализовать местное население, настроить его против советской власти и большевистской партии, внушить народам Кавказа, что немецкие войска стремятся защитить их от большевиков и англичан.

Оккупация должна была сопровождаться ограблением народов Кавказа.

В секретном донесении от 20 мая 1918 г. указывается, что «в скором времени в Тифлис придут германские войска, и тогда немцы начнут реквизировать разные продукты и товары, в том числе сахар, чай, кожи, свечи и т. п., якобы для местных нужд, а не для вывоза, как хлопок, шерсть, медь и олово. Но раз товар попал в немецкие руки, то нетрудно угадать его судьбу: большая часть будет предназначена для немецких войск, затем для немецких колонистов и... остаток для другого населения» (стр. 39).

Меньшевистское правительство Грузии в борьбе против советской власти и революционного грузинского народа вступило в прямой союз с германскими империалистами. Оно передало Германии все находящиеся в грузинских портах пассажирские пароходы, буксирные суда, баржи, моторные лодки, баггеры и т. д. Это позорное соглашение подписал меньшевистский министр Чхенкелли (стр. 48—50).

Грузинские меньшевики в конце концов оказались лишь марионетками, с которыми не особенно считались немецкие захватчики. Об этом говорят многие факты. Например германский комендант потийского порта, совершенно игнорируя меньшевистские власти, забрал все правительственные и городские пароходы, находящиеся в порту (стр. 131—132).

Не для водворения и поддержания «нового порядка» в Грузии и не «для защиты грузинского народа от английской экспансии», а для колониального порабощения Кавказа германские империалисты направляли свои оккупационные войска в Грузию и другие части Кавказа. Эти войска концентрировались в стратегически важных пунктах Кавказа.

Грузинский народ, как и все народы Кавказа, ненавидел немецких оккупантов, вел борьбу с ними и с надеждой следил за действиями Красной Армии. Генерал фон Кресс в официальной беседе с представителем грузинского правительства Н. Жордания вынужден был признать, что «грузинский народ относится отрицательно к пребыванию германцев в Грузии» (стр. 69). Иначе и не могло быть.

Белогвардейский иноземный террор германского фасона 1918 г. (выражение Ленина) до сих пор памятен народам Кавказа.

В сборнике имеется акт комиссара Воронцовского сельского общества, Душетского уезда, о бесчинствах германских войск, квартировавших в селе Воронцовке. В числе многих фактов самоуправства и преступных действий немцев в этом селе сообщается следующий факт:

«В ночь на 14 октября пьяная компания солдат с винтовками заходила в некоторые дворы, ломала двери, если на их пьяные крики им не открывали, работая при этом штыками. В одной из... квартир к ним вышел хозяин Иван Швецов, которого они окружили, затем били, поранили его штыками. Оттолкнув солдата, Швецов убежал к соседу, (но в это время) в него было произведено два выстрела, которыми он был ранен в бок. Попав к соседу, Швецов, выждав до ухода германцев, ушёл, а солдаты, позвав товарищей на помощь, ворвались в хату и, разыскивая Швецова, перерыли всё в хате, угрожая хозяину убийством, если он не выдаст Швецова» (стр. 136—137). Таких фактов в сборнике немало.

Германский империализм в своей разнузданной агрессии перешёл грань, которая оказалась для него роковой. «В результате самоотверженной борьбы грузинского народа, а также вспыхнувшей в Германии революции, вызванной поражением германского империализма в первой империалистической войне, оккупанты вынуждены были покинуть Грузию, оставив после себя кровавые следы грабежа и насилий» (стр. 30). Таковы факты о чёрном господстве немцев в Грузии в 1918 году. Таковы исторические уроки борьбы с этими подлыми захватчиками.

В конце сборника дан именной указатель, ориентирующий читателя в большой группе (всего 85) документов и материалов, захватывающих в основном весь период немецкой оккупации в Грузии — с 15 мая по 5 декабря 1918 года.

В. Галкин

ВИЗАНТИЙСКИЕ ИСТОЧНИКИ

(Справка)

Византия и её история всё более и более привлекают к себе внимание советских исследователей. И это вполне понятно, так как история византийского государства самым тесным образом связана с историей нашего отечества.

При изучении истории Византии особенно важно, чтобы были подвергнуты изучению именно те материалы, которые обычно называются источниками и которые являются остатками и памятниками разнообразного характера, принадлежащими к изучаемому периоду исторического процесса, или хронологически близки к изучаемому явлению.

В ряду источников одно из первых мест принадлежит памятникам письменным, которые известны ещё под названием текстов.

Византийское прошлое оставило нам довольно большое количество подобного рода памятников самого разнообразного содержания и характера. Наиболее важными из них являются акты и хрисовулы. Хрисовулами назывались грамоты византийских императоров, подписанные ими и скреплённые императорской печатью. Хрисовул, так же как и акт, относится обычно к одному событию, к одному определённом факту, и играет роль закона, как непосредственное распоряжение вассалов. Наиболее важные части хрисовула вписывались императорами собственноручно. Много таких хрисовулов было дано византийскими императорами монастырям в качестве дарственных грамот о пожаловании им земли, пастбищ, селений и пр.

В истории Византии большую роль играли гора Афон и расположенные на ней монастыри и скиты. Афонские монастыри были не только одним из византийских цен-

тров богословия, но и выдающейся хозяйственной организацией, в распоряжении которой находились земля, виноградники, фруктовые сады и т. д. Византийские императоры многократно награждали афонские монастыри дарственными грамотами и хрисовулами. Так как при изучении византийской истории акты и хрисовулы имеют большое значение, то на Западе они неоднократно издавались.

Приводим некоторые из этих изданий:

Actes de Lavra. Edition diplomatique et critique par G. Rouillard et P. Colom p d'après les discriptions, photographies et copies de G. Millet et Spyridon de Lavra. T. I. Paris. 1937, XXXII, 249 + Album de 30 pl. in 4°.

Акты, изданные в Париже, в 1937 г., относятся к 897—1178 годам. Это издание примыкает к актам, ранее опубликованным в России и напечатанным в «Византийском временнике» (т. X, XII, XIII, XVII, XIX, XX). Дополнительно должны были быть изданы еще 98 актов. Jugie M. Le Typicon du monastère de Prodrome au mont Ménécée, près de Serrès. Introduction, textes et remarques. Byzantion, XII (1937), p. 25—69.

★

Совершенно по-иному трактуется история Византии, особенно характер и сущность её внутренней политики, взаимоотношения классов в византийском государстве и её экономика, с момента открытия и изучения палеонтологического материала. На папирусах написаны не только документы, заключающие в себе правительственные распоряжения, изданные центральной властью, но также распоряжения и приказы местных

властей — в провинциальных городах, селениях, деревнях и пр. Помимо этого среди папирологических остатков находят договоры, различного рода соглашения, взаимные обязательства, которые заключали между собою отдельные граждане обширной Византийской империи, принадлежащие к самым различным классам. Этот важный и интересный папирологический материал, который дошёл до нас в той или иной степени сохранности, учёные находят в библиотеках и архивах.

Открытие и анализ папирусов предоставили в распоряжение учёных самые разнообразные сведения, относящиеся к повседневной жизни населения Византии. В папирологических текстах можно найти цены на различные товары, на хлеб и на другие продукты, на скот, на недвижимость. Из папирусов получены данные относительно земельной ренты и её размеров, а также относительно земельной аренды и условий пользования этой арендой. Очень большой и ценный материал дали папирусы о земельных законах в Византии и их применении.

Западные учёные не только издавали папирологические тексты, но они были ими использованы также и в качестве основы при некоторых исторических исследованиях и статьях по вопросам византиноведения.

Из числа изданий, посвящённых непосредственно опубликованию папирусов, назовём следующие:

Powell J. E. *The Rendel-Harris Papyri of Woodbrooke College*. Birmingham, Cambridge. University Press. 1936. XII, 134 p.

Kase E. H. Jr. — *Papyri in the Princeton University Collections*. Vol. II. Princeton. University Press. 1936. XI, 130 p.

Winter John Garret. *Life and letters in the Papyri*. 1933.

Hombert M. *Bulletin papyrologique*: I (1925) и II (1926) помещены в «Byzantion», III (1927—1928), 520—546 и IV, 544—568, помещены там же.

Дальнейшие эти периодические обзоры папирологических изданий см. «Byzantion», V, 656—670; VII, 433—456, 604—626; X, 341—366.

Чрезвычайно важное значение для исторического исследования имеет эпиграфический материал, или надписи. Надо заметить, что о существовании ряда государств и даже целых исторических эпох учёные впервые узнали только из надписей.

В Византии обычно надписи высекались на стенах государственных учреждений, дворцов, храмов, гробниц, на колоннах и на памятниках, которые ставились в честь императоров и других государственных деятелей. Много таких надписей с самым различным содержанием дошло до нашего времени. В них мы находим изложение исторических фактов и событий: сражений, побед, биографий императоров и пр., истории отдельных городов или факты из жизни этих городов или селений. В надписях можно найти также правила поведения для населения в данной местности, перечни должностных лиц, их приказы и распоряжения,

распоряжения церковных властей и т. п. Очень важны те надписи, которые имеют отношение к рыночным ценам в городе и регулируют цены на продукт, либо обязывают торговцев придерживаться изданных для них правил производства торговли, либо указывают на меры для обеспечения качества продаваемых продуктов и пр. Особое значение имеют могильные надписи на кладбищах: по ним можно ознакомиться с социальным составом населения в данной местности.

Само собой разумеется, что подобного рода сведения, которые историческая наука может почерпнуть из эпиграфического материала, представляют первостепенный интерес и являются важнейшим источником при изучении истории Византии, особенно в области внутренних отношений.

Византийская эпиграфика разработана ещё сравнительно недостаточно, и надписей, имеющих отношение к истории Восточноримской империи, издано сравнительно немного.

Укажем из них следующие:

Grégoire Henri. *Recueil des inscriptions grecques chrétiennes d'Asie Mineure*. Fasc. I. Paris. 1922.

Он же переиздал с исправлениями и комментариями несколько надписей в «Byzantion», IV (1927—1928), 437—468; V (1929), 327—346; VIII (1933), 49—91; XIII (1938), 165—182.

Grégoire Henri. *Les sources épigraphiques de l'histoire bulgare*. «Byzantion», IX (1934), 745—786.

★

Памятники законодательной деятельности византийских императоров имеют большое научное значение при изучении внутренней истории византийского государства, так как освещают самые разнообразные стороны жизни этой греческой империи на Ближнем Востоке.

Некоторые из памятников, относящихся к законодательной деятельности византийцев, не раз привлекали внимание историков и неоднократно ими издавались. Это относится и к «Эклоге» императоров исаврийской династии, которая за последнее время вновь издана за границей.

Законодательный памятник, известный под названием «Эклога» (выборка или извлечение), представляет собой сборник извлечений различных законов из других законодательных византийских кодексов (например кодекс Юстиниана Великого и др.). Составление и издание «Эклоги» обычно приурочивают к первой половине VIII в. и приписывают императорам исаврийской династии — Льву III и Константину V.

Последнее издание «Эклоги» принадлежит английскому учёному Е. Фрешфелду, который издал этот памятник на английском языке. Freshfield, Edwin Hanson. *A manual of Roman Law the Eclogia published by the Emperors Leo III and Constantine V of Isavrie at Constantinople, a. d. 726, rendered into English*. Cambridge. 1926. XI, 151.

Почти одновременно с английским изданием Фришфельда «Эклога» вышла и на французском языке; её издание осуществил Спульбер. Spulber C. A. *L'Éclougue des Isauriens: texte, traduction, histoire.* Cernautzi — Roumanie. 1929. IV, 188.

В этом издании приведён греческий текст с переводом его на французский язык.

Большая законодательная деятельность была проявлена византийским правительством при втором представителе македонской династии — императоре Льве VI Мудром. В новых, современных нам изданиях эта деятельность нашла отражение в работах Спульбера, Моннье. Двух которые издали некоторые памятники времени Льва VI.

Несколько слов необходимо сказать о так называемой «Книге епарха», изданной греческим учёным А. Христофилопулосом в Афинах: *Christophilopoulos A. P. To eparkikon biblion Leontos tou Sofou kai hai suntechniai en Byzantio.* Athenes. 1935.

Епархом в Византии называли константинопольского градоначальника, пользовавшегося очень большой властью. Это был один из высших чиновников византийского административного аппарата. Одной из сторон деятельности епарха были надзор и наблюдение за ремесленными и торговыми цехами в Константинополе и регламентация их деятельности.

«Книга епарха», найденная в Женеве и там изданная проф. Николем в конце XIX столетия, касается устройства и функций византийских цехов ремесленников и торговцев и сообщает важные и любопытные данные относительно этих корпораций. Таким образом, «Книга епарха» представляет ценный памятник административного порядка. Этот документ относится к внутренней истории византийского государства, сравнительно ещё мало изученной (особенно в области цеховых организаций). В этом большое значение «Книги епарха».

Частная переписка и письма государственных лиц, занимавших в Византийской империи те или другие административные должности по церковному или светскому управлению, а равным образом переписка византийских императоров с различными лицами также должны быть отнесены к одному из основных видов исторических источников. Из этой категории источников никаким образом не могут быть исключены те материалы эпистолярного характера, которые исходят от лиц, может быть, и не занимавших должностных постов в византийской иерархии, как светской, так и церковной, но представляющих большую ценность для историка как свидетельства со-временников.

В отношении всей эпистолярной литературы приходится заметить, что методика обработки и использования этой литературы должна быть насыщена значительно большим критическим элементом, чем в отношении иных видов исторических источ-

ников, ибо в этой категории источника субъективные настроения и особенности автора текста сказываются сильнее и, естественно, по-своему освещают передаваемое историческое событие.

Demetrius Cydones. Correspondance. Texte inédit, établi et traduit par Giuseppe Cammelli. Paris. 1930.

Correspondance de Nicéphore Grégoras. Texte édité et traduit par R. Guiland. Paris. 1927. XXII, 392 p.

Guiland Rodolphe. La correspondance inédite de Nicolas Cahus'ing. «Byzantinisches Zeitschrift», XXX, 96—102.

За последние годы были изданы некоторые сочинения византийских авторов, а именно: Константина Порфирородного, Анны Комнин, Михаила Пселла и Георгия Франдзи.

Византийский император Константин Порфирородный (912—959), не проявив себя ничем особенным как руководитель византийского государства, вошёл в историю главным образом благодаря своим литературным и историческим трудам. В своих исторических работах Константин выступает или как непосредственный автор их или как инициатор, не принимавший в них никакого авторского участия. Впрочем, грань между тем и другим видом сочинений у Константина провести довольно трудно.

Широкую известность получило в научной литературе произведение Константина «Об управлении государством» («*De administrando imperio*»). В этом сочинении, написанном в форме обращения к своему сыну Роману, автор сообщает интересные географические сведения о различных странах и о сношениях Византии с соседними народами. В ней же находится, между прочим, то знаменитое место, где приведены названия днепровских порогов. Другое произведение Константина Порфирородного посвящено вопросу о военном и административном делении империи и называется «*De thematibus*» («О темах»). Оно содержит важные сведения о делении Византии в X в. на провинции и наименование этих провинций. Наконец, третье сочинение византийского императора называется «*De caeremoniis aulae byzantinae*» («О церемониях византийского двора») и содержит подробное описание этикета, существовавшего при византийском дворе и самым строгим образом выполнявшегося. Это сочинение насыщено всевозможными терминами, названиями придворных должностей, различного рода предметов царского и придворного обихода, описанием византийских дворцов, церквей и пр. и в этом отношении имеет, несомненно, большое культурно-историческое значение.

Несколько лет тому назад, в 1935 г., в Париже был издан первый том «*De caeremoniis aulae byzantinae*»:

Constantin VII Porphyrogénète. Le livre des cérémonies. Tome I. Texte établi et traduit; commentaire. Par Albert Vogt (в двух книгах). Paris. 1935. XII, 183.

Византийская принцесса Анна Комнина (родилась в 1083 г.) получила прекрасное по тому времени образование и обладала большой эрудицией. Она хорошо знала древнюю греческую литературу, читала Гомера, Фукидиду, Аристофана, Геродота. Принцесса занималась изучением наук: географии, истории, диалектики, а также философии Платона и Аристотеля и мифологии.

Анна Комнина писала и сама. Ей принадлежит биография её отца — императора Алексея I Комнина — под названием «Алексиада» в 15 книгах, где изложена жизнь этого царя с 1069 по 1118 год. В этом произведении, носящем явно панегирический характер, Анна Комнина широко отразила события своей эпохи, правда в несколько субъективном изложении.

В 1928 и 1937 гг. в Лондоне и Париже вышли новые издания «Алексиады»:

Anna Comnène. *Alexiade*. T. I, livre I—IV. Texte établi et traduit par B. Leib. Paris. 1937. CLXXXI, 178.

The *Alexiad* of the Princess Anna Comnena being the history of the reign of her father Alexius I emperor of the Romans, 1081—1118 AD. (Translated by Elisabeth Dawes. London. 1928. VIII, 329).

Писатель XI в. Михаил Пселл получил очень хорошее образование. Занимая ряд высоких должностей в византийском государственном и дворцовом управлении, Пселл был близок ко двору византийского императора. Он проявил себя разносторонним писателем и учёным и оставил много произведений в самых различных областях. Из всего им написанного необходимо выделить «Историю». В ней Пселл излагает события византийской эпохи с 976 г. (год смерти императора Иоанна Цамисхия) до последних лет своей жизни, т. е. до конца 70-х годов XI столетия (умер в 1077 г.).

Современная нам историография на Западе уделила много внимания этому византийскому писателю, и за десятилетие (1926—1936 гг.) за границей вышла произведения и самого Пселла и произведения, касающиеся его сочинений, как:

Michel Psellos. *Chronographie ou Histoire d'un siècle de Byzance* (976—1077). T. I—II. Texte établi et traduit par Emile Renaud. Paris. 1926—1928.

Redt Gertrude. *La chronologie abrégée de Michel Psellos. «Byzantion»*, IV, 197—236; V, 239—285.

Георгий Франдзи — историк поздней Византии, времени правления династии Палеологов, последней династии византийских императоров. Франдзи родился в 1401 году. Он был особенно близок к императорскому двору, оказал Палеологам несколько услуг. Как и Михаил Пселл, Георгий Франдзи занимал высокие должности в государстве. Ему пришлось пережить падение Византии и взятие Константинополя турецкими войсками в 1453 году. После турецкого плена Франдзи уехал в Италию. Умер он в 1477 г. на острове Корфу.

Написанная Франдзи «История» охватывает время с 1258 по 1476 г., причём наиболее подробно изложено время с 1425 года. Среди источников эпохи Палеологов «История» Франдзи занимает видное место. В 1936 г. было предпринято новое издание этого памятника: *Georgii Phrantzae Chronicon*, ed. J. B. Papadopoulos. Vol. I. Lipsiae. 1940. 201.

★

Византийская наука и византийская историография, помимо исторических сочинений, а также сочинений справочного характера, известных под именем энциклопедий, куда вошли выдержки из сочинений древних (античных) авторов, оставили ещё памятники лексикографические в виде лексиконов (словарей).

До нашего времени дошёл такой лексикон, носящий имя его предполагаемого автора Свида, о котором никаких биографических данных не сохранилось.

Лексикон Свида наука относит к X в. нашей эры. Словарь этот поражает полнотой, с какой он составлен, а также тщательностью о той эрудиции, которой обладал его автор. В словаре содержатся сведения по грамматике, истории, истории литературы и другим дисциплинам. Словарь Свида является необходимым пособием при изучении византийских древностей, и начиная с конца XV в. выдержал три издания.

В 1928—1935 гг. вышло ещё одно, 4-е издание в пяти томах под редакцией Ады Адлер. Оно прекрасно оформлено графически, напечатано чётким шрифтом и снабжено справочным аппаратом (индексом). *Suida Lexicon* ed. Ada Adler. Leipzig. Teubner. 1928—1935 (*Lexicographi graeci recogniti et apparat critico instructi*. Vol. I).

Н. Лебедев

«Славяне». Ежемесячный журнал Всеславянского комитета.
М. 1942, № 1 (июнь), № 2 (июль), № 3 (август). 2 руб.

На Всеславянском митинге в Москве в августе 1941 г. было положено начало объединения антифашистских сил славянских народов. Боевым центром этого объединения стал Всеславянский комитет, создавший журнал «Славяне». Свои задачи журнал определяет так: «Основной целью журнала Всеславянского Комитета «Славяне» является сплочение славянских народов

для борьбы в союзе со всеми свободолюбивыми народами против гитлеровской Германии и её вассалов. В осуществление этой цели журнал «Славяне» будет: разоблачать хищническую и разбойничью политику гитлеровцев, их человеконенавистническую программу уничтожения славянских народов в их вековой культуре; публиковать документы о зверствах гитлеровцев над славя-

замы и варварском глумлении фашистских каннибалов над мирным населением; показывать национально-освободительную борьбу славянских народов и освободительную роль Красной Армии; освещать славные страницы исторического прошлого славянских народов в их национально-освободительной борьбе с насильниками национальной свободы, культуры и независимости, освещать вклад славянских народов в культуру всего человечества».

Журнал кроме того поставил своей задачей давать хронику славянского антифашистского движения и печатать библиографические заметки и обзоры антигитлеровской литературы.

Эти широкие задачи журнал осуществляет вполне успешно. Наиболее интересными являются его статьи, посвященные современной борьбе славянских народов против гитлеризма, характеризующие положение временно подвластных фашизму славянских земель, а также статьи о содружестве славянских народов и их связях.

В насыщенной фактическим материалом статье С. Лесневского «Не хозяйничать гитлеровцам на польской земле!» (№ 1) приводятся важные сведения о расхищении гитлеровцами богатств Польши. Крайне показательны, например, приведенные в статье данные о числе конфискованных немцами предприятий в областях, непосредственно присоединенных к Германии: крупных промышленных предприятий — 264, средних — 9 тыс., мелких — 76 тыс., крупных торговых фирм — 9120, мелких — 112 тысяч. Статья сообщает о размерах массового выселения поляков из так называемого «Варшавского гетто», когда «высылаемому приказывают взять с собой только несколько килограммов ручного багажа, а остальное оставить нетронутым для новых хозяев — немцев».

Не менее яркую картину в отношении Чехии рисуют статьи З. Фирлингера и З. Неядлы. З. Фирлингер в статье «Экономическое порабощение чешского народа» (№ 3) показывает, что ограбление чешского народа началось со времени мюнхенского соглашения, когда немцы захватили угольные районы. Это ограбление усиленно продолжалось и в дальнейшем. После захвата Чехословакии были конфискованы государственные леса и земли в размере 3,5 миллиона гектаров. Немцы стали распределять захваченную землю между немецкими колонистами.

Большая часть имущества евреев, которых в Чехии и Моравии было около 350 тыс., была конфискована согласно так называемым арийским законам. Экспропрированное имущество «ни в коем случае не должно было перейти в чешские руки». Захваты банков и промышленных предприятий, введение трудовой повинности дополняют картину безудержного грабежа.

Статья З. Неядлы «Гейдриховский террор в Чехословакии» посвящена характери-

ке политического режима, введенного в угнетенной Чехословакии, и её героической борьбе. В статье вышукло обрисован образ палача Гейдриха и рассказано об его деятельности. В ней перечислены наиболее видные имена чешских деятелей, убитых немцами, и дана статистика казней: 1 октября расстреляны 11 военных и 5 коммунистов, 2 октября — 7 коммунистов, 4 октября — 2 коммуниста и т. д. Две статьи Масларича: «Югославия в огне всенародной партизанской войны» (№ 1) и «Народная освободительная партизанская и добровольческая армия Югославии» (№ 3) — содержат в высшей степени ценные данные об организации партизанской армии, о выдающихся участниках этой армии и её боевых успехах.

Исторический раздел журнала содержит яркие очерки: Гуслистога — «Данило Галицкий», Н. Державина — «Ледовое побоище», Н. Державина и Ф. Константинова — «Разгром немецких псов-рыцарей под Грюнвальдом и Танненбергом 15 июля 1410 года».

Нельзя не отметить группы статей, посвященных актуальному, но мало разработанному вопросу о славянских связях и славянской близости. Этой теме посвящены передовая № 3, статья акад. Державина «Дядя Иван», проф. Неядлы «Традиционная любовь словаков к русским» (№ 3).

Литературно-художественный отдел в журнале отсутствует, но литературный материал помещается из номеров в номер попеременно с другими статьями. Он несколько однотонен: это почти исключительно стихи, интересные и боевые, принадлежащие таким известным поэтам, как Янка Купала, Р. Стийенский, С. Городецкий, Якуб Колас. Но... всё же хотелось бы надеяться, что рассказ С. Дашевской (№ 3) не будет единственным образцом художественной прозы.

Важным и интересным разделом журнала является богатая хроника славянской жизни. Особенно подробно отображено участие славян Америки в антифашистском движении. Хорошо освещена деятельность Американского славянского комитета и других славянских организаций. Особенно богата и разнообразна хроника в третьем номере.

Библиографический отдел невелик. Наряду с обзором текущей антифашистской литературы в нём имеются статьи, отмечающие новинки научной славяноведческой литературы. Такова, например, большая статья акад. Обнорского о сборнике статей акад. Державина.

Можно признать, что свою основную задачу — сплочения и организации славянских народов — журнал выполняет. Первые номера — только первые шаги. Следует думать, что после этого новый журнал ещё увереннее зашагает вперёд.

Внешне журнал издаётся хорошо; много иллюстраций, поддерживающих боевой тон журнала, хорошая печать и бумага.

С. Никитин

ЛИТЕРАТУРА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

(Библиографические указатели)

Марксизм-ленинизм о войнах и защите социалистического отечества. Указатель литературы. Сост. И. С. Петрухин. Под ред. канд. философских наук Б. Г. Сафронова. М. 1942. 71 стр. Всесоюзная книжная палата.

Великая отечественная война советского народа. Указатель литературы. Сост. В. С. Чеснокова и А. Б. Велижева. Редактор—канд. философских наук Б. Г. Сафронов. М. 1942. 327 стр. Всесоюзная книжная палата.

Когда и как русский народ бил немецких захватчиков (1242—1918). Указатель литературы. Сост. проф. А. И. Гукровский и доц. П. Б. Жибарев. М. 1942. 24 стр. Всесоюзная книжная палата.

Войны русского народа. 1558—1878 гг. Библиографический указатель воспоминаний, дневников и писем, вышедших до 1917 г. на русском языке. Сост. Р. С. Мандельштам и Л. С. Мандельштам. Редактор—д-р ист. наук Б. П. Козьмин. М. 1942. 60 стр. Всесоюзная книжная палата.

Героический Севастополь. 1854—1855 гг. 1941—1942 гг. Указатель литературы. Сост. проф. Н. М. Коробков. М. 1942. 47 стр. Всесоюзная книжная палата.

Наши великие предки. Указатель литературы. Сост. А. Т. Кинкулькин, М. Г. Рабинович, доц. В. Е. Сыроечковский, К. Н. Татарина. Редактор—проф. П. П. Смирнов. М. 1942. 79 стр. Всесоюзная книжная палата.

Против расового мракобесия. Указатель литературы. Сост. И. С. Петрухин. Редактор—канд. философских наук Б. Г. Сафронов. М. 1942. 43 стр. Всесоюзная книжная палата.

За истекшие месяцы отечественной войны накопилась огромная литература. Помимо книг особенно много опубликовано статей, обзоров, документов, которые разбросаны по многочисленным газетам, журналам и сборникам. Исчерпывающая библиография этой литературы — дело, конечно, будущего; однако уже сейчас существует настоятельная потребность в некоторой систематизации материала по ряду актуальных вопросов, необходимость помочь агитатору, пропагандисту, историку, работнику печати, преподавателю разобраться в накопившейся литературе, найти в ней то, что нужно для работы. В известной мере потребности этой удовлетворяет выпускаемая Всесоюзной книжной палатой серия библиографических указателей.

Прежде чем перейти к краткому обзору этих указателей, назовём здесь составленный И. Петрухиным указатель вводного характера — «Марксизм-ленинизм о войнах и защите социалистического отечества». Не задаваясь целью дать исчерпывающий перечень, указатель даёт тот минимум литературы, опираясь на который читатель может уяснить себе руководящие идеи марксистско-ленинского учения о войне. В соответствии с этой задачей указатель состоит из следующих разделов: I. Война—

неизбежный спутник капиталистического общества. II. Два рода войн: войны справедливые и войны несправедливые. III. Освободительные войны русского народа. IV. Марксизм-ленинизм о защите социалистического отечества.

Первым опытом общей библиографии отечественной войны является указатель «Великая отечественная война советского народа». В указатель вошло около 8 тыс. книг, статей, корреспонденций, очерков и других материалов — из газет и журналов. Составители—В. Чеснокова и А. Велижева, редактор—канд. философских наук Б. Сафронов. Хронологические рамки указателя: 23 июня 1941 г. — 1 июля 1942 г. (для газет—несколько раньше). Обширная литература расположена по разделам: I. Марксизм-ленинизм о войнах и защите отечества. Великие цели отечественной войны советского народа. Освободительная миссия Красной Армии. II. Сталин—организатор побед советского народа. III. В освобождённых городах и сёлах. IV. Люди сталинской закалки. V. Художественная литература о героической борьбе советского народа с фашистскими захватчиками. VI. Фашизм. VII. Единый фронт борьбы против фашизма. VIII. Героические традиции русского народа.

Севастопольским эпопеям 1854—1855 гг. и 1941—1942 гг. посвящён составленный проф. Н. Коробковым указатель «Героический Севастополь». Указатель состоит из двух разделов: I. Оборона Севастополя в 1854—1855 годах. II. Оборона Севастополя в 1941—1942 годах. Первый раздел открывается рубрикой «Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин о крымской войне и сева­стопольской обороне». В крупнейший из следующих отделов — «Документы, материалы и работы общего характера о крымской войне и сева­стопольской обороне» — вошли наиболее важные материалы, появившиеся в печати за время с 1854 по 1941 год. В особые отделы вынесена литература по обороне Севастополя в собственном смысле этого слова, литература о героях Севастопольской обороны (Истомин, Корнилов, Нахамов, Тотлебен, Хрулёв, матросы и солдаты) и, наконец, литература, дающая художественное изображение обороны, отражение Севастополя в фольклоре и т. д.

Основное содержание второго раздела — «Оборона Севастополя в 1941—1942 гг.» — составляют газетные статьи, сообщения с фронта в отчасти статьи, помещённые в журналах. Материал расположен в хронологическом порядке, по основным этапам обороны: ноябрь 1941 г. — январь 1942 г., январь — 20 мая 1942 г., 20 мая — 1 июня 1942 г. и, наконец, 2 июня — 3 июля 1942 года. В необходимых случаях даны краткие пояснения.

Памятные всем слова товарища Сталина о вдохновляющих образах наших великих предков: Александра Невского и Дмитрия Донского, Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского, Александра Суворова и Михаила Кутузова — вызвали широкий интерес к литературе, посвящённой героическому прошлому нашей страны и её выдающимся деятелям. В печати появился целый ряд таких указателей, рассчитанных главным образом на агитаторов, беседчиков и т. д. Указатель, выпущенный Книжной палатой («Наши великие предки». Составители — А. Кинкулькин, М. Рабинович, В. Сыроечковский, К. Татаринова, редактор — проф. П. Смирнов), является наиболее полным и обстоятельным из них. В пяти разделах указателя приведены высказывания классиков марксизма-ленинизма, основные источники, научно-исследовательские работы, работы научно-популярного характера, прочно вошедшие в обиход статьи из основных дореволюционных исторических и военных жур-

налов («Русская старина», «Русский архив», «Чтения в Обществе истории и древностей российских» и др.); показана в указателе и художественная литература — старая и новая.

Здесь же следует назвать и второй указатель — «Отечественная война 1812 г.» (составители — А. Кинкулькин, М. Рабинович, А. Татаринова, редактор — проф. А. Ефимов). Из обширной литературы Отечественной войны 1812 г. приведены в указателе основные источники, основная мемуарная литература, главные и наиболее важные монографии и научно-исследовательские работы. Указатель открывается разделом «Классики марксизма-ленинизма об Отечественной войне 1812 г.». В особые разделы вынесена массовая и художественная литература.

Блестящим страницам русской военной истории посвящён указатель «Войны русского народа 1558—1878 гг.». По содержанию своему это библиографический указатель воспоминаний, дневников и писем, вышедших до 1917 г. на русском языке как в виде отдельных книг, так и в виде материалов, печатавшихся в журналах и сборниках. Составители библиографии — Л. и Р. Мандельштам, редактор — В. Козьмин. Широко охвачена в указателе литература по Ливонской войне, войнам с Польшей, Турцией, Швецией, литература по Семилетней войне 1756—1762 гг., походам Суворова, Отечественной войне 1812 года. Весь материал расположен по девятнадцати отделам в хронологическом порядке событий — от Ливонской войны до войны с Турцией 1877—1878 годов.

Для пропагандистов, лекторов, политработников Красной Армии и беседчиков предназначается указатель «Когда и как русский народ бил немецких захватчиков (1242—1918)» (составители — проф. А. Гукковский и доц. П. Жибарев). Указатель охватывает важнейшие события из истории борьбы русского народа против немецких агрессоров — от битвы на льду Чудского озера и вплоть до изгнания немецких оккупантов в 1918 году.

В первую очередь для пропагандистов предназначается также указатель «Против расового мракобесия» (составитель — И. Петрухин, редактор — Б. Г. Сафронov), в котором перечислены появившиеся у нас за последние годы (до середины 1942 г.) книги и статьи, разоблачающие варварскую сущность фашистской расовой «теории».

И. Кауфман

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Советские издания

Осипов К. *Наши великие предки*. М. Госполитиздат. 1942. 69 стр. Популярная массовая брошюра.

Пичета В. *Александр Невский*. Ташкент. Изд-во УзФАН. 1942. 36 стр. (АН СССР. Узбекистанский филиал. Ин-т языка, литературы и истории).

Научно-популярный очерк.

Бахрушин С. *Дмитрий Донской*. Ташкент. Изд-во УзФАН. 1942. 36 стр. (АН СССР. Узбекистанский филиал. Ин-т языка, литературы и истории).

Брошюра посвящена главным образом полководческой деятельности Дмитрия Донского. Заслуживает внимания глава «Дмитрий Донской — герой русского народа», где дана характеристика его государственной деятельности.

Матвиевский П. *Дмитрий Донской*. Популярный очерк. Город Чкалов. Огиз. Чкаловское обл. изд-во. 1942. 33 стр.

Снегирёв В. *Иван Третий и его время. Образование русского национального государства*. М. ОГИЗ. Госполитиздат. 1942. 62 стр.

Интересны главы о строительстве Москвы и культуре той эпохи.

Бахрушин С. *Иван Грозный*. М. Огиз. Госполитиздат. 1942. 65 стр.

Деятельность Ивана Грозного показана на широком фоне эпохи. Рассматривая историографию вопроса, автор подчёркивает прогрессивность реформ Грозного. Большое внимание уделено внешней политике и развитию русского рынка и культуры того времени.

Бахрушин С. *Минин и Пожарский*. Ташкент. Изд-во УзФАН.

1942. 65 стр. (АН СССР. Узбекистанский филиал. Ин-т языка, литературы и истории).

Научно-популярный очерк. Описывая деятельность Минина и Пожарского, автор подчёркивает организаторский талант Минина и дипломатические способности Пожарского.

Бибиков Г. *Минин и Пожарский*. М. Госполитиздат. 1942. 68 стр.

Научно-популярная брошюра, освещающая организаторскую и полководческую деятельность Минина и Пожарского на широком историческом фоне. Подробно изложены действия второго ополчения, его классовый и численный состав. Говоря о боях за Москву в 1612 г., автор анализирует тактические приёмы гетмана Ходкевича и расположение сил второго ополчения; изложение иллюстрировано схемой.

Кафенгауз Б. *Пётр Первый*. Ташкент. Изд-во УзФАН. 1942. 63 стр. (АН СССР. Узбекистанский филиал. Ин-т языка, литературы и истории).

Популярный биографический очерк. Главное внимание уделено военной деятельности Петра.

Пясаревский Г., проф. *Михаил Илларионович Кутузов*. Баку. Изд-во АзФАН. 1942. 55 стр. (Академия наук СССР. Азербайджанский филиал. Институт истории).

Главное внимание уделено исторической обстановке, в которой протекала деятельность Кутузова.

Полосин И. *Багратион — герой Отечественной войны 1812 года*. Ташкент. Изд-во Узбекистанского филиала АН СССР. (Ин-т языка, литературы и истории). 1942. 70 стр.

Научно-популярная брошюра.

Рожкова М. *Денис Давыдов — партизан 1812 г.* М. Госполитиздат. 1942. 25 стр.

Краткий биографический очерк. Автор брошюры подчёркивает значение трудов Д. Давыдова по военной теории и тактике в деле изучения партизанского движения 1812 года.

Рыкачев Я. *Надежда Дурова. М. «Советский писатель».* 1942. 57 стр.

Историко-литературный биографический очерк, посвящённый военной деятельности известной девицы-кавалериста Н. Дуровой, участницы Отечественной войны 1812 года.

Раневский И. *Народы Европы под игом фашизма.* М. Госполитиздат. 1942. 22 стр.

Анфилофьев И. *Чехословакия в борьбе против Гитлера.* Новосибирск. Новосибирск. 1942. 37 стр.

Приведены сведения о демонстрациях и волнениях в связи со 2-й годовщиной германской оккупации.

Влахович И. *Югославия в огне партизанской войны.* М. Госполитиздат. 1942. 53 стр.

В брошюре показано, как развивалось партизанское движение в стране от действий небольших, разрозненных отрядов до крупных наступательных операций всенародной партизанской армии. Автор рисует деятельность руководителей партизанских отрядов Владимира Зечевича, Драгойло и Миши Дудичей, Пеко Добчевича и других.

Державин Н. *Героическая борьба народов Чехословакии с немецкими варварами.* М. и Л. Изд-во АН СССР. 1942. 38 стр.

Краткий очерк истории Чехословакии в её борьбе с немецкой агрессией начиная с VII в. по настоящее время.

Державин Н. *Фашизм — злейший враг славянства.* М. Изд-во АН СССР. 1942. 53 стр.

Краткий исторический очерк вековой борьбы славянских народов с немецкими

завоевателями и их сопротивления режиму фашизма. Особо выделен вопрос о роли славян в создании мировой культуры.

Крастынь Я. *Финляндия под игом фашизма.* М. и Л. Изд-во АН СССР. 1942. 43 стр. (Ин-т истории АН СССР).

Научно-популярная брошюра, посвящённая истории Финляндии с 1918 г. по настоящее время. На ряде фактов показана предательская роль Маннергейма, Свинхувуда и других правителей Финляндии.

Ревай И. *Венгрия под ярмом Гитлера.* М. Госполитиздат. 1942. 40 стр.

В брошюре показана экономическая и политическая зависимость Венгрии от гитлеровской Германии. Отмечается роль Германии в разжигании национальной розни внутри Венгрии и обострении её отношений с соседями.

Тарле Е. *Гитлеровщина и наполеоновская эпоха.* М. и Л. Изд-во АН СССР. 1942. 30 стр.

Автор сравнивает эпоху Наполеона с современной обстановкой в Европе и подчёркивает, что деятельность Наполеона несмотря на свой явно захватнический характер всё же заключала в себе ряд прогрессивных моментов. Между тем клика Гитлера несёт человечеству лишь смерть и разрушение цивилизации.

Шверма Ян. *Чешский народ в борьбе против немецких оккупантов.* М. Госполитиздат. 1942. 37 стр.

В брошюре сообщаются новейшие данные о борьбе чешских патриотов против гитлеровцев.

Штейн Б. *Фашистская Италия — вассал гитлеровской Германии.* М. Госполитиздат. 1942. 16 стр.

Очерк истории возникновения итало-германского союза и описание хода военных действий Италии во второй мировой войне. Показан процесс полного политического и экономического подчинения Италии гитлеровской Германии.

Эпштейн Д. *Славяне в борьбе с немецкими захватчиками.* Саратов. Саратовское обл. гос. изд-во. 1942. 38 стр. (Научно-издательский отдел ЦГА НКВД СССР).

О режиме террора и голода в Чехословакии, Польше, Югославии и растущем сопротивлении народов этих стран гитлеровскому насилию. Приведены также сведения о демонстрациях в Болгарии и усилении симпатий болгар к советскому народу.

Дадашев Г. А. *Война на Тихом океане*. Баку. Изд-во Азербайджанского филиала АН СССР. 1942. 40 стр.

О положении Японии накануне японо-американской войны и состоянии военно-стратегических и экономических ресурсов Японии, США и Англии. Приведены статистические данные и таблицы о состоянии японской металлургии, потреблении электроэнергии, числе фабрик и заводов и т. д.

Ермашев И. *Война на Тихом океане*. М. Воениздат НКО СССР. 1942. 30 стр. (Главное политическое управление РККА).

Об экономических и стратегических ресурсах США, Англии и Японии и перспективах войны.

Седов Н. *Война на Тихом океане*. Алма-Ата. Казах. Огиз. 1942. 46 стр.

Большое место уделено в брошюре военно-политическим приготовлениям Японии, идеологической подготовке японского населения. Автор сравнивает военно-экономический потенциал США и Японии. Особо выделена глава о значении и вооружении военно-морских баз союзников на Тихом океане. В приложении даны сведения о странах тихоокеанского театра войны. В конце приложена карта военных действий.

Мелешенко З. *Шпионаж и контрразведка во время войны*. Доп. второе издание. Казань. Татарсиздат. 1942. 23 стр.

Автор подробно разбирает методы германского шпионажа в Советском Союзе в период великой отечественной войны.

Мишаев В. *Подрывная деятельность германского фашизма на Ближнем Востоке*. М. Госполитиздат. 1942. 51 стр.

Вопрос о методах политического и экономического проникновения германского

империализма в Турцию, Иран, Афганистан и другие страны Ближнего Востока рассмотрен в историческом разрезе с привлечением богатого фактического материала.

Никитинский И. *Немецкий шпионаж в России во время войны 1914—1918 гг.* М. Госполитиздат. 1942. 48 стр.

Автор брошюры подробно останавливается на вопросах вербовки и подготовки немецких шпионов, методах военного шпионажа. Отмечается, что в шпионаже принимали активнейшее участие немецкие торгово-промышленные фирмы и немецкие колонисты.

И. Козьменко.

Зарубежные издания

Benning F. *Europe since 1914*. 5th ed. New York. 1941. XVI, 998 p.

Benning. *Европа после 1914 года*.

Пятое издание известной работы американского историка, профессора университета в Индиане (США) по истории Европы. Освещён период от объявления первой мировой войны до начала второй мировой войны. Наряду с событиями международного характера в книге обрисованы события в отдельных странах как во время войны, так и после неё. Отдельная часть книги посвящена событиям на Дальнем Востоке в их связи с развитием международных отношений в Европе. В тексте дано много карт и портретов политических деятелей отдельных стран. В конце книги большая библиография.

Buchan W. *The Royal air force at war*. London. 1941. 71 p.

Бьюкен У. *Королевский воздушный флот в войне*.

История воздушной войны на Западном фронте. Книга составлена сотрудниками известного английского журнала «Airplan» под руководством и под редакцией Бьюкена. В основу книги положены материалы, предоставленные авторам управлением Британского воздушного флота. Первое издание книги вышло в 1940 г., настоящее, пятое издание вышло в мае 1941 г. и содержит данные о ходе воздушной войны вплоть до весны нынешнего года.

Gwynn D. *The Vatican and war in Europe*. London. 1940. XXV, 217 p.

Гюинн Д. *Ватикан и война в Европе*.

Описывается роль папского престола и католической церкви в целом в событиях, предшествовавших нынешней войне. Автор подчёркивает большую роль католической церкви в политической жизни Франции, Италии и Ирландии. Обрисована также деятельность Ватикана в кризисе, предшествовавшем объявлению войны.

Guérard A. *France of to-morrow*. Stanford (California). 1941. 70 p.

Герар А. *Франция завтрашнего дня*.

Книга посвящена борьбе французского народа за своё освобождение от германского гнёта. Автор намечает план демократических реформ, необходимых в будущей Свободной Франции.

Hearnshaw F. *Sea-power and empire*. London. 1940. 291 p.

Герншоу Ф. *Морская мощь и империя*.

Очерк истории возникновения морского могущества Британии начиная с времён римского владычества. Автор показывает, что своей безопасностью от вторжения врагов на острова Англия обязана целиком своему флоту. Автор прослеживает развитие британского флота до последних лет. В виде приложения даны краткая хронологическая таблица важнейших военно-морских операций, в которых участвовал британский флот, и список литературы.

California university. *Committee on international relations, War and survival*. Berkeley. University of California. 1941. VII, 149 p.

Калифорнийский университет. Комитет международных отношений. *Война и существование*.

В книге помещён ряд лекций, прочитанных профессурой Калифорнийского университета на тему о нынешней войне в её политическом, стратегическом и экономическом аспектах. В книге помещены следующие статьи: Испытание британской морской мощи в нынешней войне (Леб), Политические и военные факторы в нынешней войне: Средиземное море и Ближний Восток (Смит), Тихий океан и Дальний Восток (Штейнер), Балтийское море (Вестергаард), Стратегия мира в Западном полушарии (Пристли).

Lapie P. *La légion étrangère à Narvik*. London. 1941. XIX, 102 p.

Лapie П. *Иностранный легион в Нарвике*.

Описание военных операций в Нарвике во время кампании в Норвегии весной 1940 г. и участия иностранного легиона и французских его частей в этих операциях. Книге предпослано предисловие генерала де Голля. Автор сам был участником военных операций в Нарвике. Приложены карты военных операций.

Lengyel E. *Dakar, outpost of two hemispheres*. New York. 1941. 912 p.

Ланггель Э. *Дакар, форпост двух полушарий*.

В книге даётся географическое и стратегическое описание Дакара. Автор подчёркивает значение Дакара для Французской Экваториальной Африки, в Атлантическом океане и как ближайшего пункта к Латинской Америке и планы Гитлера, мечтавшего через Дакар начать агрессию в Западном полушарии.

Linklater E. *The northern garrisons, the defence of Iceland and the Faeroe, Orkney and Shetland islands*. Garden City. New York. 1941. VII, 71 p.

Линклейтер Е. *Северные гарнизоны, оборона Исландии, Фаросских, Оркнейских и Шетландских островов*.

Дана характеристика оборонных мероприятий на островах Северного моря. Книга составлена на основании материалов, предоставленных автору британским министерством информации и военным министерством. Излагаются факты, предшествовавшие оккупации этих островов английскими и американскими войсками.

Strong A. *The Soviets expected it*. New York. 1941. VIII, 279 p.

Стронг А. *Советское правительство ожидало этого*.

Анна Стронг, хорошо известная в СССР американская журналистка, даёт в своей новой книге характеристику мирной политики Советского Союза на протяжении истекших двадцати лет, особенно подробно останавливаясь на событиях последних лет. Автор показывает, какие усилия прилагала советская дипломатия к тому, чтобы поставить барьер захватническим планам Гит-

мера, и как все эти усилия Советского Союза разбивались о нежелание и саботаж реакционной буржуазии Англии и Франции.

Turnbull P. *Sahara unveiled; a great story of French colonial conquest*. London. 1940. 264 p.

Тернболл П. *Сахара без покровов. История французского колониального завоевания*.

История захвата Францией Сахары и Экваториальной Африки начиная с захвата Алжира в прошлом столетии. Автор даёт подробную картину французской колониальной политики в Северной Африке в прошлом и начале нынешнего века. Книга иллюстрирована и снабжена картами.

Estorick E. *Stafford Cripps: prophetic rebel*. New York. 1941. 285 p.

Эсторик Э. *Стаффорд Криппс: пророк и мятежник*.

Биография известного английского политического деятеля — Стаффорда Криппса, адвоката и деятеля лейбористской партии, в настоящее время занимающего ответственный пост в составе английского правительства.

Н. Ерофеев.

Ruppin Arthur, *professor of Jewish Sociology at the Hebrew University of Jerusalem*. «*The Jewish Fate and Future*». Translated by E. Dickes. London. 1940. 386 p.

Рёппин Артур, *профессор еврейской социологии Еврейского университета в Иерусалиме*. «*Удел и будущее евреев*». Перевод Дайкса.

Работа из серии «Исследования по современной истории», издаваемой под общей редакцией профессора современной истории Манчестерского университета Намира. Книга известного специалиста по вопросам истории еврейского народа (автора «*Juden der Gegenwart*», 1904; «*The Jews of to-day*», 1913; «*Soziologie der Juden*», 1930; «*The Jews in the Modern World*», 1935). Книга содержит несколько разделов: I. «Численность, территориальное распределение и прирост еврейского населения в мире». 2. «Экономическое положение еврейских масс в различных странах мира, профессии евреев и распределение их по профессиям (исторический очерк и современное поло-

жение)». 3. «Борьба за гражданское равноправие, антисемитизм, ассимиляция». 4. «Религия». 5. «Сюнизм, Палестина и конфликт с арабами».

Hinchman W. *England, a short account of its life and culture*. 1941. 410 p., plates. New York.

Хинчмэн В. *Англия*. Краткий рассказ о её жизни и культуре.

Сжатый, популярно написанный очерк, посвящённый больше вопросам литературы, быта и развлечений, чем политической жизни Англии в прошлом.

Gaxotte P. *Frederick the Great*. Translated by R. Bell. New Haven. Yale University. Press. 420 p.

Гаксот П. *Фридрих Великий*. Перевод Р. Бэлл.

Автор даёт новую трактовку личности Фридриха II, которая является компромиссом между известной оценкой его Лависсом в Хегеманном (последний говорит: «Наш Фриц — первый наци»).

Gottschalk L. *Lafayette and the close of the American revolution*. Chicago. The University of Chicago Press.

Готшалк Л. *Лафайет и окончание американской революции*.

Исследование о четырёх годах жизни Лафайета: от возвращения из Франции в феврале 1779 г. до его поездки в Шаваньяк в марте 1783 года.

The persecution of the catholic church in German occupied Poland. Reports presented by H. E. Cardinal Hlond, Vatican Broadcasts and other reliable evidence. Preface by H. E. A. cardinal Hinsley, Archbishop of Westminster. New York. 1941, 123 p.

Преследования католической церкви в оккупированной немцами Польше. Донесение кардинала Х. Хлонда, архиепископа Польши, папе Пию XII. Радиопередачи Ватикана и другие достоверные сведения с предисловием кардинала Хинсли, архиепископа вестминстерского.

Собрание документов, иллюстрирующих жестокие преследования германскими властями католической церкви, священников и широких кругов населения Польши.

Harney M. *The Jesuits in history. The Society of Jesus through four centuries.* New York. The America Press. 513 p.

Харни М. *Иезуиты в истории. Орден иезуитов за четыре столетия.*

Историческое исследование деятельности ордена иезуитов за четыре столетия, с момента его основания Игнатием Лойолой (22 апреля 1541 г.), в Европе, на Дальнем и Ближнем Востоке, в Америке и в других странах. Автор останавливается главным образом на культурной стороне деятельности иезуитов: их исследованиях по флоре, фауне, лингвистике, описаниях вновь открываемых стран, педагогической деятельности в 24 университетах Европы и в более чем 200 духовных семинариях.

The Manchoukuo Year Book, 1942. The Manchoukuo Year Book company. Hsingking. Manchoukuo. 971 p.

Ежегодник Манчжоу-Го на 1942 год. Компания Манчжоу-Го ежегодников.

Справочник по географии, геологии, истории, народонаселению, по государственному и административному устройству, экономической политике, государственным финансам, банкам, внешней и внутренней торговле, военным силам, по дипломатии, суду, сельскому хозяйству, истории освоения территории, по животноводству, лесному хозяйству, рыболовству, промышленности, средствам связи и путям сообщения, вопросам организации труда, культуры, здравоохранения, спорта, законодательства и пр. в Манчжоу-Го. Историческая глава содержит 50 стр., история освоения японцами территории — 31 страницу. Заключительная глава (42 стр.) содержит основные документы по внутренним и внешним проблемам Манчжоу-Го (законы об опиуме, монополиях, внешние соглашения и пр.). Приложен ряд карт, диаграмм и пр.

The Orient Year Book, 1942. The Asia statistics Company. Tokyo. Japan. 1364 p.

Восточный ежегодник на 1942 год. Азиатская статистическая компания.

Справочник по странам Дальнего Востока на 1942 г. содержит сведения по географии, истории, геологии, составу населения и эмиграции, правительствам (императорские дворы), по народному образованию, здравоохранению, путям сообщения в связи, судостроению, финансам, банкам, страховому делу, отраслям сельского и лесного хозяйства, рыболовству, по вопросам труда, горнодобывающей, машиностроительной, электротехнической, химической, керамической, текстильной, пищевой и другим отраслям промышленности, по внешней и внутренней торговле, административной системе, о политических партиях и политических деятелях, дипломатии, военных силах Японии, Манчжоу-Го, Китая, Таи, Малайи, Филиппин, Французского Индокитая и Индонезии. В приложении даны сведения о важнейших деятелях и фирмах этих стран, ряд карт, а также таблицы дат занятия Японией различных пунктов дальневосточных стран.

Day J. *An economic history of Athens under Roman dominion.* Columbia. 1942.

Дэй Дж. *Экономическая история Афин под властью Рима (в период Империи).*

Ludlow E. *Economic History of Europe.*

Ледлоу Э. *Экономическая история Европы (1760—1939).*

Gollancz V. *Shall our children live or die? A reply to Lord Vansittart on the German problem.* London. 1942. 168 p.

Голланц В. *Будут ли наши дети жить или умрут? Ответ лорду Ванситарт по германской проблеме.*

Книга известного английского журналиста Голланца по злободневным вопросам: зачем и во имя чего ведётся война, против кого она ведётся, чем может война кончиться, как будет устроен мир после войны, что делать с Германией после заключения мира, кто истинный виновник войны, как и кого наказывать после войны. Книга написана для самых широких слоёв английской читающей публики — «средних» людей, до войны не интересовавшихся политикой.

А. Шубников

ХРОНИКА

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

В Государственной Публичной исторической библиотеке

(Выставка к 25-летию Великой Октябрьской социалистической революции)

К двадцатипятилетию юбилею Великой Октябрьской социалистической революции в Государственной Публичной исторической библиотеке открылась книжная выставка, показывающая достижения советской исторической науки за время существования советской власти. На выставке представлены важнейшие публикации, исследования и популярные работы наших учёных по всем разделам истории.

Выставка открывается изданиями полных собраний и избранных сочинений Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, вышедших в СССР впервые многомиллионным тиражом, их высказываниями об истории и научных методах её изучения и решениями партии и правительства об изучении и преподавании истории. В соседней витрине собраны издания «Краткого курса» истории ВКП(б) на языках многочисленных народов СССР.

Последующие материалы распределяются по основным разделам истории в хронологическом порядке. В каждом разделе — публикации источников, учебники, обзорные работы и специальные монографии. Расположенные в тематическом порядке, они дают посетителю представление о важнейших вопросах и проблемах, разработанных советскими историками.

В разделе древней истории привлекают внимание исследования, связанные с разработкой памятников античности на территории СССР; среди них — сборник С. Жебелёва и др. «Из истории Боспора» и большой альбом Академии наук УССР, посвящённый раскопкам в Ольвии. Вопросы средневековой истории занимают видное место среди работ советских историков. За эти годы были изданы фундаментальные публикации таких источников, как Акты Кремона, Хроника Ливонии Генриха Латвийского и др., а также предназначенные для учебных целей тематические сборники документов и хрестоматии, служащие ценным пособием при преподавании в высших и средних учебных заведениях. Кроме документального материала в разделе средневековой истории показаны лекции выдающихся советских медиевистов, профессоров Грацианского, Косминского и Архангельского, и ряд основных монографий. Особенно привлекают советских учёных проблемы социально-экономической, главным образом

аграрной истории средневековой Англии и истории её народных движений (работы Д. М. Петрушевского «Восстание Уота Тайлера», М. 1938, 4-е изд. и Е. А. Косминского «Английская деревня в XIII в.», М. 1936) и др.

Литература, выставленная в разделе новой истории, показывает преобладающий интерес советских учёных к крупнейшим буржуазным революциям — английской и французской. Он находит своё выражение в трудах А. Савина «Лекция по английской революции» и Попова-Ленского «Лилльберн и лезеллеры», в многочисленных исследованиях акад. Е. В. Тарле («Крестьяне и рабочие во Франции во время французской революции», «Жерминаль и прерриаль», «Наполеон»), в объёмистом томе «Французская буржуазная революция», изданном Академией наук СССР под редакцией В. Волгина и Е. Тарле, в работах П. Щёголева, К. Добролюбовского и др.

Советские историки много поработали над проблемами предистории пролетариата и истории его первых революционных выступлений. Об этом свидетельствуют работы Ф. Ротштейна, Е. Тарле, Ф. Потёмкина, А. Молока и близкая им по теме книга В. Волгина об истории социалистических идей.

Первая попытка создания государства нового типа — Парижская коммуна — привлекала особое внимание советских историков. На выставке представлены издания протоколов и других документов Коммуны и посвящённые ей общие и специальные работы И. Степанова, П. Керженцева, исследование А. Молока «Германская интервенция против Парижской коммуны 1871 г.» и др.

История первой мировой войны занимает также большое место в исследованиях советских историков. Многотомные публикации документов «Международные отношения в эпоху империализма» по архивам царского министерства иностранных дел и публикации по специальным темам, вышедшие отдельными изданиями и снабжённые солидным научным аппаратом, пролили яркий свет на процесс подготовки первой мировой войны. Ряд книг посвящён непосредственно истории войны: Забончковского, Новицкого, Болитина и Вебера.

Работы Ленина и Сталина, посвящённые анализу всемирноисторического значения Октябрьской социалистической революции и революционных боёв на Западе и Востоке в 1918—1923 гг. вдохновили советских историков на ряд конкретных исследований, представленных на выставке. Следует, однако, отметить, что в области новейшей истории послевоенного периода советские историки ещё не дали соизмерительных трудов по отдельным странам. Больше всего занимались изучением Америки, которой посвящено несколько объёмистых работ: Дян «Классы и партии в США», Гурвич «Послевоенная Америка», сборник «Соединённые Штаты Америки».

Особо тщательно подобрана на выставке литература, посвящённая истории СССР. Ввиду большого количества работ по истории нашей родины пришлось выставить лишь самое существенное, дав остальную литературу в списках. Рассматривая витрины выставки, содержащие книги по истории СССР, посетитель убеждается в плодотворной деятельности историков, преодолевших пережитки «школы» Покровского (на выставке представлен сборник «Против антимарксистской концепции Покровского». Ч. 1-я и 2-я. М.) и давших ряд ценных конкретных исследований (работы Б. Грекова, Ю. Готье, М. Прищёлкова, С. Веселовского и др.), а также такие солидные публикации документов, как издания Русской Правды, летописей, материалов по социально-экономической истории феодализма, по истории народных движений и революционной борьбы пролетариата.

9 из 20 витрин на выставке заняты работами, посвящёнными отдельным периодам истории СССР: с древнейших времён до XVII в., с XVIII в. до революции 1905 г., с 1905 г. до Октябрьской социалистической революции и от Октябрьской революции до наших дней. Специальная витрина занята работами по истории отдельных народов СССР — область истории, вообще не разрабатывавшаяся в царской России.

Отдел истории СССР завершается витриной, посвящённой великой отечественной войне. Здесь выставлены книги и брошюры об отдельных этапах героической борьбы советского народа с фашистскими захватчиками, о героической защите славных городов — Москвы, Ленинграда, Севастополя, Одессы, — о ярких боевых эпизодах. Многочисленные брошюры рассказывают о героях отечественной войны, о партизанском движении и единстве фронта и тыла. Здесь же показаны последние работы советских историков, творческая мысль которых плодотворно работает в дни отечественной войны. Их внимание в основном привлекает теперь героическое прошлое нашей родины и «мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова» (Сталин).

Наряду с книжной продукцией на выставке представлены образцы исторической периодики за 25 лет, а также работы по библиографии общих и специальных вопросов истории.

Р. Инглези и Б. Каменецкий

В Государственном Историческом музее (Выставка к 25-летию Великой Октябрьской социалистической революции)

Государственный Исторический музей открыл выставку «Разгром немецко-фашистских войск на подступах к Москве». Выставка ставит своей целью последовательно показать все этапы грандиозной битвы под Москвой и хоть частично суммировать громадный исторический материал, до сих пор иной раз рассеянный, несобраный и неизученный.

Историческое введение на тему «Русский народ всегда был захватчиков-интервентов» кратко показывает героические моменты из истории нашей родины — от Ледового побоища до изгнания интервентов из России в 1918—1920 годы.

Темы развёртываются в основном на иллюстративном материале и группах современного событийно оружия.

Показ великой отечественной войны начинается со второго зала. Основным его содержанием являются октябрьское наступление Гитлера на Москву и провал этого наступления. Зал заканчивается выступлениями И. В. Сталина 6—7 ноября 1941 г. и характерной отсвета стравы на призывы

вождя. Отдельный стэнд отведён союзу демократических стран в борьбе с фашистской агрессией.

Зал № 4 посвящён упорным оборонительным сражениям на подступах к Москве в связи со вторым «генеральным» наступлением немецко-фашистских войск (16 ноября — 5 декабря 1941 г.). Здесь нашли отражение бои на Волоколамском (правое крыло), Можайско-Малоярославском (центр) направлениях и героическая оборона Тулы (левое крыло Западного фронта). Героизм и стойкость Красной Армии, действия гвардейских частей, шедших в бой под лозунгом «Ни шагу назад!», дали свои результаты: попытка врага прорваться к Кубинке, Дмитрову, Кашире и Подольску была сорвана — враг был остановлен, когда его передовые части были уже в 20 км от столицы.

В зале № 6 освещён переломный момент войны, начало её второго этапа — контрнаступление Красной Армии, переход инициативы в её руки и разгром немецко-фашистских войск. Последовательно показаны

контрудар на правом и левом крыле Западного фронта и дальнейшее наступление Красной Армии — взятие Волоколамска, Клина, города Калинина, Калуги, прорыв немецкого фронта на реках Ламе, Рузе, Москве, Наре, взятие Можайска.

Заключительный стэнд показывает полное освобождение Московской и Тульской областей от оккупантов.

Зал заканчивается приказом наркома обороны товарища Сталина, данным в день XXIV годовщины РККА.

Особый зал отведён партизанскому движению (на материалах Московской и Тульской областей). Отдельно сгруппирован материал, рисующий зверства фашистских варваров, в частности сознательное и планомерное разрушение ими культурных ценностей: Ясная Поляна, дом Чайковского в Клину, кабинет Циолковского в Калуге, Воскресенский собор в Истре, усадьба Гончаровых и Чернышёвых в Яропольце, Бородинский музей — все эти культурные гнезда Подмосковья и Тульской области проходят перед глазами посетителя, какими они были и какими стали после фашистской оккупации.

Научный коллектив, работавший над выставкой, поставил своей целью документировать события великой отечественной войны всеми видами источников. Среди 700 экспонатов выставки есть ряд документов, которые должны быть интересны каждому: назначение генерал-майора А. Лизюкова начальником северной группы обороны Москвы в дни наиболее тяжёлых оборонительных боёв, 28 ноября 1941 г.; письмо Героя Советского Союза ген. Л. Доватора от 25 ноября 1941 г.: «Моя храбрые казаки ведут упорные бои в районе Солнечногорска. Врагам никогда не видать Москвы»; сводка Информбюро, наскоро записанная командиром партизан для чтения в отряде; боевая песня, сложенная героической 1-й гвардейской танковой бригадой; указы и постановления правительства; номера газет, центральных и местных, и т. д. В самых разнообразных документах рисуется руководящая роль наркома обороны товарища Сталина в разгроме фашистских войск под Москвой.

Первостепенное значение для выставки имеет фотодокумент. Здесь представлены фотографии, сделанные во время боевых действий или по их следам. Таково, например, фото М. Калашникова «Гвардейцы панфиловцы в обороне», заснятое в памятные дни ноябрьских боёв на Волоколамском направлении; фото С. Струнникова «Генерал-майор Белов даёт указания командирам», относящееся к началу контрудара (первые числа декабря); фашистский застенок в Верейском соборе, заснятый при освобождении гор. Верей, и др.

Очень часто документальность фотографии подтверждается письменным источником, и тогда её историческая значимость ещё больше возрастает. Такую параллельную документацию имеют ряд снимков военных эпизодов под Можайском, Тулой, изображения зверства фашистских бандитов

и др. Следует отметить серии фотографий, рисующих историю и жизнь отдельных воинских частей, рабочих полков. Мы знакомимся с героями танкистами-катуковцами, советскими соколами-лётчиками 12-го гвардейского истребительного авиополка, мужественными рабочими-туляками. Некоторые из фотодокументов по композиции и выполнению поднимаются до уровня художественного произведения (например серия фотографий С. Струнникова). С другой стороны, имеющиеся на выставке картины и гравюры получают значение документов, так как даны свидетельства или участниками событий. «Парад на Красной площади 7 ноября 1941 г.» (худ. К. Юон), «Москва в дни войны» (худ. Д. Тархов), его же серия «В освобождённой Калуге», «Ген. Панфилов» (худ. В. Яковлев), «На Ленинградском шоссе» (худ. Г. Нисский), панно «Народная война» П. Соколова-Скала и др. — всё это правдивые изображения конкретных событий и героев отечественной войны. Свообразными документами эпохи являются «Окна ТАСС», данные на выставке в подлинниках.

Неотъемлемой частью каждого экспозиционного комплекса выставки является вещевой материал. Каждый шаг Красной Армии, будь то активная оборона или стремительное наступление, сопровождался уничтожением живой силы и боевой техники врага. В каждом зале мы находим трофеи Красной Армии. Вот немецкое, французское, чехословацкое оружие, взятое на Западном направлении ещё в дни октябрьских боёв, вот полковое знамя со свастикакой, отбитое в дни боёв за Истру, вот рация с фашистского самолёта, сбитого в ноябре под Можайском, вот немецкий пулемёт, взятый туляками и направленный ими против немцев. Плотными рядами лежат френчи и блузы фашистов под выразительной надписью: «Мы почти достигли Москвы». Омерзение и ненависть вызывают группы вещей — содержимое ранцев и карманов фашистов. Рядом с «железным крестом» первой степени лежит фотоизображение попойки; вместе с молитвенником хранятся порнографические картинки; рядом с сентиментальной семейной идиллией — фотография порки мирных жителей; вместе с лубочной картинкой аккуратно сложена подробная карта Африки. Ранец пленного фашиста наполнен награбленными вещами, среди которых детские платья, игрушки, женские чулки и косынки...

Наибольшим и заслуженным вниманием посетителей пользуются собрания меморативных материалов, связанных с жизнью и деятельностью Героев Советского Союза. Чувство восхищения и глубокой печали испытывает каждый у витрины со скромными личными вещами девушки-героини Зои Космодемьянской — «Таня». Личные вещи и документы, связанные с жизнью и деятельностью гвардейцев-генералов: Л. Доватора, А. Лизюкова, И. Панфилова, — создают яркий образ советского воина, командира, героя. «Москву врагу не дадим, — пишет генерал Панфилов жене»

город Фрунзе 1 ноября 1941 года. — Уничтожаем гада тысячами и сотнями — его танки. Дивизия бьётся хорошо. Дивизия будет гвардейской».

На выставке имеются оригинальные схемы карт, которые наглядно показывают ход боевых операций соответственно основным этапам военных действий.

Выставка продолжает пополняться материалами.

«От лубка к печатной картине» (Выставка в Московском товариществе художников)

16 ноября в помещении Московского товарищества художников состоялось открытие выставки, организованной правлением Московского союза советских художников и Ленинской библиотекой. Участвуют в выставке и экспонаты Музея изящных искусств.

Выставка называется «От лубка к печатной картине». Название это не совсем точно передаёт содержание выставки: подбором экспонатов и их расположением в первую очередь достигается освещение того, как отразилась война на процессе развития от лубка к картине.

Отдельный стенд на выставке посвящён истории военного репортажа — от летучих листков XV в. с изображением военных событий до многотиражных иллюстрированных журналов. Среди экспонатов этого раздела привлекают внимание гравюры на дереве, относящиеся к 1486 г., изображающие бой между всадниками и пехотинцами, осаду крепости. Там же помещены фотоснимки с гравюр Капшо из сюиты «Бедствия войны» и с картин Гойи «Ужасы войны».

Военно-журнальный репортаж ведёт начало от первых многотиражных иллюстрированных журналов XIX века. В витринах выставлены номера английского журнала «Penny Magazine» (вышел в 1832 г.), французского — «Magazine pittoresque» (вышел в 1833 г.) и русского — «Живописное обозрение» (вышел в 1835 г.), в которых даны зарисовки военных событий того времени. С выходом в 1842 г. английского журнала «Illustrated London News» связано начало журнального художественного репортажа, образцы которого помещены на этом же стенде. Здесь даны иллюстрации к ряду военных событий XIX в. в исполнении крупных художников. Правдивое и прагматическое изображение получили франко-прусская война и Парижская коммуна 1870—1871 гг. в художественном репортаже таких художников, как Андре, Гольц, Регалье и др.

Военные события русско-турецкой войны 1877—1878 гг., русско-японской войны 1904—1905 гг. и первой мировой войны, 1914—1918 гг., отражены выставленными журнальными иллюстрациями Джорджа Скотта, Диксона, Матанья, Стейнлейна, Гюйгенса и др.

Русский исторический лубок занимает значительное место на выставке. В экспонатах этого типа отражена любовь русского народа к своей родине и её героям.

Одновременно с выставкой открылся зал, организованный комиссией по истории отечественной войны при ЦК КП(б) Белоруссии совместно с Историческим музеем, на тему «Белоруссия жива, Белоруссия борется, Белоруссия была и будет советской!»

А. Закс

Здесь привлекает внимание репродукция с гравюры на дереве XVIII в. «Сильный богатырь Алёша Попович», с гравюры на меди «Ополчение и поход великого князя Дмитрия Ивановича Донского против царя татарского Мамаю».

Богат по содержанию и по исполнению стенд, посвящённый Отечественной войне 1812 года. Патриотический подъём, охвативший русский народ, и ненависть к захватчикам нашли своё отображение в ряде карикатур, зло высмеивающих жадных и трусливых наполеоновских воёв. Из экспонатов этого стенда наиболее интересны рисунки А. Венецианова. Один из них представляет подвиг «Санкт-петербургского ратника Храброва». Рисунок этот снабжён надписью: «Эй, мусе, я русак, а не прусак», — а далее следует двустишие:

«В согласном стаде волк не страшен,
И храбрость крепче стен и башен».

В стенде, посвящённом отображению русско-японской войны, много плакатов с описанием героических подвигов, совершенных русскими патриотами. Таков плакат о рядовом Давиде Выжилке, вынесшем с поля боя раненого офицера; плакат о подвиге замечательного русского лётчика штабс-капитана Нестерова, победившего на таран против немецкого самолёта и пожертвовавшего собой во имя любви к родине.

Мировая война 1914—1918 гг. отражена большим количеством плакатов, изображающих зверства немцев во временно захваченных ими русских городах. Особенно выразительны хромолитографии Абсита «Железные сердца», «Германские шакалы», «Зверства немцев в Калише». Рисунок Мухарского «Русский герой унтер-офицер Порфирий Панасюк» изображает пытки, которым подлые немецкие захватчики подвергли русского патриота. Интересен и ярлык плакат, исполненный Малевичем, с текстом к нему В. Маяковского:

«Шёл австриец в Радзивиллы,
Да попал на бабы вилы».

Особый стенд посвящён плакату после-революционного периода. Здесь выделяется плакат В. Спасского «Дубинушка». Моора (Д. Орлова) «Кто не работает, тот не ест». Интересен офсет Б. Иогансена, относящийся к 1929 г., «Лампочка Ильича».

По своей тематике выставка перекликается с современностью, и она, несомненно, привлечёт внимание историков.

Б. Кремортат

В Институте истории АН СССР

I

Институтом истории Академии наук СССР совместно с политотделом спецчастей ташкентского гарнизона и Домом Красной Армии Среднеазиатского военного округа 8 сентября 1942 г. была организована научная сессия Института, посвящённая 130-летию со дня Бородинского боя. На сессии были заслушаны доклады д-ра исторических наук М. Нечкиной и д-ра исторических наук А. Предтеченского.

М. Нечкина в своём докладе «Стратегическое и тактическое значение Бородинского сражения», остановившись на историографии темы, отметила малую разработанность вопроса о Бородинском сражении. Бородину, в сущности, никогда не было предметом научно-исследовательской работы (не исключая и работы Геруа, лишённой научно-исследовательского аппарата и основанной на ложных методологических предпосылках якобы «исконной» борьбы романских и славянских народов).

Сделав обзор первоисточников темы и остановившись на их сравнительной оценке, докладчик поставил своей целью проследить за динамикой боя в свете последовательной смены тех тактических задач, которые хотели разрешить Наполеон и Кутузов. Наполеон был нападающей стороной; Кутузов, же, рассматривая Бородинское сражение для русской армии как оборонительное, предвидел возможность перерастания обороны в наступление при удаче отражения неприятельских ударов. Обычный способ действий Наполеона — удар в слабейшее место фронта противника — был применён Наполеоном и в Бородинском бою. Сначала Наполеон поставил своей задачей разгром русского левого фланга (Багратионовы флеши) и обход левого фланга корпусом Понятовского для удара в тыл русских войск. Этот замысел Наполеону не удалось осуществить. Хотя после упорного и героического сопротивления русских и были захвачены французами Багратионовы флеши, но это было и осталось лишь первой частью задуманной операции: развить её не удалось — Понятовский не смог совершить своего обходного движения. Корпус генерала Тучкова I с ополченцами, поставленный Кутузовым в Улицком лесу (ополченцы в бой так и не вступили), помешал Понятовскому совершить обход, и хотя корпус был потеснён (ген. Тучков был убит), но выполнил свою основную задачу и помешал обходу.

Так осталась неразрешённой первая тактическая задача, поставленная Наполеоном в Бородинском сражении. Поэтому действия Тучкова и Понятовского и возглавляемых ими войсковых сил приобретают особое значение в общем ходе боя. Ранее же они обычно в литературе с 1812 г. рассматривались обособленно, вне связи с основными ударами Наполеона, и произвольно выделялись в конце описания сражения. Таким образом, потерпел поражение первый из применённых Наполеоном

методов, много раз приносящий ему успех (Ульм, Иена). Наполеон тогда меняет свой первоначальный замысел и обрушивает всю силу основного удара на русский центр (Курганную батарею Раевского), стремясь прорвать его, ввести в прорыв свежие резервы (для этого он бережёт гвардию) и кончить бой полным разгромом противника, что и было для Наполеона основной целью генерального сражения при Бородине. Иначе говоря, переменяя характер своего наступательного плана, Наполеон начинает действовать в основном по типу Аустерлицкого сражения, где прорыв центра сыграл решающую роль. Наполеону удаётся взять после достиж усилий Курганную батарею Раевского, но прорыв центра ему, тем не менее, не удалось осуществить. Свежие силы русских (главным образом с правого фланга — здесь замечательна роль гвардии, в частности кавалергардов, значительна и роль Барклая де Толли) заливают образовавшуюся в центре выемку, и прорыв центра остаётся неосуществлённым; глубокое построение, приданное Кутузовым Бородинской военной позиции, играет здесь свою положительную роль.

В свете изложенного ясно, что и Багратионовы флеши в Курганной батарее Раевского были лишь передовыми укреплениями русского фронта, падение которых не имело решающего значения. Наполеону не удалось разрешить ни одной из тактических задач, которые он себе ставил. В стратегическом же отношении Бородинское сражение — первое, не выигранное Наполеоном, — сыграло важнейшую роль: Бородину оказалось смертельной раной, нанесённой в сердце наполеоновской армии; она прожила с этой раной 35 дней, после которых началось отступление Наполеона. В международном отношении Бородинский бой приобретает крупнейшее значение как начало наполеоновского конца и способствует краху его империи и попытки установления мирового господства.

А. Предтеченский в докладе «Русская армия в Бородинском бою» характеризует Бородинский бой как столкновение двух противостоящих сил: наполеоновской армии, видевшей в этом бою средство полного уничтожения противника и надеявшейся в результате этого достичь скорого и крайне необходимого ей мира, и русской армии, ставившей перед собой задачу остановить продвижение врага в глубь страны и тем самым спасти родину от угрозы потери её целостности и независимости. Русская армия выполняла в Бородинском бою не только свой воинский, но и национальный долг. Высокий патриотизм русской армии и великолепно развитое чувство воинского долга рождали в ней ту стойкость, о которую разбился натиск Наполеона. Непокоримая стойкость русской армии засвидетельствована многочисленными отечественными и иностранными источниками.

Всеобщее восхищение вызвала, например, сводная гренадерская дивизия, исчезающая,

по словам её командира Воронцова, «не с поля сражения, а на поле сражения». Наполеоновский генерал Пеле, вспоминая о французских атаках левого фланга русской армии, говорил: «Русские колонны терпели огромный урон. Но эти храбрые воины, собравшись с последними силами, нападали на нас попрямеему». О поведении Литовского и Измайловского полков во время стремительной атаки их французской кавалерией Коновницын в таких выражениях доносит Кутузову: «Осылаемые картечами ряды их, несмотря на потерю, пребыли в наилучшем устройстве, и все чины, от первого до последнего, один перед другим являли рвение своё умереть, прежде нежели уступить неприятелю». С поразившим французам упорством защищали русские батареи Раевского, буквально выполняя приказ начальника артиллерии 1-й армии ген. Кутайсова: «Из пушек стрелять до тех пор, пока неприятель не сядет верхом на них».

Беспримерное мужество русской армии дало основание маршалу Гувизиону-Сен-Сиру высказать такое, полное глубокой правды суждение: «Русские не были разбиты. Ни на одной точке их линии не было ни малейшего поражения. Поражено было тело, но не душа их армии».

Все успехи Наполеона (ничтожные с точки зрения поставленных им перед собой задач) были достигнуты не иначе, как ценой больших потерь, нанесённых русской армией, умиравшей, но не уступавшей врагу ни пяди земли. Героическое сопротивление русской армии в Бородинском бою явилось серьёзным ударом по наполеоновским войскам, обессилившим их и опередившим в конечном счёте победу России.

II

13 августа 1942 г. в Институте истории АН СССР (Ташкент) на заседании сектора истории СССР был заслушан доклад В. Куна «Основы военного искусства А. В. Суворова».

Докладчик определяет военное искусство Суворова как сочетание принципов стратегии и тактики сокрушения с особой военно-тактической подготовкой бойца.

В своём докладе, являющемся одной из трёх глав работы, посвящённой Суворову, В. Кун уделял особое внимание анализу суворовской системы воспитания солдата, сводившейся в основном к физическому развитию, развитию выносливости и воспитанию нравственной стойкости и находчивости. Докладчик определяет тактику Суворова как применение трёх принципов: глазомера, быстроты и натиска, — дававших возможность бить противника по частям. Его стратегия в противоположность стратегии Фридриха была стратегией сокрушения и доковалась на народности русской армии.

Выступающая в прениях М. Нечкина считает, что В. Кун недостаточно ярко показал Суворова как первого полководца, су-

мевшего уловить основные принципы военного искусства новой эпохи. Суворов выдвинул принцип — самое главное в войне — человек и его живое, сознательное отношение к делу — в противоположность военно-феодалному, фридриховскому принципу, по которому человек являлся машиной. По отношению к противнику тот же принцип у Суворова гласит: уничтожай живую силу противника. Не согласна М. Нечкина и с тем, что на развитие взглядов Суворова будто имел особое влияние Цезарь. Широкое образование Суворова дало ему возможность использовать всё наследие прошлого — как древнего, так и нового времени.

По мнению выступившего А. Предтеченского, докладчику следовало бы более чётко показать, отношение А. В. Суворова к крепостничеству, и подчеркнуть его народолюбие и умение овладеть внутренним миром солдата. В работе В. Куна также не уделено место исключительной роли Суворова в дальнейшем развитии русской военной мысли.

А. Тифлисова

III

Наряду с подготовкой коллективных работ сотрудники Института истории АН СССР продолжали вести большую работу по подготовке монографий: акад. Б. Греков «История крестьян с древнейших времён до конца XVII века», «История Булгарского ханства»; А. Удальцов «Этногенез народов Европы»; С. Бахрушин «Сибирь и Средняя Азия», «Избранная рада Ивана Грозного»; С. Веселовский «Внешняя и внутренняя политика Ивана IV и образование великорусского государства», «О феодальном землевладении в Северо-восточной Руси»; С. Богоявленский «История гор. Ташкента во второй половине XIX века»; Е. Кушева «Северный Кавказ в международных отношениях XVI—XVII вв.»; В. Ледяев «История Москвы с древнейших времён до конца XVI в.»; И. Смирнов «Политическая история Московского государства в первой половине XVI в.»; Ш. Типеев «Община у башкир в середине XIX в.»; Е. Космийский «Английская деревня в XIII веке» (2-е изд.); В. Авдиев «Древнейший узел сакральных культур в Средней Азии»; М. Смирин «Прусская государственность и её корни»; чл.-корр. АН СССР В. Пичета «История Польши» (т. I); Р. Авербух «Демократическое движение в Вене в 1848 году»; Н. Дружинин «Государственные крестьяне и реформа Киселёва»; Я. Зулме «Аграрные отношения в Литовки в XVI—XVIII вв.»; А. Миллер «Реформы Селима III»; Ф. Потёмкина «Промышленная революция во Франции», «Вопросы войны в трудах Клаузевица»; О. Вайнштейн «Тридцатилетняя война и Вестфальский мир»; Ф. Ротштейн «Семилетняя война»; Е. Тарле «Тильзитский мир»; Ф. Нотович «Разгром Германии в 1918 году»; проф. Р. Виллер «Иван Грозный» (2-е изд.).

Е. Рубинштейн

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

◆ Чехословацкое министерство иностранных дел выпустило книгу, в которой на основании документальных свидетельств дана характеристика чудовищного террора, установленного гитлеровцами в Чехословакии (*On the reign of terror in Bohemia and Moravia under the regime of Reinhard Heydrich. Czechoslovak Ministry of Foreign Affairs*). В книге сообщаются факты, характеризующие режим, установленный кровавым заместителем Гитлера — Гейдрихом — со дня назначения последнего «протектором Богемии и Моравии» (27 сентября 1941 г.) и кончая 29 ноября того же года. Гейдрих, как известно, был казнён чешским народом в мае 1942 года. Эта книга является продолжением другой официальной публикации — о режиме в порабощённой Чехословакии, изданной в апреле 1941 г. (*Two years of German oppression in Czechoslovakia*). Как и в предшествующем издании, в настоящей книге изложение основано исключительно на официальных материалах, приказах и распоряжениях гитлеровских властей в Чехословакии, а также на выдержках из фашистской печати. В книге даётся исчерпывающая характеристика гитлеровского режима угнетения и бесправия, созданного оккупантами в покорённой Чехословакии. В конце книги дан список заложников, казнённых гитлеровцами в течение двух месяцев. В этом списке насчитывается около 400 человек. Составители книг подчёркивают, что этой цифрой не исчерпывается число жертв гитлеровского террора в Чехословакии.

◆ Несколько лет тому назад университет штата Нью-Мексико (США), находящийся в гор. Альбукерке, разработал план систематизации археологической работы в районе нескольких штатов югозападной части США. Этот район, охватывающий штаты Нью-Мексико, Аризона, Колорадо и Юта, содержит богатейшие остатки материальной культуры индейских племён пуэбло. Археологические раскопки в этой области и работы по изучению племён пуэбло велись до сей поры без всякого плана. В конце 1928 г. при губернаторе штата Нью-Мексико было создано специальное управление археологического изучения штата. Это управление совместно с университетом Нью-Мексико, школой американских исследований и рядом других научных организаций (музей г. Альбукерке, Санта Фе и др.) приступило к разработке плана, имеющего целью систематизировать всю археологическую работу, проводимую на территории четырёх штатов так называемой культуры пуэбло (упомянутые выше штаты Нью-Мексико, Аризона, Колорадо и Юта). При разработке плана имеется в виду добиться координации в деятельности исследовательских археологических партий на территории этих штатов, усилить плановое начало в этой работе. По поручению археологического управления штата университет штата Нью-Мексико составил подробный план работ. Вся территория штатов разделена на участки: планы и карты этих участ-

сков занумерованы и хранятся в управлении. Там же концентрируется самый подсобный материал о том, какие экспедиции и исследовательские группы и в каких местах проводили разработки. Эта система позволяет координировать работу археологов, избегать параллельных и повторных работ. Результаты исследовательской археологической работы по изучению пуэбло систематически публикуются в специальных изданиях университета Нью-Мексико.

◆ В Оксфорде выпущено новое историческое исследование, посвящённое анализу происхождения географических названий графства Мидлсекс. В пределах этого графства, как известно, находится и Лондон. Однако авторы исследования оставили вне рамок своего изучения названия самого Лондона (Сити) и ограничились его предместьями. Изучение самого Лондона потребовало бы нового большого тома. Кроме того в связи с войной сократились архивные возможности, и поэтому пришлось ограничиться разработкой уже собранных и изученных материалов. В таком виде книга вышла в начале 1942 г. в издании Оксфордского университета (*Gover J. E. B., Mawer A. and Stenton F. M. with the collaboration of Madge S. J. The Place-names of Middlesex. Apart from the City of London. Cambridge, University Press, 1942*). Авторы исследования собрали богатый материал, характеризующий происхождение географических названий графства и проливающий свет на его историю.

◆ В начале августа текущего года в Женеве умер (в возрасте 71 года) известный итальянский историк и публицист Гульельмо Ферреро (*Giuglielmo Ferrero*), профессор Женевского университета, широко известный главным образом своим пятитомным трудом «Величие и падение Рима». Гульельмо Ферреро родился в Италии, в Портучи, близ Неаполя, 31 июля 1871 года. Первым трудом его была написанная им совместно с знаменитым итальянским социологом и криминалистом Чезаре Ломброзо книга «*La donna delinquente*» («Преступная женщина») (Турин, 1893). Но большую известность Ферреро приобрёл своими книгами, вышедшими в тот же период: «*L'Europa giovane*» («Юная Европа») (Милан, 1897) и «*Il Militarismo*» («Милитаризм») (1898). Книга «Юная Европа» (политический репортаж) является результатом его длительного путешествия по Европе, которое Ферреро предпринял после защиты своей докторской диссертации. После этого Ферреро занялся изучением истории Рима, в результате чего появился его широко известный основной труд «*Grandezza e decadenza di Roma*» (Милан, 1902—1907), охватывающий период от конца Республики до смерти Августа. Ферреро уделяет здесь основное внимание исследованию влияния экономики и общественных взаимоотношений на политическую историю Рима.

В годы империалистической войны Ферреро написал книгу «Il genio latino» («Латинский гений») (1917). В послевоенные годы им написан ряд работ, посвящённых истории античного Рима—«Roma antica» (1921—1922)— и новой истории. Таковы, например, его труды по истории Венского конгресса 1814—1815 гг. и по вопросам современности. Наиболее крупными из его последних работ являются «Проблемы мира» (1919); «Da Fiume a Roma» (1923), переведённая на английский язык как «Четыре года фашизма», «Единство мира» (1931), «Мир и война» (1933), «Жизнь Юлия Цезаря» (1933) и др.

В последние годы Ферреро выступал также в роли автора исторических романов (жизнь Италии в эпоху франко-прусской войны 1870 г.). Ферреро регулярно сотрудничал во французской газете «Dépêche de Toulouse» и в ряде латиноамериканских и английских газет. В 1930 г. Ферреро был избран профессором новой истории Женевско-

го университета. Его основной труд «Величие и падение Рима» переведён на многие европейские языки, в том числе на русский. Широкой популярностью Ферреро способствовал его стиль— живой, яркий, образный, хотя и несколько напыщенный. Стремления к историческим параллелям и сравнениям приводили Ферреро к крайнему модернизму. Его объяснения движущих причин величия и упадка Рима можно расценивать как вульгарный материализм. Некоторые его работы, как например «Античный Рим», носят реакционный характер. В «Юной Европе» наряду с тенденцией к коллективизму можно отметить уклон к расовой точке зрения. Но, тем не менее, Ферреро является прогрессивным историком и активным антифашистом. Радикальный демократ по политическим убеждениям, Ферреро активно и последовательно выступал против фашизма, хотя и критиковал его с либеральной точки зрения, доказывая предстоящую неминуемую гибель фашистской Италии.

CONTENTS:

ARTICLES: MOCHALOV V.—New Military Documents of V. I. Lenin. FEDOSOV P.—Birth of the First Motorized Guards Rifle Division. LIKHACHEV D. Russian Culture at the End of XIV and the Beginning of the XV Centuries. STEINBERG E., prof.—German Imperialism in the Near East on the Eve of the World War of 1914—1918. REPORTS AND PUBLICATIONS: VOLIN B., prof. V. I. Lenin in Samara. KUSHEVA H. Position of the Northern Caucasus and the International Relations during the XVI—XVII Centuries. POLIANSKI N. prof.—Historical Precedents for the Arraignment of Those Responsible for the War. LAZAREV N. First Information obtained in Russia about New World. DOCUMENTS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR, REVIEWS AND BIBLIOGRAPHY CURRENT EVENTS.

SOMMAIRE:

ARTICLES: MOTCHALOV V. Nouveaux documents militaires de V. I. Lénine. FEDOSSOV P. Comment est née la première division motorisée des fusiliers de la Garde. LIKHATCHOV D. La culture russe à la fin du XIV et au début du XV siècle. STEINBERG E., prof.—L'impérialisme allemand dans le Proche-Orient à la veille de la guerre de 1914—1918. COMMUNICATIONS ET PUBLICATIONS: VOLINE B., prof. Lénine à Samara. KOUCHEVA H. Le Caucase du Nord et les rapports internationaux aux XVI—XVII siècles. POLIANSKI N., prof.—Les criminels de guerre au banc des accusés. Précédents historiques. LAZAREV N. Les premières notions sur le Nouveau Monde en Russie. DOCUMENTS DE LA GRANDE GUERRE NATIONALE. CRITIQUE ET BIBLIOGRAPHIE. CHRONIQUE.

INHALT:

ARTIKEL: MOTSCHALOW W. Neue militärische Dokumente von W. I. Lenin. FEDOSSOW P. Die Entstehung der I. Motorisierten Garde Schützendivision. LICHATSCHOW D. Die Kultur Russlands am Ausgang des XIV und zu Beginn des XV Jahrhunderts. STEINBERG E., Prof. Der deutsche Imperialismus im Nahen Osten am Vorabend des Weltkrieges 1914—1918. MITTEILUNGEN UND VERÖFFENTLICHUNGEN: WOLIN B., Prof. W. I. Lenin in Samara. KUSCHEVA H. Der Nordkaukasus und die internationalen Beziehungen im XVI—XVII Jahrhundert. POLJANSKI N. Kriegsverbrecher auf der Anklagebank—Historische Präzedenzfälle. LAZAREW N. Die ersten Nachrichten in Russland über die Neue Welt. DOKUMENTE DES GROSSEN VATERLÄNDISCHEN KRIEGES. KRITIK UND BIBLIOGRAPHIE. CHRONIK.

Редакционная коллегия:

Ем. Ярославский,
Б. М. Воля,
И. А. Кудрявцев,
И. И. Минц,
А. М. Панкратова,
С. И. Гопнер.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24, комн. 239. Д 3-31-04. Д 3-36-50.

А46. Изд. № 83. Зак. 3426. Тираж 30.000.
Подписано к печати 28/1 1943 г. 68.000 п. зв. в п. л.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.